This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Шкафъ — I
Полка — 5
№
Библіотека Асташева.

A 473067 DUP

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

орической
принесть
ость мо-
тный при-
Милослав-
, эти два
исать Рус-
я Истори-
собою, но
и; я же-
жныя
со-

РОСЛАВЛЕВЪ

ИЛИ

РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

ЧАСТЬ I.

СОЧИНЕНІЕ

М. ЗАГОСКИНА.

Изданіе третье.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1851.

...ый МАГАЗИНЪ
...ЧКИЛЬЕВА
...БУЛЬВАРЪ.
...КВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 14 дня, 1850 года.

Цензоръ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

С61-203с94

Печатая мой второй Исторической Романъ, я считаю долгомъ принести чувствительнѣйшую благодарность моимъ соотечественникамъ за лестный пріемъ, сдѣланный ими Юрію Милославскому. Предполагая сочинить эти два Романа, я имѣлъ въ виду описать Русскихъ въ двѣ достопамятныя Историческія эпохи, сходныя межъ собою, но раздѣленныя двумя столѣтіями; я желалъ доказать, что хотя наружныя формы и физіономія Русской націи

совершенно изглаживались. — мы не изглаживались вмѣстѣ съ ними: наша непоколебимая вѣрность къ престолу, привязанность къ Вѣрѣ предковъ и любовь къ родимой сторонѣ. Не знаю, достигъ ли я этой цѣли, но во всякомъ случаѣ, почитаю необходимымъ просить всѣхъ читателей о нижеслѣдующемъ:

1. Не досадовать на меня, что я въ этомъ современномъ Романѣ не упоминаю о всѣхъ достопамятныхъ случаяхъ, ознаменовавшихъ незабвенный для Русскихъ 1812 годъ.

2. Не забывать, что Исторической Романъ не Исторія, а выдумка, основанная на истинномъ произшествіи.

3. Не требовать отъ меня отчета, почему я описываю именно то, а не иное произшествіе; или для чего, упоминая объ одномъ Историческомъ лицѣ, я не

говорю ни слова о другомъ. — И наконецъ:

4. Предоставляя полное право читателямъ обвинять меня, если мои Русскіе не походятъ на современныхъ съ нами Русскихъ 1812 года, я прошу однако же не гнѣваться на меня за то, что они не всѣ добры, умны и любезны; или на оборотъ: не смѣяться надъ моимъ патріотизмомъ, *если между моихъ Русскихъ найдется много умныхъ, любезныхъ и даже истинно просвѣщенныхъ людей.*

Тѣмъ, которые въ Русскомъ Молчаливомъ Офицерѣ *узнаютъ Историческое лице тогдашняго времени, — я признаюсь заранѣе въ небольшомъ анахронизмѣ: этотъ Офицеръ дѣйствительно былъ, подъ именемъ Флорентійскаго купца, въ Данцигѣ; но не въ концѣ осады, а при началѣ оной.*

Интрига моего Романа основана на истинномъ произшествіи — теперь оно забыто; но я помню еще время, когда оно было предметомъ общихъ разговоровъ, и когда проклятія оскорбленныхъ Россіянъ гремѣли надъ главою несчастной, которую я назвалъ Полиною въ моемъ Романѣ.

РОСЛАВЛЕВЪ,

или

РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА I.

« Природа въ полномъ цвѣтѣ : зеленѣющія поля обѣщаютъ богатую жатву. Все наслаждается жизнію. Не знаю, отъ чего сердце мое отказывается участвовать въ общей радости творенія. Оно не смѣетъ развернуться, подобно листьямъ и цвѣтамъ. — Непонятное чувство, похожее на то, которое смущаетъ насъ предъ сильною лѣтнею грозою, сжимаетъ его. Предчувствіе какого-то отдаленнаго несчастія меня пугаетъ!.. Недаромъ — говорятъ

простолюдины — недаромъ прошлаго года такъ долго ходила въ небесахъ *невиданная звѣзда;* недаромъ горѣли города, селы, лѣса, и во многихъ мѣстахъ земля выгорала. Не къ добру это все! Быть великой войнѣ! »

Такъ говоритъ краснорѣчивый сочинитель *писемъ Русскаго Офицера*, приступая къ описанію отечественной войны 1812 года.—Привыкшій считать себя *видимой* судьбою народовъ, представителемъ всѣхъ силъ, всего могущества Европы, Императоръ Французовъ долженъ былъ ненавидѣть Россію. Казалось, она одна еще, не отдѣленная ни моремъ, ни безлюдными пустынями отъ земель, ему подвластныхъ, не трепетала его имени. Сильный любовію подданныхъ, твердый въ вѣрѣ своихъ державныхъ предковъ — Царь Русской отвергалъ всѣ честолюбивыя предложенія Наполеона; переговоры длились, и ничто, повидимому, не нарушало еще общаго спокойствія и тишины. — Одни, не сомнѣ-

ваясь въ могуществѣ Россіи, смотрѣли на эту отдаленную грозу съ равнодушіемъ людей увѣренныхъ, что буря промчится мимо. Другіе — и къ сожалѣнію также Русскіе — трепеща предъ сей воплощенной судьбою народовъ, желали мира, не думая о гибельныхъ его послѣдствіяхъ. Кипящіе мужествомъ юноши ожидали съ нетерпѣніемъ войны. Старики покачивали сомнительно головами, и шепотомъ поговаривали о безсмертномъ Суворовѣ. Но будущее скрывалось для всѣхъ подъ какимъ-то таинственнымъ покровомъ. Народъ не толпился еще вокругъ Храмовъ Господнихъ; еще не раздавались вопли несчастныхъ вдовъ и сиротъ, и не смотря на Турецкую войну, которая кипѣла въ Молдавіи, ничто не измѣнилось въ шумной Столицѣ Сѣвера. Какъ всегда богатые веселились, бѣдные работали, по Невѣ гремѣли народныя Русскія пѣсни, въ театрахъ пѣли Французскіе водевили, Парижскія модистки продолжали оби-

рать Русскихъ барынь; словомъ: все шло попрежнему. — На Западѣ Россіи сбирались грозныя тучи; но громъ еще молчалъ.

Въ одинъ прекрасный лѣтній день, въ концѣ Маія 1812 года, часу въ третьемъ пополудни, длинный бульваръ Невскаго проспекта, начиная отъ Полицейскаго моста до самой Фонтанки, былъ усыпанъ народомъ. Какъ яркой цвѣтникъ пестрѣлись толпы прекрасныхъ женщинъ, одѣтыхъ по послѣдней Парижской модѣ. Зашитые въ галуны лакеи, неся за ними ихъ зонтики и Турецкія шали, посматривали спѣсиво на проходящихъ простолюдиновъ, которые, пробираясь бочкомъ по краямъ бульвара, смиренно уступали имъ дорогу. Въ промежуткахъ этихъ разноцвѣтныхъ группъ, мелькали отъ времени до времени бѣленькія щеголеватыя платьица Русскихъ швей, образовавшихъ свой вкусъ во Французскихъ магазинахъ, и тафтяные капотцы красавицъ средняго

состоянія, которыя, пообѣдавъ у себя дома на Петербургской сторонѣ, или въ Измайловскомъ полку, пришли погулять по Невскому бульвару и полюбоваться большимъ свѣтомъ. Молодые и старые щеголи, въ уродливыхъ шляпахъ — à la cendrillon — съ сучковатыми палками, обгоняли толпы гуляющихъ дамъ, заглядывали имъ въ лице, любезничали и отпускали поминутно ловкія фразы на Французскомъ языкѣ; но лучшее украшеніе гуляній Петербургскихъ, блестящая гвардія Царя Русскаго, была въ походѣ, и только кой-гдѣ, среди круглыхъ шляпъ, мелькали бѣлые и черные султаны Гвардейскихъ офицеровъ; но лица ихъ были пасмурны: они завидовали участи своихъ товарищей и тосковали о полкахъ своихъ, которые, можетъ быть, готовились уже драться и умереть за Отечество.

Въ одной изъ боковыхъ аллей Невскаго бульвара, сидѣлъ на лавочкѣ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти;

онъ чертилъ задумчиво своей палочкой по песку, не обращалъ никакого вниманія на гуляющихъ, и не подымалъ головы даже и тогда, когда проходили мимо его первостепенныя красавицы Петербургскія, влеча за собою взоры и сердца вѣтреной молодежи, и вынуждая невольныя восклицанія пожилыхъ обожателей прекраснаго пола. Но за то почти ни одна дама не проходила мимо безъ того, чтобъ явно или украдкою не бросить любопытнаго взгляда на этого задумчиваго молодаго человѣка. Благородная наружность, черные какъ смоль волосы, длинныя опущенныя къ низу ресницы, унылый, задумчивый видъ — все придавало какую-то неизъяснимую прелесть его смуглому, но прекрасному и выразительному лицу.—Извѣстный романъ: Матильда, или Крестовые походы, сводилъ тогда съ ума всѣхъ Русскихъ дамъ. Онѣ бредили Малекъ-Аделемъ, искали его вездѣ, и находя что-то сходное съ своимъ *идеа-*

ломъ въ лицѣ задумчиваго незнакомца, глядѣли на него съ примѣтнымъ участіемъ. — По его узкому, туго-застегнутому фраку, черному галстуку и небольшимъ усамъ, не трудно было догадаться, что онъ служилъ въ кавалеріи, недавно скинулъ эполеты, и не совсѣмъ еще отсталъ отъ нѣкоторыхъ военныхъ привычекъ.

— « Здравствуй, Рославлевъ! » сказалъ подойдя къ нему видной молодой человѣкъ, въ однобортномъ гороховомъ сюртукѣ, съ румянымъ лицемъ и голубыми, исполненными веселости, глазами. « Что ты такъ задумался? »

— « А, это ты, Александръ! » отвѣчалъ задумчивый незнакомецъ, протянувъ къ нему ласково свою руку.

— « Слава Богу, что я встрѣтилъ тебя на бульварѣ, » продолжалъ молодой человѣкъ. — « Пойдемъ ходить вмѣстѣ. »

— « Нѣтъ, Зарѣцкой, не хочу. Я прошелъ раза два, и мнѣ такъ надоѣла эта пестрота, эта куча незнакомыхъ

лицъ, эти безпрерывныя Французскія фразы, эти.... »

— « Ну, ну!... захандрилъ! — Полно, братецъ, пойдемъ!... Вонъ, кажется, опять она.... Точно такъ!... видишь ли, вотъ этотъ лиловой капотецъ?... Ахъ, mon cher, какъ хороша!... прелесть!... Что за глаза!... Какая-то пріѣзжая изъ Москвы.... А ножка, ножка!... Да пойдемъ скорѣе.»

— « Повѣса! когда ты остепенишься?... Подумай, вѣдь тебѣ скоро тридцать. »

— « Такъ что-жъ, сударь?... Не прикажете ли мнѣ, потому что я нѣсколькими годами васъ старѣе, не смѣть любоваться ничѣмъ прекраснымъ? »

— « Да ты только что любуешься; а тебѣ бы пора перестать любоваться всѣми женщинами, а полюбить одну.»

— « И смотрѣть такимъ же сентябремъ, какъ ты? Нѣтъ, душенька, спасибо!... У меня вовсе нѣтъ охоты сидѣть повѣсивъ носъ, когда я чув-

ствую, что могу еще быть веселымъ и счастливымъ.... »

— « Но кто тебѣ сказалъ, что я несчастливъ? » перервалъ съ улыбкою Рославлевъ.

— « Кто?... да на что ты походишь съ тѣхъ поръ, какъ съѣздилъ въ деревню, влюбился, помолвилъ и собрался жениться? — И, братецъ! чортъ ли въ этомъ счастіи, которое сдѣлало тебя, изъ веселаго малаго, какимъ-то сантиментальнымъ меланхоликомъ. ».

— « Такъ ты находишь, что я въ самомъ дѣлѣ перемѣнился? »

—« Удивительно!... Помнишь-ли, какъ мы воспитывались съ тобою въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ?... »

— « Какъ не помнить! Ты почти всегда былъ послѣднимъ къ классахъ. »

— « А ты первымъ въ шалостяхъ.— Никогда не забуду, какъ однажды ты вздумалъ передразнить одного изъ нашихъ учителей, вскарабкался на каѳедру и началъ: « Мы говорили до сего

о Вавилонскомъ столпотвореніи, государи мои; теперь, съ позволенія сказать, обратимся къ основанію Ассирійской Имперіи. »

— « Ахъ, мой другъ! » перервалъ Рославлевъ, — « тогда насъ все забавляло! »

— « Да меня и теперь забавляетъ, » продолжалъ Зарѣцкой. — « Вольно-жъ тебѣ видѣть все подъ какимъ-то чернымъ крепомъ. »

— « Ты вѣрно бы этаго не сказалъ, Александръ, еслибъ увидѣлъ меня вмѣстѣ съ моею Полиною. А впрочемъ, нѣтъ, что толку! ты и тогда не понялъ бы моего счастія — Чувство, которое дѣлаетъ меня блаженнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, быть можетъ, показалось бы тебѣ смѣшнымъ. Да, мой другъ! — не прогнѣвайся! — оно недоступно для людей съ твоимъ характеромъ. »

— « Покорно благодарю!... То есть: я неспособенъ любить, я человѣкъ без-

душной.... Не правда ли?... Но дѣло не о томъ. Ты тоскуешь о своей Полинѣ. Ктожъ тебѣ мѣшаетъ летѣть въ ея страстныя объятія?... Ужъ выпускаютъ ли тебя изъ Петербурга? Не задолжалъ ли ты, степенный человѣкъ?... Меня этакъ однажды продержали недѣльки двѣ лишнихъ въ Москвѣ.... Послушай! если тебѣ надобно тысячи двѣ, три.... »

— « Нѣтъ, мой другъ! мнѣ деньги не нужны. »

— « Такъ о чемъ же ты грустишь?»

— « Но развѣ ты полагаешь, что влюбленный человѣкъ не думаетъ ни очемъ другомъ, кромѣ любви своей?—Нѣтъ, Зарѣцкой! Прежде, чѣмъ я влюбился, я былъ уже Русскимъ.... »

— « Такъ чтожъ ь »

— « Какъ, мой другъ? А буря, которая сбирается надъ нашимъ отечествомъ! »

— « И, милой! это дождевая туча:

проглянетъ солнышко — и ея какъ не бывало. »

— « Чтобъ угодить будущей моей тещѣ, я вышелъ въ отставку; а можетъ быть, скоро вспыхнетъ ужасная война, можетъ быть, вся Европа.... »

— « Пожалуетъ къ намъ въ гости? — Пустое, mon cher! — Поговорятъ, поговорятъ между собою, постращаютъ другъ друга, да тѣмъ и дѣло кончится. »

— « Ты думаешь? »

— « Россія не Италія, мой другъ! И далеко и холодно; да и народъ-то постоитъ за себя. — Не безпокойся, Наполеонъ уменъ; повѣрь, онъ знаетъ, что мы народъ непросвѣщенный, Сѣверные варвары, и терпѣть не можемъ незваныхъ гостей. А признаюсь, мнѣ почти досадно, что дѣло обойдется безъ ссоры. L'homme du Destin и его *великая нація*, такъ зазнались, что способа нѣтъ. Вотъ, посмотри! Видишь ли этихъ двухъ господчиковъ? Это лавочники изъ одного Французскаго магазина. Посмо-

три, какъ важно они поглядываютъ на всѣхъ съ высоты своего величія....Тфу, чортъ возьми! Ни дать, ни взять Французскіе Маршалы!... А! вотъ опять лиловой капотецъ.... Послушай: если ты не хочешь гулять, такъ я.... Ахъ, Боже мой! она сходитъ съ бульвара.... сѣла въ карету.... Эхъ, mon cher! какъ досадно, что я съ тобой заболтался.... Ну, дѣлать нечего.... Да кстати!... гдѣ ты сегодня обѣдаешь?»

— «Я хотѣлъ ѣхать къ Радугиной.»

— «И полно, не ѣзди; обѣдай со мною.»

— «Нельзя: мнѣ надобно съ ней проститься.»

— «А когда ты ѣдешь отсюда?»

— «Завтра непремѣнно.»

— «Ну, вотъ изволишь видѣть! Когда мы съ тобой увидимся? Пожалуйста, mon cher, обѣдаемъ вмѣстѣ. Ты можешь ѣхать къ Радугиной вечеромъ.»

— «Эхъ, Александръ! Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ непріятно бывать по

вечерамъ у Радугиной! Вечеромъ, почти всякой разъ, я встрѣчаю у нея кого нибудь изъ чиновниковъ Французскаго посольства; — а это для меня пожъ востpый! — Ужъ это не лавочники изъ Французскаго магазина; послушалъ бы ты, какъ они поговариваютъ о Россіи!... Нѣсколько разъ я ошибался и думалъ, что дѣло идетъ не объ отечествѣ нашемъ, а о какой нибудь Французской провинціи. — Ну, повѣришь ли? Вотъ такъ кровь и кипитъ въ жилахъ — терпѣнья нѣтъ! А хозяйка.... Боже мой!... Только что не крестится при имени Наполеона. Клянусь честію, еслибъ не родственныя связи, то нога бы моя не была въ ея домѣ.»

— «И ты сердишься? Да отъ этаго надобно умереть со смѣху. — Вотъ то-то и бѣда, ты не умѣешь ничѣмъ забавляться. Еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, то подсѣлъ бы къ какому нибудь Совѣтнику посольства, сталъ бы ему подличать и преуниженно попро-

силъ бы наконецъ: помѣстить меня при первой вакансіи Супрефектомъ въ Тобольскъ или Иркутскъ. Онъ бы сталъ ломаться, и я сдѣлалъ бы изъ него настоящаго Жокриса!... А, кстати!... Вчера Талонъ (*) былъ какъ Ангелъ въ этой ролѣ.... Ты видѣлъ когда нибудь Французской водевиль: отчаяніе Жокриса? »

— « Нѣтъ! я ѣзжу только въ Русской Театръ. »

— « Да бишь, виноватъ! Ты любишь чувствительныя Драмы. — Ну, чтожъ? Обѣдаемъ ли мы вмѣстѣ? ».

— « Если ты непремѣнно хочешь.... »

— « Послушай, мой милой, я не приглашаю тебя къ себѣ: ты знаешь, у меня нѣтъ и повара. Мы отобѣдаемъ въ ресторацiи. »

— « У Жискара? »

— « И, нѣтъ, mon cher! Надобно

(*) Комической Актеръ тогдашней Французской труппы въ С. Петербургѣ.

разнообразить свои удовольствія. У Жискара и Тардифа мы увидимъ все знакомыя лица. Одно да одно — это скучно. Знаешь ли что? обѣдаемъ сегодня у Френзеля? »

— « По мнѣ все равно, гдѣ хочешь.— А что это за Френзель? »

— Это ресторація, въ которой платятъ за обѣдъ по рублю съ человѣка. Тамъ увидимъ мы презабавныя физіономіи: прегордыхъ писцовъ изъ Министерскихъ Департаментовъ, глубокомысленныхъ политиковъ въ изорванныхъ сюртукахъ, художниковъ безъ работы, учителей безъ мѣстъ, а иногда, и Журналистовъ безъ подписчиковъ. — Что за разговоры мы услышимъ! Всѣ обѣдаютъ за общимъ столомъ; должность офиціантовъ отправляютъ двѣ толстыя служанки, и когда гости откушаютъ супъ, у всѣхъ, безъ изключенія, обираютъ серебряныя ложки. Умора да и только! »

— « Что же тутъ смѣшнаго? — Это обидно. »

— « И полно, mon cher! Представь себѣ, что и у насъ также отберутъ ложки — для того, чтобъ мы ошибкою не положили ихъ въ карманъ. Развѣ это не забавно? Ну, право, я иногда очень люблю эту милую простоту. — Однажды, въ Москвѣ, мнѣ вздумалось, изъ шалости, пообѣдать съ Ленскимъ въ одномъ Русскомъ трактирѣ, и когда я спросилъ: что возьмутъ съ насъ двоихъ за обѣдъ? то трактирщикъ отвѣчалъ мнѣ преважно: « По тридцати копѣекъ съ рыла! » — *Съ рыла!!...* Мы оба съ Ленскимъ чуть не умерли со смѣху. Пойдемъ къ Френзелю, мой милый. Нѣ вѣчно же быть въ хорошемъ обществѣ; надобно иногда потолкаться и въ народѣ. »

— « Что съ тобою дѣлать, повѣса! » сказалъ Рославлевъ, вставая съ скамьи. « Пойдемъ въ твою рублевую ресторацію. » .

ГЛАВА II.

Не доходя до Казанскаго моста, Зарѣцкой сошелъ съ бульвара, и пройдя нѣсколько шаговъ вдоль лѣвой стороны улицы, повелъ за собою Рославлева, по крутой лѣстницѣ, во второй этажъ довольно опрятнаго дома. Въ передней сидѣлъ за дубовымъ прилавкомъ толстый Нѣмецъ. Они отдали ему свои шляпы. — « Видишь ли, » — сказалъ Зарѣцкой, входя съ пріятелемъ своимъ въ первую комнату, — « какъ здѣсь все обдумано? Ну какъ уйдешь, не заплатя за обѣдъ? Вѣдь шляпа-то стоитъ дороже рубля. »

Въ первой комнатѣ, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, въ синемъ поношеномъ фракѣ, разговаривалъ съ двумя моло-

дыми людьми, которые слушали его съ большимъ вниманіемъ. — « Да, милостивые государи! » — говорилъ важнымъ голосомъ синій фракъ, — « повѣрьте мнѣ старику; я дѣлалъ по сему предмету различные опыты, и долгомъ считаю сообщить вамъ, что принятой способъ натирать по скобленному мѣсту сандаракомъ — есть самый удобнѣйшій: никогда не расплывется. Я сего дня въ настольномъ регистрѣ цѣлую строку выскоблилъ, и смѣю васъ увѣрить, что самой зоркой столоначальникъ не замѣтитъ никакъ этой поскобки. Всѣ другіе способы, какъ-то: насаленая бумажка, натираніе сукномъ, лощеніе ногтемъ, и прочія мелкія средства, ни куда не годятся. »

— « Это канцелярскіе чиновники! » сказалъ Зарѣцкой. — « Ихъ разговоры вообще очень поучительны, но совсѣмъ не забавны. Пойдемъ въ залу; тамъ что-то громко разговариваютъ. »

Въ залѣ, во всю длину которой былъ

накрытъ узкой столъ, человѣкъ двадцать, раздѣлясь на разныя группы, разговаривали между собою. Въ одномъ углу съ полдюжины Студентовъ Педагогическаго Института толковали о послѣдней лекціи Профессора словесныхъ наукъ; въ другомъ, учитель Французъ, разсуждалъ съ дядькою Нѣмцемъ о трудностяхъ ихъ званія; у окна стоялъ, оборотясь ко всѣмъ спиною, Офицеръ въ мундирномъ сюртукѣ съ чернымъ воротникомъ. Съ перваго взгляда можно было подумать, что онъ смотрѣлъ на гуляющихъ по бульвару; но стоило только заглянуть ему въ лице, чтобъ увѣриться въ противномъ. Глаза его, устремленные на противоположную сторону улицы, выражали глубокую задумчивость; онъ постукивалъ машинально по стекламъ пальцами, выбивалъ тревогу, сборъ, разные марши, и, какъ будто бы, не видѣлъ и не слышалъ ничего. Этотъ молчаливый Офицеръ былъ средняго роста, бѣло-

куръ, круглолицъ, и вообще пріятной наружности; но что-то дикое, безчувственное и даже не человѣческое изображалось въ сѣрыхъ глазахъ его. Казалось, ни радость, ни горе не могли одушевить этотъ неподвижный, равнодушный взоръ; и только изрѣдка улыбка, выражающая какое-то холодное презрѣніе, появлялась на устахъ его.

Въ двухъ шагахъ отъ него, краснощекой съ багровымъ носомъ толстякъ, разговаривалъ съ худощавымъ старикомъ. — Зарѣцкой и Рославлевъ сѣли подлѣ нихъ. — « Нѣтъ, почтеннѣйшій! » говорилъ старикъ, покачавая головою, « воля ваша, я несогласенъ съ вами. Ну разсудите милостиво: здѣсь берутъ по рублю съ персоны и подаютъ только по четыре блюда; а въ ресторацiи: Мысъ доброй надежды.... »

— « Такъ, батюшка! » перервалъ толстый господинъ, « что правда, то правда! Тамъ подаютъ пять блюдъ, а берутъ только по семидесяти пяти копѣ-

екъ съ человѣка. Такъ-съ! — Но позвольте доложить: блюда блюдамъ рознь. Конечно, пять блюдъ — больше четырехъ; да не въ счетѣ дѣло: блюдца-то, сударь, тамъ больно не затѣйливыя.»

— «Кто и говоритъ, батюшка! Конечно, столъ не ахти мнѣ; но, не погнѣвайтесь: я и въ здѣшнемъ обѣдѣ большаго деликатеса не вижу. Нѣтъ, воля ваша! Френзель зазнался. Развѣ не замѣчаете, что у него съ каждымъ днемъ становится меньше посѣтителей? Вотъ, на примѣръ, Степанъ Кондратьевичь:—я ужъ его недѣли двѣ не вижу.»

— «Въ самомъ дѣлѣ,» подхватилъ толстякъ, «онъ давно здѣсь не обѣдалъ. А знаете ли, что безъ него скучно? Что за краснобай!... какъ начнетъ разсказывать, такъ есть что послушать: гусли, да и только! А новостей-то всегда принесетъ, новостей — Господи Боже мой!... Ну что твои газеты.... Э! да какъ легокъ на поминѣ!... вотъ и онъ!—Здравствуйте, батюшка Степанъ

Кондратьевичъ! » продолжалъ толстой господинъ, обращаясь къ входящему человѣку среднихъ лѣтъ, въ кофейномъ фракѣ и зеленыхъ очкахъ, который выступалъ прихрамывая и опираясь на лакированую трость съ костянымъ набалдашникомъ. Появленіе этого новаго гостя, казалось, произвело на многихъ сильное впечатлѣніе, которое удвоилось при первомъ взглядѣ на его таинственную и нахмуренную физіономію. Поклонясь съ разсѣяннымъ видомъ на всѣ четыре стороны, онъ сѣлъ, молча, на стулъ, нахмурился еще болѣе, наморщилъ лобъ, и посвистывая себѣ подъ носъ, началъ преважно протирать свои зеленые очки. Въ одну минуту прекратились почти всѣ отдѣльные разговоры. Учитель Французъ, дядька Нѣмецъ, Студенты и большая часть другихъ гостей столпились вокругъ Степана Кондратьевича, который, устремивъ глаза въ потолокъ, продолжалъ протирать очки и посвистывать весьма значительнымъ

образомъ. Одинъ только молчаливой Офицеръ, казалось, не замѣтилъ этого общаго движенія и продолжалъ по прежнему смотрѣть въ окно.

— « Ну что, почтеннѣйшій! » сказалъ толстый господинъ, « что скажете намъ новенькаго? »

— « Что новенькаго?... » повторилъ Степанъ Кондратьевичъ, надѣвая свои очки. — « Гмъ, гмъ!... что новенькаго?... И старенькаго довольно, государь мой! »

— « Такъ-съ!... да старое-то мы знаемъ: не слышно ли чего нибудь поновѣе? »

— « Поновѣе?... Гмъ, гмъ! — Мало ли что болтаютъ, всего не переслушаешь; да и не наше дѣло, батюшка!... Вотъ изволите видѣть, разсказываютъ, будто бы Турки.... куда бойко стали драться. »

— « Право! »

— « Говорятъ такъ, а впрочемъ не наше дѣло. Слухъ также идетъ, что

будтобъ насъ.... то есть, ихъ, побили подъ Бухарестомъ. Тысячь тридцать нашихъ легло. »

— « Какъ ? » вскричалъ Рославлевъ, « большая часть Молдавской арміи ? »

— « Видно что такъ. Вѣдь нашего войска и сорока тысячь тамъ не было. »

— « Извините ! въ Молдавской арміи пятьдесять тысячь подъ ружьемъ. »

Степанъ Кондратьевичь взглянулъ съ насмѣшливой улыбкою на Рославлева и повторилъ сквозь зубы: — « подъ ружьемъ !... гмъ, гмъ !... Можетъ быть; вы вѣрно лучше моего это знаете ; да не о томъ дѣло. Я вамъ передаю то, что слышалъ: нашихъ легло тридцать тысячь, а много ли осталось, объ этомъ мнѣ не сказывали. »

— « Однако мы все таки выиграли сраженіе ? » спросилъ худощавый старикъ.

— « Разумѣется. Когдажъ мы проигрываемъ, батюшка ? Мы, изволите видѣть, государь мой, всегда побиваемъ

другихъ; а насъ — Боже сохрани! — насъ никто не бьетъ!»

— «Тридцать тысячь!» повторилъ краснощекой толстякъ. «Проклятые Турки! А не извѣстно ли вамъ, какъ происходило сраженіе?»

— «Да смѣю доложить,» сказалъ важнымъ тономъ Степанъ Кондратьевичь, «я вамъ могу сообщить всѣ подробности. Позвольте: — видите ли на половицѣ этотъ сучекъ?.. Представьте себѣ, что это Бухарестъ.»

— «Такъ-съ!»

— «Ну вотъ, изволите видѣть» — продолжалъ Степанъ Кондратьевичь, проводя по полу черту своей тростію, «вотъ тутъ стояло наше войско.»

— «Такъ-съ, батюшка, то есть, здѣсь, по лѣвую сторону сучка?»

— «Именно; а на этой сторонѣ расположенъ былъ Турецкой лагерь. Вотъ, сударь, въ сумерки, или передъ разсвѣтомъ — не могу вамъ сказать на вѣр-

ное — только въ тихомолку, Турки двинулись впередъ. »

« Такъ-съ ! »

— « Выстроили противъ нашего центра маскированную батарею въ двѣсти пушекъ. »

— « Въ двѣсти пушекъ ?... Такъ-съ, батюшка, такъ-съ.... »

— « Надобно вамъ сказать, что у нихъ теперь артиллерія отличная: тяжелая дѣйствуетъ скорѣе нашей конной, а конная не понашему, государь мой ! вся на верблюдахъ. Изволите видѣть, какъ умно придумано ?... »

— Такъ-съ, такъ-съ ! »

— Ну вотъ, сударь, наши и думать не думаютъ, какъ вдругъ, батюшка, они грянутъ изо всѣхъ пушекъ! Пошла потѣха. И пѣхота, и конница, и артиллерія, и Господи Боже мой !... Вотъ Янычары заѣхали съ Фланга: Алла ! да со всѣхъ четырехъ ногъ на нашу кавалерію. »

— « Позвольте ! » перервалъ одинъ

Студентовъ. « Янычары не конное, а пѣхотное войско. »

— « Эхъ, сударь! То прежніе Янычары, а это нынѣшніе. »

— « Конечно, конечно! » подхватилъ толстякъ; « у нихъ все по новому. Ну, сударь! Янычары ударили на нашу кавалерію?... »

— « Да, батюшка; что дѣлать? Пѣхота не подоспѣла; а ужъ извѣстное дѣло — противъ ихъ конницы — наша пасъ.... »

— « Такъ-съ, такъ-съ! »

— « Главнокомандующій Генералъ Кутузовъ, видя, что дѣло идетъ худо, выѣхалъ самъ на конѣ и закричалъ: « Ребята, не выдавай! » — « Наши солдаты ободрились, въ штыки, началась рѣзня — и Турокъ попятили назадъ. »

— « Слава Богу!... » вскричалъ худощавый старикъ.

— « Постойте, постойте! » продолжалъ Степанъ Кондратьевичь. « Этимъ дѣло не кончилось. Все наше войско

двинулось впередъ, конница бросилась на непріятельскую пѣхоту, и чтожъ?... Какъ бы вы думали?... Турки построились въ каре!... Слышите ли, батюшка? въ каре!... Что, сударь, когда это бывало?»

— « Такъ-съ, такъ-съ! Умны стали, проклятые! »

— « Вотъ, наши туда, сюда, и съ права, и съ лѣва — нѣтъ, сударь! Турки стоятъ и дерутся, какъ на маневрахъ!... Подошли наши резервы, къ нимъ также подоспѣлъ секурсъ, и, какъ слышно, сраженіе продолжалось безпрерывно четверо сутокъ; на пятыя.... »

— « Вѣрно всѣмъ захотѣлось поѣсть?» перервалъ Зарѣцкой.

— « Поѣсть? Нѣтъ, сударь, не пойдетъ ѣда на умъ, когда съ нашей стороны, — какъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, — легло тридцать тысячь, и не осталось ни одного генерала: кто безъ руки, кто безъ ноги. А Главно-

командующаго » — прибавилъ Степанъ Кондратьевичъ въ полголоса — « перешибло по поламъ ядромъ, вмѣстѣ съ лошадью. »

— « Геръ Езусъ !... » вскричалъ Нѣмецъ дядька ; « вмѣстѣ съ лошадью ! »

— « Diable ! C'est un fier coup de canon ! » примолвилъ учитель Французъ.

— « Господи Боже мой!» сказалъ худощавой старикъ. « какія потери ! Легко вымолвить — всѣ Генералы ! тридцать тысячь рядовыхъ ! — Да вѣдь это цѣлая армія ! »

— « Конечно цѣлая армія, » повторилъ Степанъ Кондратьевичь. « Въ старину Суворовъ и съ двадцатью тысячами бивалъ по сту тысячь Турокъ. Да то былъ Суворовъ ! — Когда подъ Кагуломъ онъ разбилъ Визиря.... »

— « Не онъ, а Румянцевъ, » перервалъ Рославлевъ.

— « И, сударь ! Румянцевъ, Суворовъ — все едино: не тотъ, такъ другой ; дѣло въ томъ, что тогда умѣли

бить и Турокъ и Поляковъ. Конечно, мы и теперь пожаловаться не можемъ— у насъ есть и Генералы и Генералъ-Аншефы.... гмъ, гмъ!... Впрочемъ и то сказать, нынѣшніе Турки не прежніе — что грѣхъ таить! Учители-то у нихъ хороши!» примолвилъ разскащикъ, взглянувъ значительно на Французскаго учителя, который улыбнулся и гордо поправилъ свой галстукъ.

— « Говорятъ, «продолжалъ Степанъ Кондратьевичь, « что у Турецкаго Султана вся гвардія набрана изъ Французовъ, такъ дивиться нечему, если насъ... то есть, если мы теряемъ много людей. Слышно также, что будто бы Султанъ не больно подается на мировую, и требуетъ отъ насъ Одессы.... Конечно, не наше дѣло.... а жаль.... городъ торговой.... портовой.... и чего намъ стоила эта скороспѣлка Одесса! Сколько посажено въ нее денегъ!... Да дѣлать нечего! Какъ не подъ силу придетъ барахтаться, такъ вспомнишь по

невольѣ Русскую пословицу: худой миръ лучше доброй брани »

Тутъ молчаливый Офицеръ медленно повернулся, и взглянувъ пристально на разскащика, сказалъ: « подъ Бухарестомъ не было сраженія; не мы, а Турки просятъ мира. Французы служатъ своему Императору, а не Турецкому Султану, и одни подлецы предпочитаютъ постыдный миръ необходимой войнѣ. »

Всѣ взоры обратились на незнакомаго Офицера. Степанъ Кондратьевичь хотѣлъ что-то сказать, заикнулся, выронилъ изъ руки трость, нагнулся ее поднимать и сронилъ съ носа свои зеленые очки. Студенты засмѣялись, и почти въ тоже время, одна изъ служанокъ, внеся въ залу огромную миску съ супомъ, объявила, что кушанье готово. Всѣ сѣли за столъ. Противъ Зарѣцкаго и Рославлева, между худощавымъ старикомъ и толстымъ господиномъ, помѣстился присмирѣвшій Сте-

панъ Кондратьевичь ; прочіе гости разсѣлись также рядомъ, одинъ подлѣ другаго , выключая Офицера: онъ сѣлъ поодаль отъ другихъ на концѣ стола , за которымъ оставалось еще много порожнихъ мѣстъ. Проворныя служанки въ одну минуту разнесли тарелки съ супомъ. Наступила глубокая тишина , и только изрѣдка восклицанія: бутылку пива !... кислыхъ щей !... бѣлаго хлѣба !... прерывали общее молчаніе. « Душенька ! » сказалъ Зарѣцкой одной изъ служанокъ , « бутылку Шампанскаго. » При семъ необычайномъ требованіи , всѣ головы , опущенныя книзу , приподнялись ; у многихъ ложки выпали изъ рукъ отъ удивленія , а служанка остолбенѣла , и перебирая одной рукой свой фартукъ, повторила почти съ ужасомъ: « Бутылку Шампанскаго ! »

— « Да , душенька. »

— « Настоящаго Шампанскаго ? »

— « Да , душенька. »

— « То есть, Французскаго, сударь? »

— « Да, душенька. »

Служанка вышла вонъ и, черезъ минуту, воротясь назадъ, сказала, что вино сей часъ подадутъ. « Вѣдь оно стоитъ восемь рублей, сударь! » прибавила она, поглядывая недовѣрчиво на Зарѣцкаго.

— « Знаю, миленькая. »

Если бъ Зарѣцкой былъ хорошимъ физіономистомъ, то безъ труда бы замѣтилъ, что выключая Офицера, всѣ гости смотрѣли на него съ какимъ-то невольнымъ почтеніемъ. Толстый господинъ, который только-что успѣлъ прегордо и громогласно прокричать: «бутылку Сантуринскаго!» вдругъ притихъ, и почти шепотомъ повторилъ свое требованіе. Въ ту минуту, какъ Зарѣцкой, дождавшись наконецъ Шампанскаго, за которымъ хозяинъ бѣгалъ въ ближайшій погребъ, наливалъ первый бокалъ, чтобъ выпить за здоровье невѣсты своего пріятеля, — вошелъ въ залу мущина высокаго роста, съ огром-

ными черными бакенбардами, въ щеголеватомъ однобортномъ сюртукѣ, въ одной петлицѣ котораго была продѣта ленточка яркаго пунцоваго цвѣта. Лице его было бы довольно пріятно, еслибъ не выражало какую-то дерзкую самонадѣянность, какое-то безстыдное наянство, которыя при первомъ взглядѣ возбуждали въ каждомъ невольное негодованіе. Вопреки принятому въ сей ресторацiи обычаю, онъ вошелъ въ столовую не снимая шляпы, бросилъ ее на окно, и не удостоивая никого взглядомъ, сѣлъ за столъ подлѣ Рославлева. Подозвавъ одну изъ служанокъ, онъ сказалъ, что не хочетъ ничего ѣсть, кромѣ жаркаго, и велѣлъ себѣ подать бутылку Шатолафиту. По иностранному его выговору и по самой физіономіи, не трудно было отгадать, что онъ Французъ.

При появленіи этого новаго лица, легкой румянецъ заигралъ на щекахъ молчаливаго Офицера; онъ устремилъ на

Француза свой безчувственный, леденѣлый взоръ, и едва замѣтная, но исполненая непріязни и глубокаго презрѣнія улыбка одушевила на минуту его равнодушную и неподвижную физіономію.

— « Жареные рябчики! » вскричалъ толстый господинъ, провожая жадным взоромъ служанку, которая на большомъ блюдѣ начала разносить жаркое. « Ну, вотъ, почтеннѣйшій, » продолжалъ онъ, обращаясь къ худощавому старику, « не говорилъ ли я вамъ, что блюда блюдамъ розь. Въ Мысѣ доброй надежды и пять блюдъ, но подаютъ ли тамъ за общимъ столомъ вотъ это? » примолвилъ онъ, подхватя на вилку жаренаго рябчика.

— « Что правда, то правда; » отвѣчалъ старикъ, принимаясь за свою порцію. « Тамъ изъ жареной телятины шагу не выступятъ. »

Чрезъ нѣсколько минутъ обѣдъ кончился. Офицеръ закурилъ сигарку и сѣлъ

онять возлѣ окна; Степанъ Кондратьевичь, поглядывая на него изъ подлобья, вышелъ въ другую комнату; Студенты остались въ столовой; а Зарѣцкой, предложивъ бокалъ Шампанскаго Французу, который въ свою очередь подчивалъ его Лафитомъ, завелъ съ нимъ разговоръ о политикѣ. « Я слышалъ, » сказалъ Зарѣцкой, « что ваши дѣла не такъ-то хорошо идутъ въ Испаніи? »

Французъ улыбнулся. « Не потому ли вы это думаете, » отвѣчалъ онъ, « что Веллингтону удалось взять обманомъ Бадаіосъ? Не безпокойтесь, онъ дорого за это заплатитъ. »

— « Однакожъ, вѣрно не дороже того, что заплатили Французы, когда брали Сарагоссу, » возразилъ Рославлевъ.

— « Я совѣтую вамъ спросить объ этомъ у Сарагосскихъ жителей, » отвѣчалъ Французъ, бросивъ гордый взглядъ на Рославлева. «Впрочемъ» про-

должалъ онъ, « я не знаю, почему называютъ войною простую экзекуцію, посланную въ Испанію для усмиренія бунтовщиковъ, которыхъ, къ стыду всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, Англійское Правительство поддерживаетъ единственно изъ своихъ торговыхъ видовъ? »

— « Бунтовщиковъ! » сказалъ Рославлевъ. « Но мнѣ кажется, что законный ихъ Государь.... »

— « Іосифъ, братъ Императора Французовъ, — по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока Испанія не названа еще Французской провинціею. »

— « Я не думаю, » возразилъ Зарѣцкой, « чтобы Европа согласилась признать это древнее Государство Французской провинціею. »

— « Европа! » повторилъ съ презрительной улыбкою Французъ. « А знаете ли, въ какомъ тѣсномъ кругу заключается теперь ваша Европа?... Это не-

большое мѣстечко, не далеко отъ Парижа; его называютъ: Сен-Клу. »

— « Какъ, сударь! и вы думаете, что всѣ Европейскіе Государи.... »

— « Да; мы — Французы, привыкли звать ихъ всѣхъ, однимъ общимъ именемъ: Наполеонъ. Это гораздо короче. »

Лице Рославлева покрылось яркимъ румянцемъ; онъ хотѣлъ что-то сказать, но Зарѣцкой предупредилъ его. «И такъ вы полагаете, » сказалъ онъ Французу, « что воля Наполеонова должна быть закономъ для всей Европы? »

— « Этотъ вопросъ давно уже рѣшенъ, » отвѣчалъ Французъ.

— « Однакожъ, если вы считаете Англію въ числѣ Европейскихъ Государствъ, то кажется.... но впрочемъ, можетъ быть, и Англичане также бунтуютъ? Только, я думаю, вамъ трудно будетъ послать къ нимъ экзекуцію: для этого нуженъ флотъ; а по милости бунтовщиковъ-Англичанъ, у васъ не осталось ни одной лодки. »

— « Англія ! » вскричалъ Французъ. « Да, что такое Англія ? И можно ли назвать Европейскимъ Государствомъ этотъ ничтожный островъ, населенный торгашами ? Этотъ Христіанской Алжиръ, который скоро не будетъ имѣть никакого сообщенія съ Европою. Нѣтъ, милостивый государь ! Англія не въ Европѣ: она въ Азіи ; но и тамъ владычество ея скоро прекратится. Индія ждетъ своего освободителя, и при первомъ появленіи Французскихъ орловъ на берегахъ Гангеса, раздастся кликъ свободы на всемъ Индѣйскомъ полуостровѣ. »

— « Но Россія, сказалъ Рославлевъ, « Россія, сударь ? »

— « О ! Россія вѣрно не захочетъ ссориться съ Наполеономъ. Не трогая ни мало вашей національной гордости, можно сказать утвердительно, что всякая борьба Россіи съ Франціею, была бы совершеннымъ безумiемъ. »

— « Въ самомъ дѣлѣ ? » перервалъ

Зарѣцкой. « Ну, а если мы, на бѣду, сойдемъ съ ума, и вздумаемъ съ вами поссориться? »

— « Отъ всей души желаю, » сказалъ Французъ, « чтобъ этого не было: но если, къ несчастію, ваше Правительство, ослѣпленное минутнымъ фанатизмомъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ людей, или обманутое происками Британскаго кабинета, рѣшится возстать противъ колосса Франціи, то.... »

— « Ну, сударь! Чтожъ тогда съ нами будетъ? « спросилъ улыбаясь Зарѣцкой.

— « Что будетъ? Забавный вопросъ! Кажется не нужно быть пророкомъ, чтобъ отгадать послѣдствія этого необдуманнаго поступка. Я спрашиваю васъ самихъ: что останется отъ Россіи, если Польша, Швеція, Турція и Персія возьмутъ назадъ свои области, если всѣ портовые города займутся нашими войсками, если ... »

— « Вы забыли, » вскричалъ Рославлевъ, вскочивъ съ своего мѣста, « что въ Россіи останутся Русскіе; что тридцать милліоновъ Русскаго народа, говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдающихъ одну вѣру, могутъ легко истребить многочисленныя войска вашего Наполеона, составленныя изъ всѣхъ народовъ Европы! »

— « Помилуйте! да что такое народъ? Глупая толпа, беззащитное стадо, которое, не смотря на свою многочисленность, не значитъ ничего въ военномъ отношеніи; и Боже васъ сохрани отъ народной войны! Наполеонъ умѣетъ быть великодушнымъ побѣдителемъ; но горе той землѣ, гдѣ народъ мѣшается не въ свое дѣло! Половина Испаніи покрыта пепломъ; таже участь можетъ постигнуть и ваше отечество. Солдатъ выполняетъ свою обязанность, когда дерется съ непріятелемъ; но мирной гражданинъ долженъ оставаться дома. Въ противномъ случаѣ: онъ разбойникъ,

бунтовщикъ, и не заслуживаетъ никакой пощады. »

— « Разбойникъ! » повторилъ Рославлевъ, прерывающимся отъ нетерпѣнія и досады голосомъ. « И вы смѣете называть разбойникомъ того, кто защищаетъ своего Государя, отечество, свою семью.... »

— « Чтожъ вы горячитесь? » перервалъ Французъ. « Я не мѣшаю вамъ хвалить образъ войны, приличный однимъ варварамъ и отвратительный для каждаго просвѣщеннаго человѣка; но позвольте и мнѣ также остаться при моемъ мнѣніи. Я повторяю вамъ, что народная война не спаслабъ Россіи, а ускорилабъ ея погибель. Мы — Французы, любимъ пожить весело, сыплемъ деньгами; мы щедры, великодушны, и тамъ, гдѣ насъ принимаютъ съ ласкою, никто не пожалуется на бѣдность; но если мы вынуждены употреблять мѣры строгости, то цѣлыя Государства исчезаютъ при нашемъ появленіи. Впро-

чемъ, все то, что мы говорили, одно только предположеніе, и хотя мнѣніе мое основано на здравомъ смыслѣ.... »

— « И еще, на кой-чемъ другомъ, » прибавилъ молчаливый Офицеръ, подойдя къ Французу. » Позвольте спросить, » продолжалъ онъ спокойнымъ голосомъ, « дорого ли вамъ платятъ за то, чтобъ проповѣдывать вездѣ безусловную покорность къ вашему великому Наполеону ? »

— « Что это значитъ ? » спросилъ Французъ, вставая съ своего стула.

— « И надобно вамъ отдать справедливость, » продолжалъ Офицеръ; « вы исполняете вашу, не слишкомъ завидную, должность во всѣхъ рублевыхъ трактирахъ, съ такимъ же похвальнымъ усердіемъ, съ какимъ исполняютъ ее другіе въ гостиныхъ комнатахъ хорошаго общества. »

— « Государь мой ! я васъ не понимаю. »

— « А кажется, очень понятно. Я васъ давно уже знаю; вы мнѣ надоѣли. Скажите, за чѣмъ у васъ въ петлицѣ эта ленточка? Орденъ почетнаго Легіона прилично носить храбрымъ Французскимъ воинамъ, а вы ... »

Тутъ Офицеръ сказалъ что-то на ухо Французу.

— « Какъ вы смѣете? » вскричалъ онъ отступивъ два шага назадъ.

— « Извините! На нашемъ варварскомъ языкѣ этому ремеслу нѣтъ другаго названія. Впрочемъ, господинъ.... какъ бы сказать повѣжливѣе, господинъ Агентъ, если вамъ это не нравится, то.... не угодно ли сюда къ сторонкѣ: намъ этакъ ловчѣе будетъ познакомиться. »

— « Да, сударь, я хочу, я требую!... »

— « Тише, не шумите; а не то я подумаю, что вы трусъ и хотите отдѣлаться однимъ крикомъ. Послушайте!.. »

Онъ взялъ за руку Француза и, отойдя къ окну, сказалъ ему въ полголоса нѣсколько словъ. На лицѣ Офицера не замѣтно было ни малѣйшей перемѣны; можно было подумать, что онъ разговариваетъ съ знакомымъ человѣкомъ о хорошей погодѣ, или дождѣ. Но пылающія щеки защитника Европейскаго образа войны, его безпокойный, хотя гордый и рѣшительный видъ, все доказывало, что дѣло идетъ о назначеніи мѣста и времени, для объясненія, въ которомъ краснорѣчивыя фразы и логика ни къ чему не служатъ.

— « Вотъ какъ трудно быть увѣрену въ будущемъ, » сказалъ Рославлевъ, выходя съ своимъ пріятелемъ изъ трактира. «Думалъ ли этотъ Офицеръ, что онъ встрѣтитъ въ рублевой ресторації человѣка, съ которымъ, можетъ быть, завтра долженъ рѣзаться. »

— « И полно, mon cher! дѣло обойдется безъ кровопролитія. Если бы каждая трактирная ссора кончалась поедин-

комъ, то давно бы всѣ рестораторы померли съ голода. И кто дерется за политическія мнѣнія? »

— « Но если это мнѣніе обижаетъ цѣлую націю? »

— « Да развѣ нація человѣкъ? Развѣ ее можно обидѣть? Французы и до сихъ поръ не признаютъ насъ за Европейцевъ, и за нашу хлѣбъ-соль, величаютъ варварами; а отечество наше, въ которомъ соединены климаты всей Европы, называютъ землею бѣлыхъ медвѣдей, и что всего досаднѣе, говорятъ и печатаютъ, что наши дамы пьютъ водку, и любятъ, чтобы мужья ихъ били. Такъ чтожъ, сударь! не прикажете ли за это вызывать на дуель каждаго Парижскаго лоскутника, который изъ насущнаго хлѣба пишетъ и печатаетъ свои бредни? Да Богъ съ ними, на здоровье! Пускай себѣ врутъ, что имъ угодно. Мы отъ ихъ словъ Татарами не сдѣлаемся; въ Крыму не будетъ холодно; мужья не станутъ бить

своихъ женъ, и вѣрно наши дамы, въ угодность Французскимъ вояжерамъ, не разрѣшатъ на водку, которую, впрочемъ, мы могли бы называть ликеромъ, точно также, какъ называется рестораціею харчевня, въ которой мы обѣдали. »

Походя нѣсколько времени по опустѣвшему бульвару, наши молодые друзья разстались. Зарѣцкой обѣщалъ, чѣмъ свѣтъ пріѣхать проститься съ Рославлевымъ, который спѣшилъ домой, чтобъ отдохнуть и, переодѣвшись, отправиться на вечеръ къ Княгинѣ Радугиной.

ГЛАВА III.

Въ девятомъ часу вечера, карета Рославлева остановилась въ большой Милліонной у подъѣзда дома, принадлежа-

щаго княгинѣ Радугиной. Входя въ переднюю, Рославлевъ, съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, замѣтилъ въ числѣ слугъ богато одѣтаго егеря, который, развалясь на стулѣ, игралъ своей треугольной шляпою съ зеленымъ султаномъ, и поглядывалъ свысока на другихъ лакеевъ, сидѣвшихъ отъ него въ почтенной дистанціи и въ полголоса разговаривавшихъ межъ собою. Пройдя пріемную и двѣ гостиныя комнаты, онъ встрѣченъ былъ офиціантомъ, который, растворя дверь въ роскошную диванную, доложилъ о немъ громогласно хозяйкѣ дома.

Родственница Рославлева, богатая вдова Княгиня Радугина, могла служить образцомъ хорошаго тона (къ счастію) тогдашняго времени. Она говорила по Русски дурно, по Французски прекрасно, умирала съ тоски, живя въ Петербургѣ, презирала все Русское, жила два года въ Парижѣ, два мѣсяца въ Лозаннѣ и третій уже годъ сбиралась

ѣхать въ Италію. Окруженная иностранцами, она привыкла слышать, что Россія и Лапландія почти одно и тоже; что Отечество наше должно рабски подражать всему чужеземному и быть сколкомъ съ другихъ націй, а особливо съ Французской, для того, чтобъ быть чѣмъ нибудь; что намъ не должно и нельзя мыслить своей головою, говорить своимъ языкомъ, носить издѣлье своихъ фабрикъ, имѣть свою Словесность и жить по своему. Бѣдная Радугина въ простотѣ души своей была увѣрена, что высочайшая степень просвѣщенія, до которой Россія могла достигнуть, состояла въ совершенномъ отсутствіи оригинальности, собственнаго характера и національной физіономіи; однимъ словомъ: заслужить названіе обезьянъ Европы, была по мнѣнію ея, одна возможная и достижимая цѣль для насъ, несчастныхъ Сѣверныхъ варваровъ. Ея всегдашнее общество составлялось предпочтительно изъ чиновни-

ковъ Французскаго Посольства и изъ нѣсколькихъ Русскихъ молодыхъ Литтераторовъ, которые вслухъ называли ее Коринною, потому что она писала иногда Французскіе стишки, а потихоньку смѣялись надъ ней вмѣстѣ съ Французами, которые въ свою очередь насмѣхались и надъ ней, и надъ ними, и надъ всѣмъ, что казалось имъ забавнымъ и смѣшнымъ въ этомъ домѣ, въ которомъ, по словамъ ихъ, каждый день разыгрывались презабавныя пародіи Европейскаго просвѣщенія.

Княгиня Радугина была нѣкогда хороша собою; но безпрестанные праздники, балы, ночи, проведенныя безъ сна, словомъ все, что сокращаетъ вѣкъ нашихъ модныхъ дамъ, не оставило на лицѣ ея и признаковъ прежней красоты, не смотря на то, что нѣкогда кричали о ней даже и въ Москвѣ:

.....которая и въ древни времена
Прелестными была обильна и славна.

Одни, исполненные томности, черные глаза ея, напоминали еще объ этомъ, давно-прошедшемъ времени, и дозволяли иногда молодымъ поэтамъ въ миленькихъ французскихъ стишкахъ, по большой части выкраденныхъ изъ конфектной лавки Молинари, сравнивать ее по уму съ одною изъ Музъ, а по красотѣ, со всѣми тремя Граціями.

Комната, въ которой Рославлевъ нашелъ хозяйку дома, освѣщалася нѣсколькими восковыми свѣчами, поставленными въ прозрачныхъ фарфоровыхъ вазахъ, и яркимъ огнемъ, пылающимъ въ прекрасномъ мраморномъ каминѣ. На кругломъ столѣ, изъ Карельской березы, стоялъ серебряный чайный приборъ; передъ нимъ на диванѣ, покрытомъ богатой Турецкой матеріею, сидѣла Княгиня Радугина, облокотясь на вышитую по канвѣ подушку, украшенную изображеніемъ Азора, любимой ея моськи, которая, по своему отвратительному безобразію, могла назваться со-

вершенствомъ въ своемъ родѣ. Возлѣ окна, закинувъ назадъ голову, сидѣлъ на модной *козеткѣ* одинъ изъ домашнихъ ея поэтовъ; глаза его, устремленные къ верху, искали на расписномъ плафонѣ комнаты вдохновенія и четвертой рифмы къ экспромту заготовляемому на всякой случай. У камина какой-то худощавый Французской путешественникъ поилъ съ блюдечка простывшимъ чаемъ толстаго Азора, а подлѣ дивана, одинъ изъ главныхъ чиновниковъ Французскаго Дипломатическаго Корпуса, развалясь въ огромныхъ Вольтеровскихъ креслахъ, разговаривалъ съ хозяйкою.

— « А, здравствуйте, mon cousin! » сказала Радугина, разумѣется по Французски, кивнувъ привѣтливо головою входящему Рославлеву. « Не хотите ли чаю? »

— « Нѣтъ, Княгиня, я не пью чаю послѣ обѣда, » отвѣчалъ Рославлевъ, садясь на одинъ изъ порожнихъ стульевъ.

— « Я васъ цѣлый вѣкъ не видала. Ужъ не прощаться ли вы пріѣхали со мною ? »

— « Вы отгадали. Я завтра ѣду. »

— « За границу ? »

— « Извините ! въ Москву, а потомъ въ деревню. »

— « Въ деревню ! Ахъ, какъ вы мнѣ жалки !... Азоръ ! viens ici mon ami !... Онъ васъ безпокоитъ, monsieur le comte ? »

— « О, нѣтъ! напротивъ, Княгиня! » отвѣчалъ путешественникъ. Il est charmant ! Пей, мой другъ, пей ! »

— « И такъ, вы ѣдете завтра, mon cousin ? Когда же вы воротитесь ? »

— « Не знаю ; но вѣрно не прежде моей сватьбы. »

— « Ахъ, Боже мой ! представьте себѣ какая дистракція ! Я совсѣмъ забыла, что вы помолвлены. Теперь понимаю: вы ѣдете къ вашей невѣстѣ. О, это другое дѣло ! Вамъ будетъ весело

и въ Москвѣ, и въ деревнѣ, и на краю свѣта. L'amour embellit tout (*). »

— « Жаль только, » перервалъ путешественникъ, « что любовь не грѣетъ у васъ въ Россіи: это было бы очень кстати. Скажите, Княгиня, бываетъ ли у васъ когда нибудь тепло? Боже мой! » прибавилъ онъ, подвигаясь къ камину » въ Маѣ мѣсяцѣ! Quel pays! »

— « Чтожъ дѣлать, Графъ? » сказала съ глубокимъ вздохомъ хозяйка. « Никто не выбираетъ себѣ отечества! »

— « Да, сударыня! » подхватилъ Дипломатъ. « Еслибъ этотъ выборъ зависѣлъ отъ насъ, то вѣрно въ Россіи былобъ еще просторнѣе: а во Франціи такъ тѣсно, какъ въ большой Парижской оперѣ, когда давали въ первый разъ торжество Траяна! »

— « И когда самъ Траянъ присутствовалъ при своемъ торжествѣ, » прибавилъ путешественникъ.

(*) Любовь все украшаетъ.

— « Скажите, mon cousin, » сказала Радугина, « вѣдь вы женитесь на Лидиной? »

— « Да, Княгиня. »

— « На тоїй самой, которая прошлаго года была въ Парижѣ? »

— « То есть, на ея дочери. »

— « Надѣюсь, на старшей? »

— « Да, Княгиня, на старшей. »

— « Ее, кажется, зовутъ Полиною? Charmante personne!... О чемъ мы съ вами говорили, Баронъ? » продолжала Радугина. « Ахъ, да!... Знаете ли, mon cousin! что вы очень кстати пріѣхали? Мнѣ нужна ваша помощь. Представьте себѣ! Monsieur le baron увѣряетъ меня, что мы должны желать, чтобъ Наполеонъ пришелъ къ намъ въ Россію. Боже мой! какъ это страшно! Скажите, неужели мы въ самомъ дѣлѣ должны желать этого? »

Рославлевъ едва усидѣлъ на стулѣ. « Какъ, сударыня! » вскричалъ онъ....

— « Да, да! Онъ мнѣ это почти доказалъ. »

— « Pardon, princesse!» сказалъ хладнокровно Дипломатъ: « вы не совсѣмъ меня поняли. Я не говорю, что Русскіе должны положительно желать прихода нашихъ войскъ въ ихъ отечество; я объяснялъ только вамъ, что если силою обстоятельствъ Россія сдѣлается поприщемъ новыхъ побѣдъ нашего Императора, и Русскіе будутъ имѣть благоразуміе удержаться отъ народной войны, то послѣдствія этой компаніи могутъ быть очень полезны и выгодны для вашей націи. »

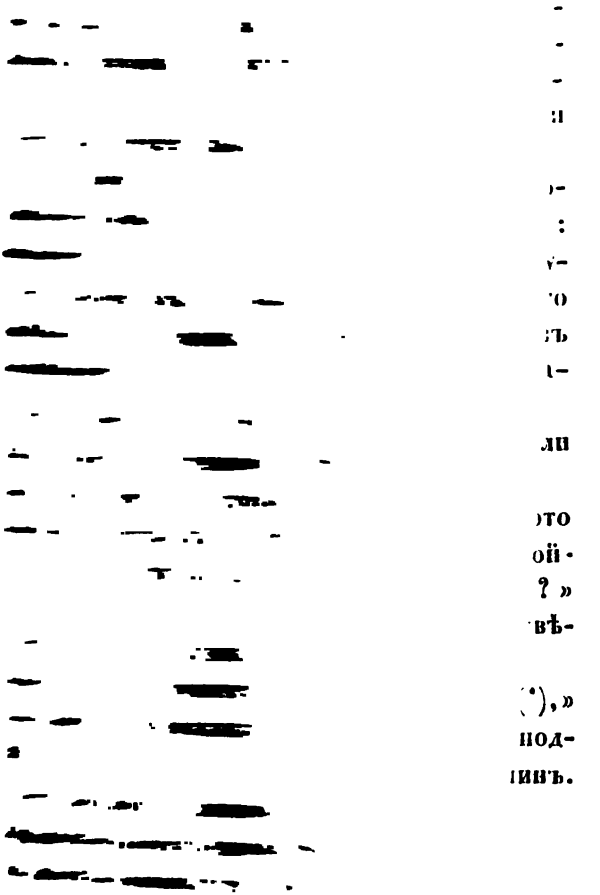
— « Извините, Баронъ, мое невѣжество, » сказалъ Рославлевъ; « я, право, не понимаю.... »

— « Не понимаете? Такъ спросите объ этомъ у Голландцевъ, у всего Рейнскаго союза; поѣзжайте въ Швейцарію, въ Италію; взгляните на утесистыя, непроходимыя горы, нѣкогда отчаяніе несчастныхъ путешественниковъ, а те-

перь прорѣзанныя широкими дорогами, по которымъ вы можете, Княгиня, прогуливаться въ своемъ лондо спокойнѣе, чѣмъ по Невскому проспекту; спросите въ Террачинѣ и Неаполѣ: куда дѣвались безчисленныя шайки бандитовъ, отъ которыхъ не было проѣзда въ Южной Италіи; сравните нынѣшнее просвѣщеніе Европы, съ прежними предразсудками и невѣжествомъ, и послѣ этого не понимайте, если хотите, какія безчисленныя выгоды влечетъ за собою присутствіе этого Генія, колоссальнаго, какъ міръ, и неизбѣжнаго, какъ судьба. »

— « Прекрасное сравненіе ! » воскликнулъ молодой поэтъ. « Какое у васъ цвѣтущее воображеніе, Баронъ ! »

— « Неизбѣжный, какъ судьба !... » повторила почти набожнымъ голосомъ хозяйка дома, поднявъ къ небесамъ свои томные глаза. « Ахъ, какъ долженъ быть величественъ видъ вашего Наполеона !... Мнѣ кажется, я его ви-



нія, преобразователя Россіи — онъ не Русской; также какъ я, не будучи Французомъ, никакъ не могу постигнуть, какимъ образомъ просвѣщеніе преподается помощію штыковъ и пушекъ. Нѣтъ, господинъ Баронъ! если мы и нуждаемся въ Профессорахъ, то вѣроятно не въ тѣхъ, которыхъ всѣ достоинства состоятъ въ личной храбрости, а познанія — въ умѣньи скоро заряжать ружье и мѣтко попадать въ цѣль. Позвольте вамъ напомнить, что въ этомъ отношеніи, Россія не имѣетъ причины никому завидовать, и легко можетъ доказать это на самомъ дѣлѣ — даже и побѣдителямъ полувселенной. »

Дипломатъ улыбнулся, и не говоря ни слова, вынулъ изъ кармана Брауншвейгскую бумажную табакерку съ прекраснымъ пейзажемъ. Поподчивавъ табакомъ Рославлева, онъ сказалъ: « Посмотрите, какъ хорошо дѣлаютъ нынче эти бездѣлки. Какой правильный рисупокъ!... Это видъ Аустерлица. »

— « Да, » отвѣчалъ спокойно Рославлевъ, « я видѣлъ почти такую же табакерку; не помню хорошенько, кажется съ видомъ Прейсишъ-Ейлау, или Нови. Она еще лучше этой. »

Господинъ Баронъ смутился, и помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ: « Какъ жаль, что подъ Нови вашъ Суворовъ дрался не съ Наполеономъ. Это былъ бы одинъ изъ лучшихъ листковъ въ лавровомъ вѣнкѣ нашего Императора. »

— « Да, еслибъ Французы не были разбиты. »

— « Но неужели вы думаете, что это могло случиться, когда бы нашимъ войскомъ командовалъ самъ Наполеонъ? »

— « Извините! я не думаю, а увѣренъ въ этомъ. »

— « Bienheureux ceux qui croient (*), » пробормоталъ путешественникъ, подкладывая дровъ въ потухающій каминъ.

(*) Блаженны [illegible]ующіе.

Поэтъ улыбнулся, а хозяйка съ сожалѣніемъ посмотрѣла на Рославлева.

— « Но мы отбились отъ нашей матеріи, » продолжалъ Дипломатъ. « Вамъ кажется страннымъ просвѣщеніе, распространяемое помощію оружія; согласитесь, по крайней мѣрѣ, что порядокъ, устройство и общеполезныя работы, которыя гигантскимъ своимъ объемомъ напоминаютъ почти баснословныя дѣла древнихъ Римлянъ, должны быть необходимымъ слѣдствіемъ твердой воли, неразлучной съ силою. Для приведенія въ дѣйствіе высокихъ предначертаній, коихъ польза постигается только въ послѣдствіи, нужно всемогущество, которымъ обладаетъ Наполеонъ; необходимы его безчисленныя войска... И если Россія желаетъ подвинуться впередъ.... »

— « И, господинъ Баронъ! » перервалъ съ улыбкою Рославлевъ, « что вамъ за радость просвѣщать насильно націю, которая одна, по своей силѣ и

самобытности, можетъ сдѣлаться со временемъ счастливой соперницею Франціи. Предоставьте это времени и собственному ея желанію — сравниться въ просвѣщеніи съ остальной частію Европы. Россія и безъ вашей насильственной помощи идетъ скорыми шагами къ этой высокой цѣли всѣхъ народовъ. Поглядите вокругъ себя! Скажите, произвели ли ваши предки, въ теченіи многихъ вѣковъ, то, что создано у насъ въ одно столѣтіе? Не походитъ ли на быструю перемѣну декораціи вашей Парижской оперы это появленіе великолѣпнаго Петербурга, среди непроходимыхъ болотъ и безлюдныхъ пустынь Сѣвера? »

— « Да неужели вы думаете, сударь, что вашъ Петербургъ можетъ назваться Европейскимъ городомъ? И, полноте!... Въ немъ все начато, и ничто не кончено. Ваши широкія улицы походятъ на площади; ваши площади, на какія-то незастроенныя пустопорожнія мѣста;

ваши длинные, невысокіе дома — не фабрики.... Набережныя у васъ не дурны; но чѣмъ можно назвать эти расписные деревянные мостики? Есть ли въ Петербургѣ хоть одна порядочная церковь? Что такое ваша Казанская? Огромная куча матеріаловъ, подъ которою зарыты нѣкоторыя опрятно отдѣланныя части, не выкупающія ни мало всю нестройность и безобразіе цѣлаго. О, будьте спокойны, Господа Русскіе! Если Французы придутъ въ Петербургъ, то вѣрно не позавидуютъ вашему Казанскому Собору, а увезутъ, можетъ быть, съ собой его гранитныя колонны.»

— «Бога ради, Баронъ!» сказала хозяйка, «не говорите этого при родственникѣ моемъ Князѣ Радугинѣ. Онъ безъ памяти отъ этой Церкви, и знаете ли почему? Потому что въ построеніи ея участвовали одни Русскіе художники.»

— « О, это очень замѣтно! » подхватилъ путешественникъ.

— « Князь Радугинъ! » повторилъ съ примѣтной досадою Дипломатъ. « Какъ жаль, Княгиня, что вы родня этому фанатику, этому необразованному Камчадалу, этому.... »

— « Ахъ! что вы, Monsieur le baron! Конечно — я не спорю, онъ морякъ, его формы нѣсколько странны, тонъ очень дуренъ, а бѣшеной патріотизмъ отмѣнно смѣшенъ; но не смотря на это, онъ, право, добрый и честной человѣкъ. »

— « Согласенъ, Княгиня! Я не понимаю только, чего смотритъ ваше Правительство? Человѣкъ, который можетъ заразить многихъ своихъ безумнымъ и вреднымъ фанатизмомъ, который не скрываетъ даже своей ненависти къ Французамъ, можетъ ли быть терпимъ въ Русской Столицѣ? »

— « А въ какой же, сударь? » спро-

силъ насмѣшливо Рославлевъ. « Ужъ не въ Французской ли ? »

— « Нигдѣ, сударь ! нигдѣ ! Такіе опасные люди не должны быть терпимы во всей Европѣ. Пусть они ѣдутъ въ Англію, или Восточную Индію; пусть проповѣдываютъ тамъ возмутительныя свои правила; по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока на берегахъ Темзы не развѣваются еще знамена Франціи. »

— « Не скоро же они уймутся говорить, » сказалъ Рославлевъ.

— « Вы думаете ? Нѣтъ, сударь, скоро наступитъ послѣдній часъ владычеству этихъ морскихъ разбойниковъ; принятая всей Европою континентальная система не выполнялась до сихъ поръ въ Россіи, съ той непреклонной настойчивостію, какую требуютъ пользы Франціи и ваши собственныя. Но теперь, когда вашему Двору извѣстна рѣшительная воля Императора, когда никакія дипломатическія увертки не могутъ имѣть мѣста, когда нѣтъ средины, и

Русскіе должны вступить въ бой столь неравный, или повиноваться.... »

— « Повиноваться? » повторилъ Рославлевъ. « Вы забыли, сударь, что мы повинуемся только законному Государю нашему, а Русской Царь—одному Богу и своей совѣсти! Послушайте, Баронъ! Вы, кажется, довольно и даже слишкомъ откровенно говорили съ Русскимъ дворяниномъ; позвольте же и мнѣ въ мою очередь быть также откровеннымъ. Скажите, для чего эти безпрестанныя угрозы? этотъ невыносимый, повелительный тонъ? эта увѣренность, съ которой вы говорите о будущихъ побѣдахъ вашихъ? Или вы не чувствуете, что унижая всѣ прочія націи, вы дѣлаете вашу ненавистною для всѣхъ? Торжествуйте дома ваши побѣды, наслаждайтесь плодами ихъ, будьте сильнѣйшей націею въ Европѣ; но Бога ради! не душите всѣхъ вашей славою. Оскорбляя безпрестанно самолюбіе другихъ народовъ, вы заставите наконецъ

ихъ очнуться отъ ихъ непонятнаго и позорнаго сна. Къ чему все то, что вы говорили о Россіи? Если вы думаете застращать насъ, то очень ошибаетесь, господинъ Баронъ! Чувство, которое съ нѣкотораго времени сдѣлалось общимъ въ Россіи — нѣтъ, сударь!.... это чувство не походитъ на страхъ. Мы нѣкогда любили васъ, какъ друзей; теперь начинаемъ ненавидѣть, какъ злѣйшихъ непріятелей. Повѣрьте, на обширныхъ поляхъ нашихъ, усѣянныхъ костями Литовцевъ и Татаръ, найдется еще довольно мѣста и для новыхъ незваныхъ гостей!... Извините, Баронъ! такъ думаю я, — такъ думаютъ всѣ Русскіе! »

— « Вы очень краснорѣчиво защищаете вашу національную славу, » сказалъ съ улыбкою Дипломатъ. « Жаль только, что вы ошибаетесь въ одномъ: выключая нѣкоторыхъ заносчивыхъ патріотовъ, всѣ Русскіе любятъ насъ точно также, какъ любили прежде. Не

спорю, можетъ быть, Правительство ваше.... но народъ, а особливо дворяне.... О! въ нихъ мы совершенно увѣрены. Не правда ли? Вы по прежнему предпочитаете нашъ языкъ вашему собственному, перенимаете всѣ наши обычаи, одѣваетесь по нашему; словомъ, стараетесь во всемъ походить на насъ. Признайтесь, что это презабавныя доказательства національной ненависти. Нѣтъ, сударь! добрые Русскіе не смотря ни на какія политическія отношенія, останутся всегда друзьями Французовъ. Почтеніе, которое они показываютъ къ нашему Дипломатическому корпусу, ихъ уваженіе даже къ одному имени Франціи, любовь къ писателямъ нашимъ, все доказываетъ эту неоспоримую истину.... »

— « Князь Димитрій Павловичь Радугинъ! » сказалъ вошедшій слуга.

— « Мой зять! » вскричала хозяйка.

— « Не принимайте этого Готтентота, » шепнулъ Дипломатъ. « Ахъ, Боже мой! »

продолжалъ онъ, отодвигая свои кресла отъ дивана, « какая тоска ! вотъ онъ! »

Двери настежъ растворились, и мущина высокаго роста, лѣтъ пятидесяти, въ морскомъ вице-мундирѣ и съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ, вошелъ въ комнату. « Здравствуй сестра ! » сказалъ онъ. « Здорова Рославлевъ! Bon jour, messieurs ! »

— « Здравствуйте, Князь ! » проговорила тихимъ голосомъ и по Русски хозяйка дома. « Я сегодня очень нездорова: ужасно болитъ голова; и если вы, по вашему обыкновенію, станете кричать.... »

— « Не безпокойся! » перервалъ Князь Радугинъ, садясь на диванъ. « Я заѣхалъ къ тебѣ на минуту, разсказать одну презабавную исторію, и очень радъ, что засталъ у тебя этихъ господъ. Такъ и быть !... Дурно ли, хорошо ли, а разскажу этотъ анекдотъ по Французски: пускай и они посмѣются вмѣстѣ со мною.... Ecoutez, messieurs ! »

примолвилъ Радугинъ по Французски. « Хотите ли, я вамъ разскажу презабавную новость? »

— « Мы васъ слушаемъ, Князь! » отвѣчалъ съ вѣжливой улыбкою Дипломатъ.

Вояжеръ пересталъ также раздувать огонь въ каминѣ и придвинулся къ дивану.

— « Вотъ, господа! съ часъ тому назадъ, « продолжалъ Князь Радугинъ, « въ большой Морской повстрѣчались двѣ кареты; въ одной изъ нихъ сидѣлъ вашъ Посланникъ, а въ другой какой-то Гвардейской Прапорщикъ, разумѣется малой молодой. По неосторожности кучеровъ, колесо одной кареты зацѣпилось за колесо другой; къ счастію, оба кучера успѣли остановить лошадей. Вотъ, Его Превосходительство обидѣлся, зашумѣлъ, закричалъ; Офицеръ сталъ извиняться; но Посланникъ не хотѣлъ слышать никакихъ извиненій, и поднялъ такой штурмъ, какъ

будтобъ дѣло шло о чести всей Франціи. Между тѣмъ кругомъ каретъ столпилось сотни двѣ зѣвакъ. Лакеи суетились вокругъ экипажей ; но не смотря на помощь проходящихъ, не могли никакъ ихъ разцѣпить. Офицеръ высунулся въ окно и, продолжая извиняться, сказалъ Его Превосходительству, что должно непремѣнно подвинуть назадъ его карету. « Французы никогда не двигаются назадъ ! » отвѣчалъ гордо Посланникъ. « И Русскіе также ! » возразилъ Офицеръ « Пошолъ ! » Кучеръ ударилъ по лошадямъ; онѣ рванулись... кракъ ! — у Посланника одного колеса какъ не бывало. Офицерская карета помчалась вдоль улицы, и весь народъ закричалъ: « Славно ! ай да молодецъ! »

— « Quelle horreur ! » вскричала Радугина.

— « Quelle audace ! » воскликнулъ Дипломатъ.

— « Ça n'a pas de nom ! прибавилъ путешественникъ.

Глаза Рославлева заблистали удовольствіемъ, а бѣдной Поэтъ испугался, поблѣднѣлъ, и, казалось, готовъ былъ закричать: «Ей Богу! я незнакомъ съ этимъ Офицеромъ!»

— «А что всего любопытнѣе,» продолжалъ Радугинъ, «такъ это то, что по разсказамъ, громче всѣхъ кричали: «ай да молодецъ! спасибо ему!» какъ вы думаете, кто? Мужики? Нѣтъ, сударь! порядочные и очень порядочные люди!»

— «Быть не можетъ!» сказалъ Дипломатъ. «Такая дерзость!...»

— «Дерзость или нѣтъ, этого мы не знаемъ; дѣло только въ томъ, что карета, я думаю, лежитъ и теперь еще на боку!»

— Но не ушибся ли господинъ Посланникъ?» спросилъ торопливо путешественникъ.

— Нѣтъ, Графъ! Говорятъ, что онъ поизмялъ только свою прическу à la Titus, и разбилъ себѣ носъ.»

— « Поѣдемте скорѣй узнать, справедливо ли это? «сказалъ путешественнику испуганный Дипломатъ. « О, если это правда, то должно примѣрно наказать, надобно потребовать une réparation éclatante! Честь Франціи.... честь нашего Императора!... Ѣдемте, Графъ! Ѣдемте! »

— « Какъ вы думаете,» спросила хозяйка на Русскомъ языкѣ Князя Радугина, « не послать ли и мнѣ? не ѣхать ли самой?... »

— « А что ты думаешь, сестра? Конечно! ты молодая вдова, Русская барыня, онъ Французъ, любезенъ, человѣкъ не старый; въ самомъ дѣлѣ, это очень будетъ прилично. Ступай, матушка, ступай!... »

— « Но точно ли это правда? »

— « Дай-то, Господи! молебенъ бы отслужилъ. »

— « Отъ кого вы слышали? »

— « Вотъ то-то и бѣда! мнѣ разсказывалъ объ этомъ одинъ всесвѣтный

лгунъ. Да Богъ милостивъ, быть можетъ, на этотъ разъ онъ сказалъ и правду. ».

Французы, спѣша узнать о здоровьѣ своего Посла, откланялись хозяйкѣ. Рославлевъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ распрощаться также съ своей кузиною; обнялъ дружески Князя Радугина, и отправился домой.

ГЛАВА IV.

Вдали, сквозь утренній туманъ, сверкали верхи позлащенныхъ спицовъ Адмиралтейства и высокой колокольни Петро-Павловскаго Собора; но солнце еще не показалось изъ-за частой сосновой рощи, и густая тѣнь лежала на кровлѣ двухъ-этажнаго дома с[illegible]

архитектуры, въ которомъ помѣщался трактиръ, извѣстный подъ названіемъ: Руки или Средней рогатки. Все было тихо на большой Московской дорогѣ, скучной и единообразной, въ сравненіи съ другими окрестностями Петербурга. Вдругъ послышался вдали звонкой Валдайской колокольчикъ; онъ умолкалъ на минуту, и раздавался опять: то тише, то громче; частилъ, перебивалъ, заливался и снова переставалъ звенѣть. Вдоль дороги отъ Петербурга, разстилая на право и на лѣво густыя облака пыли, неслась на лихой шестернѣ почтовыхъ открытая коляска, за которою едва успѣвали скакать дрожки, запряженныя щегольской парою разношерстныхъ лошадей. Коляска остановилась у дверей трактира; изъ нее выпрыгнулъ Рославлевъ въ дорожномъ платьѣ и фуражкѣ, а въ слѣдъ за нимъ сталъ вылѣзать, зѣвая и потягиваясь, Зарѣцкой, закутанный въ гороховую шинель, съ пятью или шестью воротниками.

Слуга побѣжалъ будить трактирщика, а наши пріятели сѣли на скамью, подлѣ дверей.

— « Ну, mon cher! » сказалъ Зарѣцкой, « теперь, надѣюсь, ты не можешь усомниться въ моей дружбѣ. Я легъ спать во второмъ часу, и всталъ въ четвертомъ для того, чтобъ проводить тебя до Средней рогатки, до которой мы, я думаю, часа два ѣхали. Съ чего взяли, что этотъ скверный трактиръ на восьмой верстѣ отъ Петербурга? Ужъ я дремалъ, дремалъ! Ну, право, мы верстъ двадцать отъѣхали. Ахъ, батюшки! какъ я изковерканъ! »

— « Скажи пожалуйста, Александръ, » спросилъ Рославлевъ, « давно ли ты сдѣлался такой нѣженкой? Когда мы служили съ тобой вмѣстѣ, ты не зналъ устали, и готовъ былъ по цѣлымъ суткамъ не сходить съ коня. »

— « Тогда я носилъ мундиръ, mon cher! А теперь во фракѣ хочу посибаритничать. Однакожъ, знаешь ли, мой

другъ? Хоть я не очень скучаю теперешнимъ моимъ положеніемъ, а все таки мнѣ было веселѣе, когда я служилъ. Почему знать? Можетъ быть, скоро понадобятся Офицеры; стоитъ намъ поссориться съ Французами.... Признаюсь, люблю я этотъ милый и веселый народъ; что и говорить, славная нація! А какъ подумаешь, такъ надобно съ ними порѣзаться: зазнались разбойники! Послушай, Вольдемаръ: если у насъ будетъ война, я пойду опять въ гусары.»

— «И я также,» сказалъ Рославлевъ.

— «Давай руку! Что, въ самомъ дѣлѣ! служить, такъ служить вмѣстѣ; а когда кампанія кончится, и мы опять поладимъ съ Французами, такъ знаешь ли что?... Качнемъ въ Парижъ! То-то бы пожили и повеселились! Эхъ, милый! что ни говори; а вѣдь у насъ, право, скучно!»

— «Я этого не вижу.»

— « Да полно, mon cher! что за патріотизмъ, когда дѣло идетъ о веселье? Я не менѣе твоего люблю наше Отечество, и готовъ за него драться до послѣдней капли крови; а если заберетъ зѣвота, такъ прошу не погнѣваться, не останусь ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, а махну прямехонько въ Парижъ, и даже съ условіемъ: не просыпаться ни раза дорогою, а особливо проѣзжая черезъ ученую Германію. »

— « Нѣтъ, мой другъ! Если ты узнаешь скуку, то не разстанешься съ нею и въ Парижѣ. Когда мы кружимся въ вѣчномъ чаду, живемъ безъ всякой цѣли; когда чувствуемъ въ душѣ нашей какую-то несносную пустоту.... »

— « Ахъ, виноватъ, мой другъ! Я вѣдь и забылъ, что душа твоя полна любви; а въ той странѣ, гдѣ живетъ наша любезная, разумѣется, круглый годъ цвѣтутъ розы и воздухъ дышетъ ароматомъ. Но кстати, я и не подумалъ, какъ же ты сдержишь свое слово и пой-

дешь опять въ гусары? Если ты успѣешь обвѣнчаться, такъ жена за тебя уцѣпится; если будешь женихомъ, то самъ не захочешь покинуть своей невѣсты. Вотъ я—такъ вольный казакъ: что хочу, то и дѣлаю. У меня точно также, какъ у тебя, нѣтъ ни отца, ни матери; старая моя тетушка, вѣрно не будетъ меня удерживать. Правда, у меня есть и кузины, въ пятомъ или шестомъ колѣнѣ; но клянусь тебѣ честію, я люблю ихъ всѣхъ, какъ родныхъ сестеръ — такъ онѣ больно плакать обо мнѣ не станутъ. Однакожъ, послушай, Вольдемаръ: если ужъ мы объ этомъ заговорили, такъ разскажи-ка мнѣ: какъ ты влюбился, и что такое эта проклятая любовь, отъ которой умные люди сходятъ съ ума, а дураки, иногда, становятся умнѣе?»

— «Ты знаешь, Александръ, что я все прошлое лѣто жилъ въ деревнѣ, верстахъ въ пятидесяти отъ Москвы. Около средины лѣта пріѣхала въ мое

сосѣдство богатая вдова Лидина, съ двумя дочерьми; она только что воротилась изъ Парижа, и должна была, для приведенія въ порядокъ дѣлъ своихъ, прожить нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ. Я былъ уже давно знакомъ съ Городничимъ нашего уѣзднаго города, маіоромъ Ильменевымъ. Какъ образчикъ нѣкоторыхъ закоренѣлыхъ невѣждъ прошедшаго поколѣнія, этотъ Ильменевъ могъ бы занять не послѣднее мѣсто въ комедіи: Недоросль, еслибъ въ числѣ первыхъ комическихъ лицъ этой піесы, были люди добрые, честные, и забавные только своимъ невѣжествомъ. Онъ познакомилъ меня съ роднымъ братомъ Лидиной, Николаемъ Степановичемъ Ижорскимъ, также изрядным чудакомъ, который на другой же день отрекомендовалъ меня своей сестрѣ. Ты можешь себѣ представить, какъ я обрадовался, найдя въ моихъ сосѣдкахъ милыхъ, любезныхъ и просвѣщенныхъ женщинъ. »

— « Да, мой другъ; въ провинціи ты могъ себя поздравить съ этой находкою. »

— « Маминька имѣетъ свою смѣшную сторону; но дочери.... »

— « Что и говорить — прелесть, совершенство!... А которое изъ этихъ двухъ совершенствъ, свело тебя съ ума? »

— « Олинька, меньшая сестра, понравилась мнѣ съ перваго раза болѣе старшей сестры своей, Полины. »

— « Съ перваго раза? Слѣдовательно ты влюбленъ въ старшую? Да чтожъ тебѣ сначала въ ней понравилось? Что она блондинка, или брюнетка? »

— « У обѣихъ сестеръ голубые глаза; онѣ обѣ прекрасны и даже очень походятъ другъ на друга; но не смотря на это.... право не знаю, какъ тебѣ объяснить различіе, передъ которымъ исчезаетъ совершенно это наружное сходство. Олинька добра, простодушна, при-

вѣтлива, почти всегда весела; стыдлива и скромна, какъ застѣнчивое дитя; а разсудительна и благоразумна, какъ опытная женщина; но при всѣхъ этихъ достоинствахъ, никакой поэтъ не назвалъ бы ее существомъ небеснымъ; она просто — прелестный *земной* цвѣтокъ, украшеніе *здѣшняго* міра. Но сестра ея.... аҳъ! какое неземное чувство горитъ въ ея вѣчно-томныхъ, унылыхъ взорахъ; все, что сближаетъ землю съ небесами, все высокое, прекрасное доступно до этой чистой, пламенной души! Олинька, съ согласія своей матери, выдетъ замужъ, сдѣлается доброй, нѣжной матерью; но никогда не будетъ умѣть любить, какъ Полина! Въ нѣсколько дней нашего знакомства, я сталъ почти домашнимъ человѣкомъ у Лидиной. Олинька перестала меня дичиться; не прошло двухъ недѣль, и она бѣгала уже со мной по саду, гуляла по полямъ, по рощѣ, однимъ словомъ: обращалась какъ съ роднымъ братомъ.

Съ дѣтской откровенностію милаго ребенка она высказывала мнѣ все, что приходило ей въ голову, и часто удивляла меня своимъ незатѣйливымъ, но яснымъ и вѣрнымъ понятіемъ о свѣтѣ. Съ Полиною я не скоро познакомился. Сначала мнѣ казалось даже, что она убѣгаетъ всѣхъ случаевъ быть вмѣстѣ со мною; наконецъ, мало по малу, мы сблизились, и только тогда, когда я узналъ всю красоту души этого воплощеннаго Ангела, я понялъ причину ея задумчивости и всегдашняго уныніе. Да, мой другъ! Полина слишкомъ совершенна для здѣшняго міра! Ея живое, цвѣтущее воображеніе облекаетъ все въ какую-то неземную одежду. Однажды, я читалъ обѣимъ сестрамъ, только что вышедшій романъ: Матильда, или Крестовые походы. Когда мы дошли до того мѣста, гдѣ врагъ всѣхъ Христіанъ, врагъ Отечества Матильды, невѣрный Мусульманинъ, Малекъ Адель, умираетъ на рукахъ ея—добрая Олинь-

ка, обливаясь слезами, сказала: « Бѣдняжка! зачѣмъ она полюбила этого Турка! Вѣдь онъ не могъ быть ея мужемъ! Но Полина не плакала; — нѣтъ, на лицѣ ея сіяла радость! Казалось, она завидовала жребію Матильды и раздѣляла вмѣстѣ съ ней эту злосчастную, безкорыстную любовь, въ которой не было ничего земнаго.

— « Воля твоя, Вольдемаръ! » перервалъ Зарѣцкой, покачивая головою: « это что-то ужъ больно хитро! Какъ же ты, не будучи ни врагомъ ея, ни Татариномъ, успѣлъ ей понравиться и рѣшился изъясниться въ любви? »

— « Я долго колебался, и хотя замѣчалъ, что частыя мои посѣщенія были вовсе не противны Лидиной; но, не смѣя самъ предложить мою руку ея дочери, рѣшился однимъ утромъ открыться во всемъ Олинькѣ; я сказалъ ей, что все мое счастіе зависитъ отъ нея. Какъ теперь гляжу: она испугалась, поблѣднѣла; но когда услышала,

[illegible]

[illegible] Другой день кромѣ точно также; наконецъ на третій.... »

« Слава Богу! » вскричалъ Зарѣцкій, « Ну, мой другъ! терпѣливъ ты! »

« На третій день, по утру, » про-

должалъ Рославлевъ, « Олинька сказала мнѣ, что я не противенъ ея сестрѣ; но что она не отдастъ мнѣ своей руки до тѣхъ поръ, пока не увѣрится, что можетъ составить мое счастіе, и требуетъ, въ доказательство любви моей, чтобъ я цѣлый годъ не говорилъ ни слова объ этомъ ея матери и ей самой. »

— « « Цѣлый годъ! И ты, Рыцарь Амадисъ, на это согласился? »

— « Ахъ, мой другъ! я согласился бы на все! Одна надежда назвать ее когда нибудь моею — была уже для меня неизъяснимымъ счастіемъ. Въ первые три мѣсяца моего испытанія, сосѣдство наше умножилось пріѣздомъ отставнаго Полковника Сурскаго, котораго небольшая деревенька была въ двухъ верстахъ отъ моего села. Я скоро подружился съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ, умѣвшимъ соединить въ себѣ откровенность прямодушнаго воина, съ умомъ истинно просвѣщеннымъ и

обширными познаніями. Дружба его была для меня одной отрадою; я говорилъ съ нимъ о Полинѣ, и хотя онъ часто покачивалъ головою и называлъ ее мечтательницею; но не смотря на это, полюбилъ всей душею, однако же гораздо менѣе, чѣмъ Олиньку, которая межъ тѣмъ употребляла все, чтобъ сократить время моего испытанія. Наконецъ просьбы ея и краснорѣчіе друга моего Сурскаго, побѣдили упорство Полины. Три недѣли тому назадъ, я назвалъ ее моей невѣстою, и когда черезъ нѣсколько дней послѣ этого, отправляясь для окончанія необходимыхъ дѣлъ въ Петербургъ, я сталъ прощаться съ нею, когда въ первый разъ она позволила мнѣ прижать ее къ моему сердцу, и кроткимъ, очаровательнымъ своимъ голосомъ шепнула мнѣ: «Пріѣзжай скорѣй назадъ, мой другъ!» тогда — о! тогда всѣ мои трехмѣсячныя страданія, всѣ ночи, проведенныя безъ сна, въ тоскѣ, въ мучительной

неизвѣстности, — все изгладилось въ одно мгновеніе изъ моей памяти!... Ахъ, Александръ! Еслибъ ты любилъ когда нибудь, еслибъ ты зналъ, что такое: *мой другъ!* въ устахъ обожаемой женщины, еслибъ ты могъ понять, какой міръ блаженства заключаютъ въ себѣ эти два простыя слова.... »

— « Тфу, чортъ возьми! » перервалъ Зарѣцкой, « такъ этотъ-то бредъ называется любовью? Ну! подлинно есть отъ чего сойти съ ума! *Мой другъ!* Да какъ же прикажешь ей тебя называть? Мусью Рославлевъ чтоль? »

— « Перестань, братецъ! Твоя душа настоящій ледникъ. »

— « Но только не для дружбы, Вольдемаръ! Я отъ всей души радуюсь твоему благополучію; надѣюсь, ты будешь счастливъ съ Полиною; но мнѣ кажется, я больше бы порадовался, еслибъ ты женился на Олинькѣ. »

— « Почему же, мой другъ? »

— « Вотъ изволишь видѣть: твоя По-

на слишкомъ... какъ бы тебѣ сказать?... слишкомъ.... небесна; а я слыхалъ, что этѣ неземныя дѣвушки рѣдко дѣлаютъ своихъ мужей счастливыми. Мы всѣ люди, какъ люди, а имъ подавай идеалъ. Пока ты еще женихъ и страстный любовникъ.... »

— « Я буду имъ вѣчно! »

— « Такъ, mon cher! такъ! Но теперь ты у ногъ ея; теперь, нѣтъ сомнѣнія, и твой образъ облекаютъ въ одежду неземную; а какъ потомъ ты облечешься самъ въ халатъ, да закуришь трубку.... Охъ, милый! что ни говори, а мужъ — плохой идеалъ! »

— « Полно, Зарѣцкой! Ты судишь обо всемъ по собственнымъ своимъ чувствамъ. »

— « Конечно, мой другъ! тебѣ все-таки приличнѣе быть ея мужемъ, чѣмъ всякому другому: ты блѣденъ, задумчивъ, въ глазахъ твоихъ есть также что-то туманное — неземное. Вотъ я, съ

моей румяной и веселой рожей, вовсе бы для нея не годился. Но, кажется, за нами пришли. Что? Завтракъ готовъ? »

— « Готовъ, сударь! » отвѣчалъ трактирный слуга, протирая свои заспаные глаза.

— « Пойдемъ, Рославлевъ. Мы досыта наговорились о небесномъ; займемся-ка теперь земнымъ. »

Позавтракавъ и выпивъ бутылку Шампанскаго, наши друзья простились. « Ну! » сказалъ Зарѣцкой, садясь на свои дрожки, « то-то дамъ теперь высыпку! Прощай, mon cher! — Ванька! до самой заставы во всю рысь! — Adieu, cher ami! Дай Богъ тебѣ счастья, а право жаль, что ты женишься не на Олинькѣ!... Пошолъ!' »

Когда Рославлевъ сталъ садиться въ коляску, мимо его, по дорогѣ къ Царскому селу, промчались двое дрожекъ, запряженныхъ парами. Ему показалось, что на однихъ сидѣлъ Французъ, съ

которымъ наканунѣ онъ обѣдалъ въ ресторацiи. Извощикъ, оправивъ сбрую, взлѣзъ на козлы, присвистнулъ, махнулъ кнутомъ, колокольчикъ зазвенѣлъ и по обѣимъ сторонамъ дороги замелькали высокiя сосны и зеленыя поля; изрѣдка показывались среди деревьевъ скромныя дачи, выстроенныя, въ довольномъ разстоянiи одна отъ другой, по этой дорогѣ, ни мало не похожей на Петергофскую, которая представляетъ почти безпрерывный и великолѣпный рядъ загородныхъ домовъ, плѣняющихъ своей красотой и разнообразiемъ. Чрезъ нѣсколько минутъ коляска поднялась на Пулковскую гору, и вскорѣ, за обширнымъ звѣринцемъ, закраснѣлся вдали колоссальный дворецъ Царскаго села, нѣкогда удивлявшiй путешественниковъ своей позлащенной кровлею и Азiятскимъ великолѣпiемъ. Подъѣзжая къ звѣринцу, одна изъ лошадей переступила постромку, начала бить; другiя лошади также испугались и понесли

вдоль дороги. Послѣ многихъ безполезныхъ усилій, извощику удалось наконецъ, при помощи Рославлева, остановить лошадей. Коляска уцѣлѣла, но большая часть веревочной сбруи изорвалась, и надобно было, по крайней мѣрѣ, съ полчаса времени, для приведенія въ порядокъ упряжи. Рославлевъ, оставя при колескѣ своего слугу, пошелъ пѣшкомъ, по дорожкѣ, пробитой вдоль стѣны звѣринца. Онъ замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ небольшой проломъ, отъ котораго узенькая тропинка, извиваясь, вела въ глубину лѣса. Желая погулять нѣсколько времени въ тѣни деревьевъ, Рославлевъ пустился по тропинкѣ. Не прошло пяти минутъ, какъ вдругъ ему послышались близкіе голоса; онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, и подлѣ него за кустомъ погремѣлъ отрывистый вопросъ: « Ну что?... Хорошо ли ? » — « Нѣтъ, братецъ ! » отвѣчалъ кто-то голосомъ не вовсе ему незнакомымъ. « Что это за баріеръ ? Еще на

три шага ближе! » Рославлевъ поразо-двинулъ сучья густаго куста, который скрывалъ отъ него говорящихъ, и увидѣлъ на небольшой полянѣ четырехъ человѣкъ. Двое были ему совершенно незнакомы; а въ остальныхъ онъ тотчасъ узналъ Молчаливаго Офицера и Француза, съ которымъ обѣдалъ наканунѣ въ рублевомъ трактирѣ. Не трудно было отгадать, для чего эти господа пріѣхали такъ рано въ звѣринецъ. Повинуясь первому движенію, Рославлевъ сдѣлалъ шагъ назадъ; но какое-то непреодолимое любопытство побѣдило это человѣческое чувство. Съ сильно бьющимся сердцемъ, едва переводя духъ, онъ притаился за кустомъ, и остался невидимымъ свидѣтелемъ кровавой сцены, которая должна была оправдать слова, сказанныя имъ наканунѣ: — о ненависти Русскихъ къ Французамъ.

— « Ну, кончилъ ли ты? » закричалъ Молчаливый Офицеръ своему товарищу, который вколачивалъ въ землю двѣ

палки, въ двухъ шагахъ одна отъ другой.

— « Кончилъ! » отвѣчалъ молодой человѣкъ, высокаго роста, въ военномъ сертукѣ и кавалерійской фуражкѣ. « Только воля твоя, по моему лучше стрѣляться на плащѣ. Два шага!... по крайней мѣрѣ надобно четыре. »

— « Эхъ, полно, братецъ! что за ребячество. На, возьми, подсыпь на полку. »

— « Позвольте спросить, » сказалъ секундантъ Француза, человѣкъ среднихъ лѣтъ, который, судя по выговору, былъ также иностранецъ. « Я желалъ бы знать, по крайней мѣрѣ, причину вашей дуели. »

— « А на что вамъ это? » спросилъ Офицеръ подавая своему товарищу другой пистолетъ. « Приколоти покрѣпче пулю, братецъ! Да обей кремень: я осѣчекъ не люблю. »

— « Мнѣ кажется, » возразилъ ино-

странецъ, « что я, будучи секундантомъ, имѣю полное право знать.... »

— « За что мы деремся?... » перервалъ Офицеръ. « Да такъ, — мнѣ надоѣла физіономія вашего пріятеля. Отмѣривай пять шаговъ, » продолжалъ онъ, обращаясь къ Кавалеристу. « Не угодно ли и вамъ потрудиться? »

— « Но, милостивый государь! мнѣ кажется, что если вы не имѣете другой причины.... »

— « Имѣю, сударь! Вашъ пріятель Французъ. Прошу отмѣривать пять шаговъ. »

— « Еще одно слово, господинъ офицеръ. Мнѣ кажется.... »

— « А долго ли, сударь, вамъ будетъ казаться? Я вижу, вы любите болтать; а я не люблю, и мнѣ нѣкогда. Извольте становиться! » прибавилъ онъ громовымъ голосомъ, обращаясь къ Французу, который молчалъ въ продолженіи всего разговора.

— « Въ самомъ дѣлѣ! » вскричалъ Кавалеристъ, « что за болтовня! Драться, такъ драться. Вотъ твое мѣсто, братецъ. Смотри, цѣлься хорошенько; да не торопись стрѣлять. »

Оба противника отошли по пяти шаговъ отъ барiера, и повернясь въ одно время, стали медленно подходить другъ къ другу. На второмъ шагу Французъ спустилъ курокъ — пуля свистнула, и пробитая на вылетъ фуражка слетѣла съ головы Офицера.

— « Чортъ возьми! этотъ Французъ мѣтитъ хорошо! » сказалъ сквозь зубы Кавалеристъ. « Смотри, братъ, не промахнись! »

Раздался второй выстрѣлъ, и вмигъ вся лѣвая рука Француза облилась кровью.

— « Эхъ, братецъ! » сказалъ Кавалеристъ; « немножко бы по лѣвѣе. Я говорилъ тебѣ, взять мои пистолеты. Какая, чортъ, стрѣльба безъ шнелера! »

Прошло еще нѣсколько секундъ: —

сердце Рославлева почти перестало биться. Разстояніе между поединщиками становилось все менѣе; вотъ уже оставалось не болѣе шести, или семи шаговъ... вдругъ раздался третій выстрѣлъ.

— « Ты раненъ? » вскричалъ Кавалеристъ.

— « Нѣтъ » отвѣчалъ Офицеръ, взглянувъ хладнокровно на правое плечо свое, съ котораго пулею сорвало эполетъ. « Теперь милости прошу, сюда къ барiеру! » продолжалъ онъ, устремивъ свой неподвижный взоръ на Француза.

— « Je suis mort! » промолвилъ въ полголоса раненый.

— « Боже мой! онъ истекаетъ кровью! » сказалъ его секундантъ, вынимая бѣлой платокъ изъ кармана.

— « Не трудитесь! » перервалъ Офицеръ, « онъ доживетъ еще до послѣдняго моего выстрѣла. Ну, чтожъ, сударь? Да подходите смѣлѣе! вѣдь я не

стану стрѣлять, пока вы не будете у самаго баріера. »

— « Господинъ Офицеръ ! » вскричалъ Иностранецъ. « Подумайте !. въ двухъ шагахъ ! Это все равно.... »

— « Еслибъ я приставилъ ему мой пистолетъ ко лбу ? — Разумѣется. Еще одинъ шагъ, господинъ кавалеръ почетнаго Легіона ! Прошу покорно ! »

— « Eh bien ! soit ! » сказалъ Французъ, бросивъ въ сторону свой пистолетъ. Онъ подошелъ, шатаясь, къ баріеру, и сложивъ крестъ на крестъ руки, сталъ прямо грудью противъ своего соперника. Кровь ручьемъ текла изъ его раны ; смертная блѣдность покрывала лице ; но онъ смѣло смотрѣлъ въ глаза Офицеру, и только едва замѣтная судорожная дрожь пробѣгала отъ времени до времени по всѣмъ его членамъ. Офицеръ прицѣлился — конецъ его пистолета почти упирался въ лобъ Француза. Вся кровь застыла въ жилахъ Рославлева. Онъ хотѣлъ закричать ; но

ужасъ оковалъ языкъ его. Межъ тѣмъ Офицеръ спустилъ курокъ, на полкѣ вспыхнуло; но пистолетъ не выстрѣлилъ.

— « Ты живъ еще, мой другъ! вскричалъ секундантъ Француза.

— « Не надолго!» примолвилъ хладнокровно Офицеръ. « Подсыпь на полку, братецъ! »

— « Ради самаго Бога! » сказалъ отчаяннымъ голосомъ Иностранецъ, « пощадите этого несчастнаго!... У него жена и шестеро дѣтей! »

Вмѣсто отвѣта, Офицеръ улыбнулся, и взглянувъ спокойно на блѣдное лице своей жертвы, устремилъ глаза свои въ другую сторону. Ахъ! еслибъ они пылали бѣшенствомъ, то несчастный могъ бы еще надѣяться, — и тигръ имѣетъ минуты милосердія; но этотъ безчувственный, неумолимый взоръ, выражающій одно мертвое равнодушіе, не обѣщалъ никакой пощады.

— « Господинъ офицеръ! » продолжалъ Иностранецъ, «если жалость вамъ неизвѣстна, то подумайте, по крайней мѣрѣ, что вы хотите отправлять въ эту минуту должность палача. »

— « Да, я желалъ бы быть палачемъ, чтобъ отсѣчь однимъ ударомъ голову всей вашей націи. Посторонитесь! »

— « Одно слово, сударь, « прошепталъ едва слышнымъ голосомъ раненый. « Прощай мой другъ! » продолжалъ онъ, обращаясь къ своему секунданту. « Не забудь разсказать всѣмъ, что я умеръ какъ храбрый и благородный Французъ; скажи ей. .. » Онъ не могъ докончить и упалъ безъ чувствъ въ объятія своего друга.

— « Жаль! » сказалъ Кавалеристъ; « онъ не трусъ! И признаюсь, еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ.... »

— « И полно, братецъ! Все таки однимъ меньше. Теперь, кажется, осѣчки не будетъ, » прибавилъ Офицеръ,

взглянувъ на полку пистолета. Онъ взвелъ курокъ....

— « Остановитесь ! » вскричалъ Рославлевъ, выбѣжавъ изъ-за куста и заслонивъ собою Француза. « Это ужасно! Это не поединокъ, а смертоубійство ! »

— « Кто вы ? » спросилъ Офицеръ, опустивъ свой пистолетъ.

— « Такой же Русской, какъ вы. »

— « Въ самомъ дѣлѣ ? Чтожъ вамъ здѣсь надобно ? »

— « Спасти этого несчастнаго отца семейства ! »

— « Право ? То есть, вамъ угодно стать на его мѣсто ? »

— « Да ! вскричалъ Рославлевъ. « И если вы хотите быть чьимъ нибудь убійцею.... »

— « Хочу, сударь ! Но прежде мнѣ надобно кончить съ этимъ кавалеромъ почетнаго Легіона ! »

— « Стыдитесь, господинъ офицеръ! Развѣ вы не видите?—онъ безъ чувствъ! »

— « Но живъ еще. Позвольте !... »

— « Нѣтъ ! » сказалъ Рославлевъ, взглянулъ съ ужасомъ на Офицера, « вы не человѣкъ, а демонъ ! Возьмите отсюда вашего пріятеля, » продолжалъ онъ, относясь къ Иностранцу, « и оставьте мнѣ его пистолеты. А вы, сударь ! вы безчеловѣчіемъ вашимъ срамите наше отечество — и я, отъ имени всѣхъ Русскихъ, требую отъ васъ удовлетворенія. »

— « О, если вы непремѣнно хотите.... Помоги ему, братецъ, дотащить до дрожекъ этого храбреца. А съ вами, сударь, мы сей-часъ раздѣлаемся. Русской, который заступается за Француза, ни чѣмъ его не лучше. Вотъ порохъ и пули. Потрудитесь зарядить ваши пистолеты. »

Иностранецъ перевязалъ на скоро руку своего товарища, и при помощи Кавалериста понесъ его вонъ изъ лѣса. Межъ тѣмъ, пока Рославлевъ заряжалъ

оставленные Французомъ пистолеты, Офицеръ не спускалъ съ него глазъ.

— « Не обѣдали ли вы вчера въ ресторацiи у Френзеля? спросилъ онъ наконецъ.

— « Да, сударь! Но къ чему это?... »

— « Не трудитесь заряжать ваши пистолеты — я не дерусь съ вами. »

— « Не деретесь?... »

— « Да. Это было бы слишкомъ не расчетисто: оставить живымъ Француза, а убить, можетъ быть, Русскаго. Вчера я слышалъ вашъ разговоръ съ этимъ самохваломъ: вы не полу-Французъ, а Русской въ душѣ. Вы только черезъ чуръ чувствительны; — да это пройдетъ. »

— « Нѣтъ, сударь, права человѣчества будутъ для меня всегда священны! »

— « Даже и тогда, когда эта нацiя хвастуновъ и нахаловъ зальетъ кровью наше отечество? Не думаете ли вы заслужить ихъ уваженiе, поступая съ

ними, какъ съ людьми? Не безпокойтесь! они покроютъ пепломъ всю Россію и станутъ хвастаться своимъ великодушіемъ; а если мы придемъ во Францію и будемъ вести себя смирнѣе, чѣмъ собственныя ихъ войска: то они и тогда не перестанутъ называть насъ варварами. Неблагодарные! чѣмъ платили они до сихъ поръ за нашу ласку и хлѣбосольство?» продолжалъ Офицеръ — и глаза его въ первый разъ еще заблистали какимъ-то нечеловѣческимъ огнемъ. «Прочтите, что пишутъ и печатаютъ у нихъ о Россіи; какъ насмѣхаются они надъ нашимъ простодушіемъ: доброту называютъ невѣжествомъ, гостепріимство — чванствомъ. Съ какимъ адскимъ искусствомъ превращаютъ всѣ добродѣтели наши въ пороки. Прочтите все это, подслушайте ихъ разговоры — и если вы не поймете и тогда моей ненависти къ этимъ Европейскимъ разбойникамъ, то вы не Русской! Но что и говорю? Вы также

ихъ ненавидите, какъ я, и, можетъ быть, скоро придетъ время, что и для васъ будетъ наслажденьемъ зарѣзать изъ своихъ рукъ хотя одного Француза. Прощайте ! »

Офицеръ приподнялъ свою фуражку, и пошелъ скорыми шагами по тропинкѣ, которая шла къ противуположной сторонѣ звѣринца.

Съ невольнымъ трепетомъ смотрѣлъ Рославлевъ велѣдъ за уходящимъ Офицеромъ. Все, что ненависть имѣетъ въ себѣ ужаснаго, показалось бы добротою, въ сравненіи съ той адской злобою, которая пылала въ глазахъ его, одушевляла всѣ черты лица, выражалась въ самомъ голосѣ, въ то время, какъ онъ говорилъ о Французахъ. Рославлевъ вышелъ изъ лѣса и догналъ свою коляску, которая ѣхала шагомъ вдоль звѣринца. « Боже мой ! » думалъ онъ въ то время, какъ отдохнувшія лошади мчали его по большой Московской дорогѣ, « до какой степени можетъ ожесточиться

сердце человѣческое! И какъ виновенъ тотъ, чье властолюбіе сдѣлало предметомъ всеобщей ненависти націю, столь благородную и нѣкогда столь любимую всѣми просвѣщенными народами Европы.» Не скоро прояснилось въ душѣ его, потрясенной ужасной сценою, которой онъ былъ свидѣтелемъ; но наконецъ образъ Полины, надежда скораго свиданія и усладительная мысль, что съ каждымъ шагомъ уменьшается пространство, ихъ раздѣляющее, разсѣяли грусть его, и будущее предстало предъ нимъ во всемъ очаровательномъ своемъ блескѣ — обманчивомъ и ложномъ; но необходимомъ для насъ жалкихъ дѣтей земли, почти всегда обманутыхъ надеждою и всегда готовыхъ снова надѣяться.

ГЛАВА V.

—

На дворѣ было пасмурно. Крупныя дождевыя капли стучали въ окна почтоваго двора села Завидова, въ которомъ Рославлевъ уже болѣе двухъ часовъ дожидался перемѣны лошадей. Всѣ проѣзжающіе вообще не любятъ сидѣть долго на станціяхъ; но для влюбленнаго жениха, который спѣшитъ увидѣться съ своей невѣстою, всякая остановка есть истинно наказаніе небесное. Ничто не можетъ сравниться съ этой пыткою: онъ нигдѣ не найдетъ мѣста, горитъ какъ на огнѣ; ему вездѣ тѣсно, вездѣ душно: ему кажется, что каждая пролетѣвшая минута уноситъ съ собою цѣлый вѣкъ

блаженства, что онъ состарѣется въ два часа, не доживетъ до конца своего путешествія. Однимъ словомъ: не смотря ни на какую погоду, онъ пустился бы пѣшкомъ; если бы разсудокъ не говорилъ ему, что этимъ онъ не поможетъ своему горю, а только отдалитъ минуту свиданія. Пересмотрѣвъ давнымъ давно прибитые по стѣнамъ почтоваго двора — и Шемякинъ судъ, и Илью Муромца, и взятіе Очакова; прочитавъ въ десятый разъ, на знаменитой картинѣ: Погребеніе Кота, краснорѣчивую надпись: « *Котъ Казанской, породы Астраханской, имѣлъ разумъ Сибирской,* » — Рославлевъ въ сотый разъ спросилъ у Смотрителя въ изорванномъ мундирномъ сюртукѣ и запачканномъ галстукѣ: скоро ли дадутъ ему лошадей?... и хладнокровный Смотритель повторилъ также въ сотый разъ свое невыносимое: « всѣ, сударь, въ разгонѣ; извольте подождать! »

— « Да нельзя ли найдти вольныхъ? »

— « Я ужъ вамъ докладывалъ, что нельзя: пора рабочая. »

— « Я заплачу вдвое, если надобно — только Бога ради.... »

— « И радъ бы радостью, сударь! Да чтожъ дѣлать? На нѣтъ и суда нѣтъ! Не прикажете ли чаю? »

— « Далеко ли отсюда до Москвы? »

— « Сто три версты съ половиною. А чай знатный, сударь! цвѣточный, самой лучшій. »

— « Сто три версты! А тамъ еще семьдесять! Какая досада! Я могъ бы завтра поутру.... »

— « У меня, сударь, есть и Московскіе калачи; а если угодно, такъ и крендели. »

— « Что за станція! Въ этомъ Завидовѣ вѣчно нѣтъ лошадей! »

— « Чтожъ дѣлать, Ваше Благородіе! — Вѣдь вдѣсь не ямъ, а разгонъ большой. Прикажите поставить самоваръ? »

— « Ну, хорошо, братецъ! — Говорятъ, что у насъ почта хороша. Боже мой! Да не приведи Господи никакому Христіянину ѣздить на почтовыхъ! Что это?... ѣдешь, ѣдешь.... »

— « А давно ли вы, сударь, изъ Питера?... » спросилъ Смотритель, приказавъ своей женѣ готовить чай.

— « Стыдно сказать — третій день! И это называютъ почтою? »

— « То есть — слишкомъ по двѣсти верстъ въ сутки? » сказалъ Смотритель, разсчитавъ по пальцамъ,—« Чтожъ, сударь? Это ѣзда не плохая. Зимою можно ѣхать и скорѣе, а теперь дѣло весеннее.... Чу! колокольчикъ! и кажется отъ Москвы!... четверкою бричка.... »

— « Ахъ, сдѣлай милость, любезный! я дамъ тебѣ, что хочешь, на водку.... »

— « Постойте, сударь!... никакъ на вольныхъ!... Нѣтъ! съ той станціи! — Ну, вотъ вамъ, сударь, и попутчики!

Счастливъ этотъ проѣзжій! ваши лошади чай ужъ отдохнули, такъ ему задержки не будетъ. »

— « Вели же скорѣй закладывать мою коляску. »

— « Нельзя, сударь! надобно выкормить лошадей; надобно ихъ напоить; надобно, чтобъ онѣ выстоялись; надобно.... »

— « Надобно чтобъ я ѣхалъ! Послушай, я заплачу двойные прогоны! »

— « Нѣтъ, сударь, ямщикъ ни за что не поѣдетъ. Вотъ этакъ часика черезъ полтора.... Эхъ, сударь! кони знатные, — мигомъ доставятъ на станцію; а вы межъ тѣмъ чайку накушайтесь. »

Проѣзжій не вышелъ изъ своей брички, и черезъ нѣсколько минутъ отправился на лошадяхъ, которыя привезли Рославлева. Съ полчаса еще нашъ влюбленный путешественникъ ходилъ молча взадъ и впередъ по избѣ; потомъ, отъ нечего дѣлать, напился чаю; и

наконецъ, отворивъ окно, сѣлъ возлѣ него, чтобъ видѣть, когда станутъ закладывать его коляску. На завалинѣ передъ избою сидѣлъ старикъ, лѣтъ шестидесяти; онъ чертилъ по землѣ своимъ подожкомъ и слушалъ разговоры ямщиковъ, которые, собравшись въ кружокъ, болтали всякую всячину, не замѣчая, что проѣзжій баринъ можетъ слышать всѣ ихъ слова.

— « Что ты, братъ Андрюха, такъ насупился? » спросилъ одинъ ямщикъ въ сѣромъ армякѣ, молодаго дѣтину, въ синемъ кафтанѣ и красномъ кушакѣ: — « аль жена побила? »

— « Добро бы жена, » отвѣчалъ дѣтина, « а то чортъ знаетъ кто — нелегкая бы его взяла проклятаго! »

— « Ой ли! такъ тебя, братъ, поколотили? Ужъ не почталіонъ ли, что ты вчера возилъ? »

— Эхъ, Ваня! кабы почталіонъ, такъ кудабъ не шло; а то какой-то проѣз-

жій баринъ — пострѣлъ бы его побралъ! »

— « Чай сталъ погонять, а ты не слушался? »

— « Вѣстимо. Вотъ нынѣче ночью я повезъ на тройкѣ, въ Подсолнечное, какого-то барина; не успѣлъ еще за околицу выѣхать, а онъ и ну понукать; такъ, знашь ты, кричма и кричитъ, какъ за языкъ повѣшеный. Пошелъ, да пошелъ! — «Какъ-ста не такъ, подумалъ я про себя, вишь какой прыткой! — Нѣтъ, баринъ, погоди! Животы-та не твои, какъ ихъ поморишь, такъ и почты не на чемъ справлять будетъ. » — Онъ ну кричать громче, а я ну ѣхать тише! »

— « Вотъ то-то же! Вишь ты самъ какой задорный, Андрюха! »

— « Да, слышь ты, глупая голова! Вѣдь за моремъ извощики и всѣ такъ дѣлаютъ; мнѣ ужъ третьяго дня объ этомъ порасказали. Ну, вотъ мы отъ-

ѣхали этакъ верстъ пятокъ съ небольшимъ, какъ вдругъ — батюшки свѣты! мой сѣдокъ какъ подымется, да учнетъ ругаться: « я дискать на тебя, разбойника, Смотрителю пожалуюсь. »—« Экъ-ста чѣмъ угрозилъ! сказалъ я. — Нѣтъ, баринъ, Смотрителемъ насъ не испугаешь. » Я ему, ребята, на прошлой недѣлѣ снесъ гуся, да полсотни яицъ. »

— « Уменъ ты, братъ Андрюха! Ну чтожъ твой сѣдокъ? »

— « Осерчалъ пуще прежняго. Ну меня позорить; а я себѣ и въ усъ не дую — ѣду себѣ шажкомъ, да посвистываю. Вотъ онъ приподнялся, да и толкъ меня въ загорбокъ; я обернулся, поглядѣлъ: мужиченокъ небольшой, и слуги съ нимъ нѣтъ, — какъ не дать отпора? « Слушай, баринъ, » — сказалъ я — « драться не велѣно; у меня смотри, я и самъ кнутомъ перепоясшу. » Лишь только я это вымолвилъ, какъ онъ одной рукой хвать меня за воротъ, пригнулъ къ себѣ, да и ну лудить по

становой жилѣ. Я было побарахтаться — куды-те! Ахъ ты, Господи Боже мой! взглянуть не на что, а какой здоровенный! — Ужъ онъ меня возилъ, возилъ! Чортъ бы его побралъ! Инда и теперь вздохнуть тяжело! »

— « Вотъ то-то, Андрюша! » сказалъ старый крестьянинъ, « зачѣмъ озорничать! Вѣдь наше дѣло таковское — за всякимъ тычкомъ не угоняешься. А ужъ если пришла охота подраться, такъ дрался бы съ своимъ братомъ: скулы-то равныя — а то еще схватился съ бариномъ!... »

— « Да, съ бариномъ! Не долго этимъ барамъ то надъ нами ломаться. »

— « А что такъ? » спросилъ извощикъ въ армякѣ.

— « Да такъ-ста. Мы знамъ, что знамъ. »

— « А что ты знашь, Андрюха? Разскажи, братъ. »

— « Да разскажи! А какъ дойдетъ до Исправника.... »

— « И, полно! кому вынести? Небось, разсказывай!... »

— « Ну, то-то же! смотрите, ребята! » сказалъ дѣтина, обращаясь къ другимъ извощикамъ, « чуръ держать про себя. Вотъ, третьяго дня, повезъ я подъ вечеръ проѣзжаго — знашь ты, какой-то не Русской, не то Французъ, не то Нѣмецъ — лѣшій его знаетъ, а по нашему-то баетъ; и такой добрый, двугривенный далъ на водку. Вотъ дорогой мы съ нимъ поразговорились. « Что дискать, братъ! » спросилъ онъ, « чай житье ваше плохое? » Ну, вѣстимо, не сказать же, что хорошо. Да, баринъ, молвилъ я, подъ иной часъ тяжко бываетъ; кони дороги, кормы также, разгонъ большой, а на прогонахъ далеко не уѣдешь; тамъ глядишь Смотритель придерется, къ Исправнику попадешь въ лапы—какое житье? Вотъ кабы еще проѣзжіе-та, какъ ваша милость, не понукали; а то наши бары, провалъ бы ихъ взялъ! ступай имъ

по десяти верстъ въ часъ; а поѣхалъ въ волю рысцой или шагомъ, такъ наровятъ въ зубы. « И впрямь, » сказалъ проѣзжій, « что ваше за житье! То ли дѣло у насъ за моремъ; вотъ ужъ подлинно мужички-та живутъ припѣвающи. Во всемъ воля: что хочешь, то и дѣлай. У насъ ямщикъ прогоны-то беретъ не по вашему — по полтинѣ на версту; ѣдетъ какъ душѣ угодно: дадутъ на водку—пошелъ рысцой; нѣтъ—такъ и шагомъ; а проѣзжій, хоть Генералъ будь какой, не смѣй до него и дотронуться. По нашимъ дорогамъ, что верста, то кабакъ; а ямщикъ воленъ у каждаго кабака останавливаться. »

— « Ну, Андрюха! » вскричалъ ямщикъ въ армякѣ, « житье же тамъ нашему брату! »

— « Ништни, Ваня! сказалъ старый крестьянинъ; « не мѣшая ему, пусть онъ доскажетъ. »

— « А что, батюшка? молвилъ я, » продолжалъ Андрей, « есть ли у васъ

Исправники ? » — « Какіе Исправники ! У насъ мужикъ и шапки не передъ-кѣмъ не ломаетъ; знай себѣ одного Бонапарта , да и все тутъ ! » А кто этотъ Бонапартъ , батюшка ? спросилъ я. « Вѣстимо кто: нашъ Хранцузской Царь. Слушай-ка , дѣтина , примолвилъ проѣзжій , я тебѣ скажу всю правду-истину , а ты своимъ товарищамъ разсказывай: нашъ Царь Бонапартъ завоевалъ всю землю , да и къ вамъ скоро въ гости будетъ. » Ой ли ? сказалъ я ; да къ намъ-та за чѣмъ ? « За тѣмъ , братъ , что онъ хочетъ , чтобъ и у васъ мужичкамъ было такое же льготное и привольное житье , какъ у насъ. Барамъ-то вашимъ это вовсе не по сердцу ; да вы на нихъ не смотрите: они , пожалуй , наговорятъ вамъ турусы на колесахъ: и то и сё , и басурманы-та мы.... — не вѣрьте ! а встрѣчайте-ка насъ , какъ мы придемъ , съ хлѣбомъ да съ солью. »

— « А о поборахъ-та баялъ что-ль

онъ? » спросилъ одинъ пожилой извощикъ.

— « Какъ же; слышь ты никакой тяги не будетъ: что хошь, то и давай. У нашего-дискать Царя и безъ васъ всего довольно. »

« Ну, Андрюша! » сказалъ старый крестьянинъ, « слушалъ я, братъ тебя: не въ батюшку ты пошелъ! Тотъ былъ мужикъ умный; а ты, глупая голова, всякой нехристи вѣришь! Счастливъ этотъ краснобай, что не я его возилъ: побывалъ бы онъ у меня въ городскомъ острогѣ. Экъ онъ подъѣхалъ съ какимъ подвохомъ, проклятый! Да нѣтъ, ребята! стараго воробья на мякинѣ не обманешь: — вѣдь этотъ проѣзжій шпіонъ. »

« — Неужто, дядя Савельичь? » сказалъ ямщикъ въ армякѣ.

— « Ну, да! А ты, Андрей, съ дуру-та уши и развѣсилъ. Бонапартъ! Да знаете ли, православные, кто такой этотъ Бонапартъ? Иль никто изъ васъ

не помнитъ, что о немъ по всѣмъ церквамъ читали? Вѣдь онъ Антихристъ!»

— « Ой ли? Такъ это онъ? » вскричалъ пожилой ямщикъ.

— « Онъ и есть. Вѣдь онъ-та все и подсылаетъ подбивать нашу братью; такъ, слышь ты, лисой и лиситъ: да не на тѣхъ напалъ. Нѣтъ, ребята! чтобъ мы поддались иновѣрцамъ?... Ба, ба, ба! да за что такъ! Что Бога гнѣвить, братцы! развѣ у насъ нѣтъ батюшки православнаго Русскаго Царя? Развѣ мы хуже живемъ другихъ-прочихъ? Что намъ, перекусить чтоль нечего? Слава Тебѣ Господи! По праздникамъ пустыхъ щей не хлѣбаемъ, одежонка есть, браги не покупать стать! А еслибъ и худо-то было? Такъ чтожъ? Знай про то Царь-Государь: Ему челомъ; а Бонапарту-та какое до насъ дѣло? Развѣ мы его? »

— « Вѣдь дядя-то Савельичь правду говоритъ, ребята! » сказалъ одинъ изъ

ямщиковъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ.

— « Да, дѣтушки! Я подолѣе васъ живу на бѣломъ свѣтѣ; въ Пугачевщину я былъ ужъ парень матерой. Тяжко, ребята, и тогда было — такой былъ по всей святой Руси погромъ, что и Боже упаси! И Пугачь также прельщалъ народъ, да умнѣй былъ этого Бонапарта: назвался Государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ: такъ не диво, что перемутилъ всѣхъ православныхъ; а этотъ что за выскочка? Смотри пожалуй! вишь, ему жаль насъ стало! Экой милостивецъ выискался! Нѣтъ, ребята! если ужъ Господь Богъ нашлетъ на насъ каку невзгоду, такъ пускай же свои собаки грызутся, а чужія не мѣшайся. »

— « Такъ, вѣстимо такъ, Савельичь! Правда, Савельичь! » заговорили всѣ извощики, кромѣ Андрея.

— « Чтожъ ты братъ, Андрюха! язы-

чекъ-та прикусилъ — а? » спросилъ пожилой ямщикъ.

— « Что, братъ, » отвѣчалъ Андрей, почесывая въ головѣ, « оно бы и такъ— да слышь ты, онъ баилъ, что Исправниковъ не будетъ, и бары-то не станутъ надъ нами ломаться. »

— « Ахъ ты дурачина, дурачина! » перервалъ старикъ; « да развѣ безъ старшихъ жить можно? Мы покорны Судьямъ, да Господамъ; они Губернатору, Губернаторъ Царю — такъ изъ поконъ-вѣку ведется. Глупая голова! какъ некого будетъ слушаться, такъ и дѣла-то дѣлать никто не станетъ. »

— « Что правда, то правда » сказалъ одинъ изъ ямщиковъ; « нашему брату не льзя жить безъ грозы; кабы только прогоны-то были у насъ также по полтинѣ на версту.... »

— « А овесъ по два рубля четверть? Вотъ то-то и есть, ребята, вы зарите-сь на большіе прогоны, а поспрошайте-ка, чего стоятъ за моремъ кор-

мы? Какъ рублей по тридцати четверть, такъ и прогоны не взмилятся! Нѣтъ, Ѳедотушка! гдѣ дорого берутъ, тамъ дорого и платятъ.»

— « Вѣстимо, такъ,» сказалъ извощикъ въ армякѣ. « Да вотъ что, дядя Савельичь, кабы поборовъ-та съ насъ не было?»

— « Эхъ, Ваня, Ваня! Да есть ли земля, гдѣбъ поборовъ не было? Что вы вѣрите этимъ нехристямъ; теперь-то они такъ говорятъ, а дай Бонапарту до насъ добраться, такъ послѣднюю рубаху стащитъ;—да еще заберетъ всѣхъ молодыхъ парней, и ушлетъ ихъ за тридевять земель въ тридесятое Государство.

— « Что ты, дядя Савельичь, насъ морочишь!...» перервалъ съ примѣтной досадою Андрей. « На что ему забирать чужой народъ: у него и своего довольно.»

— « Довольно да не совсѣмъ. Вотъ что, ребятушки, мнѣ разсказывалъ одинъ проѣзжій: этотъ Бонапартъ воюетъ со

всѣми народами; у него что годъ, то наборъ. Своихъ-то всѣхъ перехваталъ въ некруты, такъ и набираетъ гдѣ попало. »

— « И я тоже слышалъ, » сказалъ одинъ пожилой извощикъ. « Вишь какой неугомонный, все таскается съ войскомъ по чужимъ землямъ! Что это, Савельичь, этимъ Хранцузамъ дома не сидится? »

— « Видно, братъ, земля голодная — ѣсть нечего. Кабы не голодъ, такъ чортъ ли кого потащитъ на чужую сторону! а посмотри-ка сколько ихъ къ намъ наѣхало: чутьемъ знаютъ, проклятые, гдѣ хлѣбецъ есть. »

— « Да, они на это куда смѣтливы, » сказалъ одинъ извощикъ въ изорваномъ кафтанѣ; « знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Слышь ты, у насъ все дурно, а все таки къ намъ лѣзутъ! »

— « Да, да! толкуй себѣ! » перервалъ Андрей: « что, чай, у насъ хорошо?... Отъ одной гонки свѣту Божья-

го не взвидишь. Ну, пусть у нихъ кормы дороже, да за то и ѣзда-то какая? А у насъ?... скачи себѣ, сломя голову.»

— « Кой прахъ! » вскричалъ старикъ, « наладилъ одно, да одно! Развѣ дѣды наши не держали почты? Развѣ я самъ не вожу подъ часъ проѣзжихъ? Господи Боже мой! » продолжалъ онъ, вскочивъ съ завалины, « да что ты за ямщикъ, коли десяти верстъ въ часъ не уѣдешь? Эхъ, не прежніе мои годы!... Бывало въ старину: какъ заложишь тройку ухорскихъ, такъ только держись.... пыль столбомъ!... Куды понукать! Бывало, сѣдокъ взмолится, да учнетъ милости просить; такъ нѣтъ! сердце не терпитъ! Далъ роднымъ вздохнуть, да и пошелъ по всѣмъ по тремъ! съ горки на горку!... Эхъ вы, милыя, закатывай, да и только!... Вотъ это ѣзда! А селомъ-то бывало — селомъ!... попридержишь у околицы, а какъ въѣдешь въ улицу: шапку на бокъ, свиснулъ, гаркнулъ, да и слѣдъ про-

стылъ.... и самому весело, и красны дѣвицы удалымъ парнемъ любуются; а васъ, прости Господи, за что и невѣстамъ любить? Какіе вы ямщики? Воловъ бы вамъ гонять, да по клюкву ягоду!»

— «Что ты, дитя? « перервалъ ямщикъ въ армякѣ; « не всѣ въ Андрея: и мы прокатимъ не хуже другаго.»

— «Катай себѣ, катай!» проворчалъ сквозь зубы Андрей; « а я своихъ коней поморить не хочу.»

— «Моренаго морить нечего,» сказалъ старикъ. « Корми ихъ одной соломой, такъ они и безъ ѣзды отощаютъ. То-то братъ, Андрюша! вишь ты и по будиямъ ходишь въ сипемъ кафтанѣ, да въ красномъ кушакѣ. Мы держимся старины: взялъ прогоны, выпилъ на гривнягу, да и будетъ; а ты, такъ нѣтъ, какъ баринъ — наровишь все въ трактиръ: давай чаю, заморской водки, того-сего, всякой лихой болести; а тамъ хвать, хвать, анъ и сѣп-

ца не на что купить. А какъ въ мошнѣ пусто, да и дома-то не густо, такъ по неволѣ дурь полѣзетъ въ голову: теперь ты слушаешь розсказни иноземцевъ, а тамъ пожалуй и на большую дорогу выдешь. Нѣтъ, братъ, Андрей, некому тебя бить: замотался ты. »

— « Да чтожъ ты, Савельичь, взъѣлся въ самомъ дѣлѣ? » сказалъ съ досадою Андрей. « Что ты родной, иль хрестной мнѣ батька что-ль? »

— « Полно, Андрюха, ершиться-то, » перервалъ ямщикъ въ армякѣ. « Савельичь баетъ правду. Вѣстимо, ты мотыга; вотъ ужъ съ мѣсяцъ, какъ взялъ у меня три рубля, а и въ поминѣ о нихъ нѣтъ.... »

— « Такъ чтожъ? — отдамъ. »

— « То-то отдамъ! Я и самъ бы умѣлъ синій кафтанъ носить по буднямъ. Знаемъ мы васъ — отдамъ. »

— « А осьмину-то овса, что у меня занялъ, » примолвилъ пожилой изво-

щикъ, « отдашь ли хоть къ Петрову дню? »

—« А за кушакъ-то когда заплатишь? » закричалъ ямщикъ въ изорваномъ кафтанѣ; « вѣдь ты его купилъ у меня ужъ третій мѣсяцъ. Эй осрамлю, Андрюшка! при всѣхъ въ церкви сниму. »

— « Видно, братъ, Андрюха, » прибавилъ одинъ молодой дѣтина, « Исправникъ-то мало тебя на прошлой недѣлѣ уму-разуму училъ. »

— « Какъ такъ? » спросилъ старикъ.

— « Да такъ! » продолжалъ молодой парень. » Онъ возилъ со мной проѣзжихъ въ Подсолнечное, да и ну тамъ буянить въ трактирѣ; и съ Смотрителемъ-то схватился: — вотъ такъ къ рожѣ и лѣзитъ. На грѣхъ проѣзжалъ Исправникъ; засталъ все, какъ было; да и ну его жаловать изъ своихъ рукъ. Ужъ онъ его маилъ, маилъ.... »

—« Э! э! » вскричалъ ямщикъ въ худомъ кафтанѣ. « Такъ вотъ что, ребята! Вотъ за что онъ на Исправни-

ковъ-то осерчалъ. Эки пострѣлы въ самомъ дѣлѣ! и поозорничать не дадутъ. Нѣтъ, нѣтъ — да и плетью! »

Всѣ ямщики засмѣялись, и пристыженный Андрей не зналъ уже куда дѣваться отъ насмѣшекъ, которыя на него посыпались; какъ вдругъ со стороны Петербурга зазвенѣлъ колокольчикъ.

— « Еще Богъ даетъ проѣзжихъ! » сказалъ ямщикъ въ армякѣ. « Экой разгонъ! »

— « Глядь-ка! « вскричалъ старикъ. « Ну молодецъ! какъ дерётъ!... Знать курьеръ или фельтегарь!... Смотри-ка, смотри! Ай да коренная! Вотъ, братъ, конь!... Пристяжныя насилу постромки уносятъ. »

— « Нѣтъ, дядя Савельичь, » сказалъ одинъ изъ ямщиковъ, « это не курьеръ, да и кони не почтовые.... Ну— такъ и есть! Это Ерёма на своей гнѣдой тройкѣ. Что это такъ его черти несутъ? »

Кибитка, запряженная тройкой ли-

хихъ коней, покрытыхъ пылью и по́томъ, примчалась къ почтовому двору. Въ ней сидѣли двое купцовъ: одинъ лѣтъ семидесяти, и сѣдой, какъ лунь; другой лѣтъ подъ сорокъ, съ свѣтло-русой окладистой бородою. Если не льзя было смотрѣть безъ уваженія на патріархальную физіономію перваго, то и наружность втораго была не менѣе замѣчательна: она принадлежала къ числу тѣхъ, которыя соединяютъ въ себѣ всѣ отдѣльныя черты національнаго характера. Радушіе, природный умъ, досужество, смѣтливость и Русской толкъ отпечатаны были на его выразительномъ и открытомъ лицѣ. Старикъ пошелъ въ избу къ Смотрителю, а товарищь его остался у кибитки.

— « Ну, что, братъ, Ерёма? » спросилъ пріѣхавшаго ямщика старый крестьянинъ, « по добру ли, по здорову? »

— « Богъ грѣхамъ терпитъ, Савельичь! Живемъ по немногу. »

— « Эхъ, какъ у тебя кони-то припотѣли! » сказалъ ямщикъ въ армякѣ; « видно, братъ, больно шибко ѣхалъ?»

— « Да, Ваня, » отвѣчалъ ямщикъ, принимаясь выпрягать лошадей, « взялся на часы, такъ не поѣдешь шагомъ.»

— « А что? за двойные что-ль? »

— « Нѣтъ, братъ! по двадцати копѣекъ на версту, да цѣлковой на водку!... »

— « Знатная работа! Да что они такъ торопятся? »

— « Знать нужда пристигла; спѣшатъ въ Москву. Сѣдой-то больно тоскуетъ: всю дорогу проохалъ. А кто у васъ ѣдетъ? »

— « Да никто, братъ; кромѣ курьерской тройки, ни одной лошади нѣтъ. »

Межъ тѣмъ купецъ, взойдя на почтовый дворъ, подалъ Смотрителю свою подорожную. Взглянувъ на нее и прочтя: « *давать изъ почтовыхъ* » Смотритель, молча, положилъ ее на столъ.

— « Что, батюшка? » сказалъ купецъ, « или лошадей нѣтъ? »

— « Всѣ въ разгонѣ. »

— « Нѣтъ ли вольныхъ? »

— « Нѣтъ. »

— « А попутчиковъ? »

— « Есть четверня, да вотъ Его Благородіе ужъ часа три дожидается. »

— « Ахъ, Боже мой, Боже мой! что мнѣ дѣлать? » вскричалъ отчаяннымъ голосомъ купецъ. « Я готовъ дать все на свѣтѣ, только Бога ради, господинъ Смотритель, отпустите меня скорѣе. »

Смотритель пожалъ плечами и не отвѣчалъ ни слова.

— « Вы кажется, очень торопитесь? » спросилъ Рославлевъ, который не могъ безъ состраданія видѣть горя этого почтеннаго старика.

— « Ахъ, сударь! » отвѣчалъ купецъ, « не подъ лѣта бы мнѣ этакъ скакать; и добробъ я спѣшилъ на радость, а то.... но дѣлать нечего; не мнѣ роп-

тать окаянному грѣшнику.... Его святая воля! » Старикъ закрылъ глаза рукою, и крупныя слезы закапали на его сѣдую бороду.

— « Извините мое любопытство, » сказалъ послѣ короткаго молчанія Рославлевъ, « какой несчастный случай заставляетъ васъ спѣшить въ Москву? »

— « Да, сударь! » отвѣчалъ старикъ, утирая глаза, « подлинно несчастный! Господь посѣтилъ меня на старости. Я былъ по торговымъ дѣламъ въ Твери; въ Москвѣ у меня оставались жена и сынъ, а меньшой былъ вмѣстѣ со мною. Вчера онъ занемогъ горячкою, а сегодня поутру я получилъ письмо отъ прикащика, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что старшаго сына моего разбили лошади, что онъ чуть живъ, а старуха моя со страстей такъ занемогла, что, того и гляди, отдастъ Богу душу. И Докторовъ призывали, и Иверскую подымали, все нѣтъ легче. Третьяго дня ее соборовали масломъ; и если я сего-

дня не поспѣю въ Москву, то навѣрно не застану ее въ живыхъ. Эхъ, сударь! вы молоды, такъ не знаете, каково разставаться съ тѣмъ, съ кѣмъ прожилъ сорокъ лѣтъ душа въ душу. Не тотъ сирота, батюшка, у кого нѣтъ только отца и матери; а тотъ, кто пережилъ и родныхъ и пріятелей, кому словечка не съ кѣмъ о старинѣ перемолвить, кто горемычный, и на своей родинѣ, какъ на чужой сторонѣ. Живой въ могилу не ляжешь, батюшка! Кто знаетъ? Можетъ быть, я еще годовъ десять промаюсь. Съ моей старухой я не вовсе еще былъ сиротою, а теперь.... голубушка ты моя, родная!... хоть бы еще разочикъ на тебя взглянуть, моя сердечная!... »

Рыданія перервали слова несчатнаго старика. До души тронутый Рославлевъ колебался нѣсколько времени; онъ не зналъ, что ему дѣлать. « Рѣшишься ждать новыхъ лошадей и уступить ему своихъ, » скажетъ, можетъ быть, хлад-

покровный читатель; но если онъ былъ когда-нибудь влюбленъ, то вѣрно не обвинитъ Рославлева за минуту молчанія, проведенную имъ въ борьбѣ съ самимъ собою. Наконецъ онъ готовъ уже былъ принести сію жертву, какъ вдругъ ему пришло въ голову, что онъ можетъ предложить старику мѣсто въ своей коляскѣ. « Скажите мнѣ, » спросилъ онъ, « можете ли вы разстаться съ своимъ товарищемъ? »

— « Могу, сударь! Онъ ѣхалъ на перекладныхъ; а какъ на послѣдней станціи была также задержка, то я взялъ его съ собою. »

— « Такъ чего же лучше? Пусть онъ дожидается лошадей, и пріѣдетъ завтра; а вы не хотите ли доѣхать до Москвы вмѣстѣ со мною?

— « Ахъ, мой благодѣтель!... Я не смѣлъ васъ просить объ этомъ; но не стѣсню ли я васъ? »

— « Не безпокойтесь; намъ обоимъ будетъ просторно. »

— « Иванъ Архиповичь ! » сказалъ другой купецъ, войдя въ избу. Всѣ лошади въ разгонѣ ; что будешь дѣлать? ни за какія деньги не льзя найти. Пришлось по неволѣ дожидаться. »

— « Нѣтъ, Андрей Васьяновичь! Вотъ этотъ баринъ, награди его Господь ! изволитъ везти меня, вплоть до самой Москвы, въ своей коляскѣ. »

— « Дай Богъ вамъ здоровье, батюшка ! » сказалъ купецъ поклонясь вѣжливо Рославлеву. « Онъ спѣшитъ въ Москву по самой экстренной надобности, и подлинно вы изволили ему сдѣлать истинное благодѣяніе. Я подожду здѣсь лошадей ; и если не нынче, такъ завтра доставлю вамъ, Иванъ Архиповичь, вашу повозку. Мнѣ помнится, вашъ домъ за Серпуховскими воротами ? »

— « Да, батюшка ! въ переулкѣ, въ приходѣ Вознесенія Господня. Теперь, сударь, » продолжалъ старикъ, обращаясь къ Рославлеву, « я не смѣю васъ просить остановиться у меня.... »

— « Мнѣ и самому было бы нѣкогда къ вамъ заѣхать, » перервалъ Рославлевъ. « Я только что перемѣню лошадей въ Москвѣ. »

— « Но неравно вамъ прилучится проѣзжать опять чрезъ нашу бѣлокаменную, то порадуйте старика, взъѣзжайте прямо ко мнѣ, и если я буду еще живъ.... Да нѣтъ! коли не станетъ моей Мавры Андреевны, такъ Господь Богъ милостивъ.,.. услышитъ мои молитвы и приберетъ меня горемычнаго. »

— « Эхъ, Иванъ Архиповичь! » сказалъ купецъ, « на что заранѣ такъ крушиться? Отчаяніе смертный грѣхъ, батюшка! Почему знать, можетъ быть, и сожительница и сыновья ваши выздоровѣютъ. А если Господь пошлетъ горе, такъ Онъ же дастъ силу и перенести его. А вы покамѣстъ все надежды не теряйте: никто, какъ Богъ. »

Старикъ тяжело вздохнулъ, и скло-

нивъ на грудь свою сѣдую голову, не отвѣчалъ ни слова.

— « Осмѣлюсь спросить, сударь, » сказалъ купецъ послѣ короткаго молчанія: « откуда изволите ѣхать? »

— « Изъ Петербурга. »

— « Изъ Петербурга? А что, сударь, тамъ слышно о войнѣ? »

— « Вѣроятно, Турецкая война скоро будетъ кончена. »

— « Объ этомъ у насъ и въ Москвѣ давно говорятъ. Но есть также слухи, что будто бы Французы.... избави Господи!... »

— « Чтожъ тутъ страшнаго? Развѣ намъ въ первый разъ драться съ Наполеономъ? »

— « Да то, сударь, бывало за границею, а теперь, если правда, что болтаютъ, и Наполеонъ сбирается къ намъ.... помилуй Господи!... Да это не легче будетъ Татарскаго погрома. И за что бы, подумаешь, Французамъ съ нами ссориться? Ихъ ли мы не че-

ствуемъ? Имъ ли не житье, хоть примѣромъ сказать, у насъ въ Москвѣ? Бояръ нашихъ, не погнѣвайтесь, сударь, учатъ они уму-разуму, а нашу братью купцовъ въ грязь затоптали; васъ, господа — не осудите, батюшка! — кругомъ обираютъ, а насъ беззащитныхъ въ разоръ разорили! Ну, какъ бы послѣ этаго имъ не жить съ нами въ ладу?»

— «Но развѣ вы думаете, что съ нами желаютъ драться Французскія модныя торговки и учители? Повѣрьте, они не менѣе вашего боятся войны.»

— «Конечно, батюшка-съ, конечно; только — не взыщите на мою простоту — мнѣ сдается, что и Наполеонъ-та не затѣялъ бы къ намъ идти, еслибъ не думалъ, что его примутъ съ хлѣбомъ, да съ солью. Ну, а какъ ему этого не подумать, когда первые люди въ Россіи, родовые дворяне, только

что, прости Господи! не молятся по-Французски. Спору нѣтъ, батюшка, если дѣло до чего дойдетъ, то благородное Русское дворянство себя покажетъ — постоитъ за матушку святую Русь, и даже ради Кузнецкаго моста Французовъ не помилуетъ; да они-то, проклятые, успѣютъ у насъ накутить въ одинъ мѣсяцъ столько, что и годами не поправить.... Отъ мала до велика, батюшка! Если, на примѣръ, въ овчарнѣ растворятъ ворота и дворовыя собаки станутъ выть по-волчьи, такъ дивиться нечему, когда волкъ забредетъ въ овчарню. Конечно, собаки его задавятъ и хозяинъ дубиною пришибетъ; а все таки, можетъ статься, онъ успѣетъ много овецъ перерѣзать. Такъ не лучше ли бы, сударь, и ворота держать на запорѣ, и собакамъ-та не прикидываться волками; волкъ бы жилъ, да жилъ у себя въ лѣсу, а овцы были бы цѣлы! Не взыщите, батюшка!» примолвилъ купецъ съ низкимъ покло-

номъ; « я вѣдь это такъ, спроста говорю. »

— « Я могу васъ увѣрить, что много есть дворянъ, которые думаютъ почти тоже самое. »

— « Какъ не быть, батюшка! И всѣ такъ станутъ думать, какъ тяжко придетъ; а впрочемъ и теперь, что Бога гнѣвить, есть Русскіе дворяне, которые не совсѣмъ еще объиноземились. Вотъ хоть и ваша милость: — вы не погнушались ѣхать вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, хоть онъ не Французской магазинщикъ, а Русской купецъ; носитъ бороду и прозывается просто Иванъ Сезёмовъ, а не какой-нибудь мусье Чертополохъ. Да вотъ еще вы вѣрно изволили читать: *Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ Силы Андреевича Богатырева*. Книжка не великонька, а куды въ ней много дѣла и, говорятъ, будто бы ее сложилъ какой-то знатной Русской Бояринъ, дай Господи ему много лѣтъ здравствовать! Помнитель,

батюшка, какъ Сила Андреевичь Богатыревъ изволитъ говорить о нашихъ модникахъ и модницахъ: « ихъ-де отечество на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное Парижъ. » И потомъ — « охъ тяжело » прибавляетъ онъ—« дай, « Боже — сто лѣтъ царствовать Госу- « дарю нашему, а жаль дубинки Петра « Великаго — взять бы ее хоть на не- « дѣльку изъ Кунст-Камеры, да выбить « дурь изъ дураковъ и дуръ.... » Не погнѣвайтесь, батюшка, вѣдь это не я, а вашъ братъ, дворянинъ, Русскихъ барынь и господъ такъ честить изволитъ. »

— « Не безпокойтесь! » сказалъ Рославлевъ, « я за дуръ и дураковъ вступаться не стану. Впрочемъ не надобно забывать, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ смѣшно и стыдно чуждаться иностранцевъ. »

— « Кто и говоритъ, батюшка! Чуждаться и носить на рукахъ — два дѣла разныя. Чтобъ намъ не держать-

ся Русской пословицы: *какъ аукнется, такъ и откликнется!*... Какъ насъ въ чужихъ земляхъ принимаютъ, такъ и намъ бы чужеземцевъ принимать!... Ну, да что объ этомъ говорить.... Скажите-ка лучше, батюшка, точно ли правда, что Бонапартій сбирается на насъ войною?»

— «Это еще не рѣшено.»

— «А какъ рѣшится, такъ чтожъ онъ — на Москву что ли пойдетъ?»

— «Можетъ быть. Онъ избалованъ счастіемъ и привыкъ заключать миръ въ столицахъ своихъ непріятелей»

— «Вотъ что! Да чтожъ онъ въ нихъ дѣлаетъ?»

— «Веселится, отдыхаетъ, беретъ съ обывателей контрибуціи, то есть, деньги.»

— «И ему платятъ?»

— «По неволѣ: противъ силы дѣлать нечего.»

— «Какъ нечего? Что вы, сударь! По нашему вотъ какъ. Если дѣло по-

шло на перекоръ, такъ не доставайся мое доброе ни другу, ни недругу. Господи Боже мой! У меня два дома, да три лавки въ Панскомъ ряду, а если Божіимъ попущеніемъ врагъ придетъ въ Москву, такъ я ихъ своей рукой запалю. На вотъ тебѣ! Не хвались же, что моимъ владѣешь! Нѣтъ, батюшка! Русской народъ упрямъ; вели только нашъ Царь-Государь, такъ мы этому Наполеону такую хлѣбъ соль поднесемъ, что онъ, хоть и семи пядей во лбу, а — вотъ-те Христосъ! подавится. »

— « Нѣтъ, это не хвастовство! » подумалъ Рославлевъ, смотря на благородную и исполненную души физіономію купца. « Дай мнѣ свою руку, почтенный гражданинъ! » сказалъ онъ. « Ты истинно Русской, и еслибъ всѣ такъ думали, какъ ты.... »

— « И, сударь! придетъ бѣда, такъ всѣ заговорятъ однимъ голосомъ, и дворяне и простой народъ! То ли еще

бывало въ старину: и триста лѣтъ Татары владѣли землею Русскою, а развѣ мы стали отъ этого сами Татарами? Вѣдь все, въ чемъ насъ упрекаетъ Сила Андреевичь Богатыревъ, прививное, батюшка; а корень-то все Русской. Дремлемъ до поры, до времени; а какъ очпемся, да стрехнемъ съ себя чужую пыль, такъ насъ и не узнаешь! »

— « Угодно вамъ ѣхать, сударь? » сказалъ Егоръ, слуга Рославлева, войдя въ избу. « Лошади готовы. »

Рославлевъ пожалъ еще разъ руку молодому купцу и сѣлъ съ Иваномъ Архиповичемъ въ коляску. Ямщикъ тронулъ лошадей, затянулъ пѣсню, и, когда услышалъ, что купецъ дастъ ему цѣлковый на водку, присвистнулъ и помчался такимъ молодцемъ вдоль улицы, что старой ямщикъ не усидѣлъ на завалинѣ, вскочилъ и закричалъ ему въ слѣдъ: « Ай да Прошка! Вотъ это

понащенски! Лихо!! Эй, ты, закатывай!... »

ГЛАВА VI.

— « Егоръ! »

— « Чего изволите, сударь? »

— « Гдѣжъ поворотъ на лѣво? »

— « А вонъ, сударь, за тѣмъ лѣскомъ. »

— « Не можетъ быть; мы вѣрно проѣхали мимо. »

— « Никакъ нѣтъ, сударь! До поворота версты двѣ еще осталось. »

— « Ты врешь! Вотъ ужъ съ часъ, какъ мы выѣхали съ послѣдней станціи. »

— « Помилуйте, Владиміръ Сергѣевичь! и полчаса не будетъ. »

— « Ты опять пьянъ, бездѣльникъ! »

— « Никакъ нѣтъ, сударь! Въ Москвѣ старикъ купецъ, котораго вы довезли до дому, на радостяхъ, что его женѣ стало лучше, хотѣлъ-было поднести мнѣ чарку водки; да вы такъ изволили спѣшить, что онъ, вмѣсто водки, успѣлъ только сунуть мнѣ полтинникъ въ руку. »

— « А какъ ты смѣлъ взять? Ты знаешь, что я этого терпѣть не могу. »

— « Воля ваша, сударь! нѣкогда было спорить: вы такъ изволили торопиться. »

— « Эй, ямщикъ! да полно знаешь ли ты дорогу въ село Утѣшино? »

— « Какъ не знать, ваша милость. Я не разъ важивалъ Прасковью Степановну Лидину въ городъ. Ну ты, одеръ! посматривай по сторонамъ-то. »

— « Мнѣ помнится, что поворотъ съ большой дороги былъ на восьмой верстѣ отъ станціи. »

— « Да, баринъ; да восьмая-то верста вонъ за этимъ лѣсомъ. — Ей вы милыя!... »

Рославлевъ замолчалъ. Минутъ черезъ пять березовая роща осталась у нихъ назади; коляска своротила съ большой дороги на проселочную, которая шла посреди полей, засѣянныхъ хлѣбомъ; съ права и съ лѣва мелькали небольшіе лѣсочки и отдѣльныя группы деревьевъ; вдали чернѣлась густая дубовая роща, изъ-за которой подымались высокія деревянныя хоромы, построенныя еще дѣдомъ Полины, храбрымъ Секундъ-Маіоромъ Лидинымъ, убитымъ при штурмѣ Измаила. Подъѣхавъ къ крутому спуску, извощикъ остановилъ лошадей и слѣзъ съ козелъ, чтобъ подтормозить колеса.—«Посмотрите-ка, сударь!» сказалъ Егоръ: никакъ это идетъ по дорогѣ дурочка Ѳедора?... Ну такъ и есть — она! »

Крестьянская дѣвка, лѣтъ двадцати пяти, въ изорванномъ сарафанѣ, съ рас-

пущенными волосами и босикомъ, шла къ нимъ на встрѣчу. Длинное, худощавое лице ея, до того загорѣло, что казалось почти чернымъ; свѣтлосѣрые глаза сверкали какимъ-то дикимъ огнемъ; она озиралась и посматривала во всѣ стороны съ безпокойствомъ; то шла скоро, то останавливалась, разговаривала потихоньку сама съ собою, и вдругъ начала хохотать, такъ громко и такимъ отвратительнымъ образомъ, что Егоръ вздрогнулъ и сказалъ съ примѣтнымъ ужасомъ: « Ну, встрѣча! чортъ бы ее побралъ!... Терпѣть не могу этой дуры.... Помните, сударь! у насъ въ селѣ жила полоумная Аксинья? Та вовсе была нестрашна; все, бывало, поетъ пѣсни, да пляшетъ; а эта, безумная, по ночамъ бродитъ по кладбищу, а днемъ только и рѣчей, что о похоронахъ, да о покойникахъ.... Да и сама-та, ни дать, ни взять мертвецъ: только что не въ саванѣ. »

Межъ тѣмъ полоумная, поровняв-

шись съ коляской, остановилась, захохотала во все горло и сказала охриплымъ голосомъ: « Здравствуй, Баринъ! »

— « Здравствуй, Ѳедорушка! Куда идешь? »

— « Вѣстимо куда — на похороны. А ты куда ѣдешь? »

— « Въ Утѣшино. »

— « Ой ли? Да развѣ барышня-то ужъ умерла? »

— « Что ты врешь, дура? » закричалъ Егоръ.

— « Смотри, не дерись! » сказала полоумная; « а не то вѣдь я сама камнемъ хвачу. »

— « А давно ли ты видѣла барышню? » спросилъ Рославлевъ.

— « Барышню?... какую?... невѣсту-та чтоль твою? »

— « Да, Ѳедорушка! »

— « Аномнясь, на барскомъ дворѣ, она дала мнѣ краюшку хлѣба, да такой бѣлой, словно просвира. »

— « Ну что ?... Она здорова ? »

— « Нѣтъ, слава Богу, худа: скоро умретъ. То-то наѣмся кутьи на ея похоронахъ ! »

— « Какъ ?... Она больна ?... »

— « Эхъ, сударь! » перервалъ Егоръ— « что вы ее слушаете ? Она весь свѣтъ хоронитъ. »

— « Погоди, голубчикъ ! и ты протянешься. »

— Типунъ бы тебѣ на языкъ, вѣдьма !... Эко воронье пугало! Надъ тобой бы и треслось, проклятая ! Ну что зѣваешь ? Пошолъ ! »

Коляска двинулась подъ гору, а сумасшедшая пошла по дорогѣ и запѣла во все горло: « со святыми упокой ! »

Проѣхавъ версты двѣ большой рысью, они поровнялись съ мѣлкимъ сосновымъ лѣсомъ. Въ близкомъ разстояніи отъ большой дороги послышались охотничьи рога; вдругъ изъ-за лѣса показался одинъ охотникъ, одѣтый Черкесомъ, за нимъ другой, и вскорѣ человѣкъ

двадцать верховыхъ, окруженныхъ множествомъ борзыхъ собакъ, выѣхали на опушку лѣса. Впереди всѣхъ, въ провожаніи двухъ стремянныхъ, ѣхалъ на сѣромъ горскомъ конѣ толстый баринъ, въ полевомъ кафтанѣ изъ чернаго бархата, съ огромными корольковыми пуговицами; на шелковомъ Персидскомъ кушакѣ, которымъ онъ былъ подпоясанъ, висѣлъ небольшой охотничій ножъ, въ дорогой Турецкой оправѣ. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ высокой и худощавый человѣкъ, въ зеленомъ сюртукѣ, подпоясанный также кушакомъ, за которымъ заткнутъ былъ широкой Черкесской кинжалъ. Въ слѣдъ за охотниками выѣхали изъ лѣса, окруженные стаею гончихъ, человѣкъ десять ловчихъ, доѣзжачихъ и псарей. Когда коляска поровнялась съ охотою, толстый баринъ приостановилъ свою лошадь и закричалъ: « Что это? Ба, ба, ба! Рославлевъ! Стой, стой! »

Ямщикъ остановилъ лошадей.

— « А! это вы, Николай Степановичь? » сказалъ Рославлевъ.

— « Милости просимъ, будущій племянникъ! Здорово, моя душа! Ну, мы сего дня тебя не ожидали! Да вылѣзай, братъ, изъ коляски. »

— « Извините, я спѣшу!... »

— « Въ Утѣшино? Не безпокойся: ты тамъ не найдешь своей невѣсты. »

— « Ахъ, Боже мой! ... гдѣжъ она? »

— « Христосъ съ тобой!... что ты испугался? Всѣ, слава Богу, здоровы. Онѣ поѣхали въ городъ съ визитомъ — вотъ къ его женѣ. »

— « Здравствуйте, Владиміръ Сергѣевичь! » сказалъ худощавый старикъ въ зеленомъ сюртукѣ. « На силу мы васъ дождались! »

— « Такъ я проѣду прямо въ городъ. »

— « Хуже, братъ! какъ разъ разъѣдитесь. Онѣ часа черезъ полтора сюда будутъ. Я угощаю ихъ охотничьимъ

обѣдомъ здѣсь въ лѣсу, на чистомъ воздухѣ. Да вылѣзай же! »

Рославлевъ выпрыгнулъ изъ коляски. « Ну, здравствуй еще разъ, любезный женихъ! » сказалъ Николай Степановичь Ижорской, пожимая руку Рославлева. « Знаешь ли что? Пока еще наши Барыни не пріѣхали, мы успѣемъ двухъ, трехъ русаковъ затравить. Ей, Терешка! долой съ лошади! »

Одинъ изъ стремянныхъ слѣзъ съ лошади и подвелъ ее Рославлеву. »

— « Садись-ка, братъ! » продолжалъ Ижорской; а вы съ коляскою ступайте въ Утѣшино. »

Рославлеву вовсе не хотѣлось травить зайцевъ: но дѣлать было нечего: онъ зналъ, что дядя его невѣсты человѣкъ упрямый и любитъ дѣлать все по своему.

— « Ну, братъ! » сказалъ Ижорской, когда Рославлевъ сѣлъ на лошадь, « смотри—держись крѣпче: конь Черкесской, настоящій Шалохъ. Прошлаго

года мнѣ его привели прямо съ Кавказа: — звѣрь, а не лошадь! Да ты старый Кавалеристъ, такъ со всякимъ чортомъ сладишь. Ей, Шурловъ! кинь гончихъ вонъ въ тотъ островъ; а вы, дурачье, ступайте на всѣ лазы; ты, Заливной, стань у той перемычки, что къ песочному оврагу. Да чуръ не зѣвать! Поставьте прямо на насъ милаго дружка, чтобы было чѣмъ потѣшить пріѣзжаго гостя.»

— «Ужъ не извольте опасаться, батюшка!» сказалъ Шурловъ, посѣдѣвшій въ отъѣзжихъ поляхъ ловчій, который имѣлъ изключительное право говорить, и даже иногда перебраниваться съ своимъ бариномъ. «У насъ косой не отвертится — поставимъ прямехонько на васъ; извольте только стать вонъ къ этому отъемному острову.»

— «Ну то-то же, Шурловъ, не ударь лицемъ въ грязь.»

— «Помилуйте, сударь! да если я

не потѣшу Владиміра Сергѣевича, такъ не прикажите меня цѣлой мѣсяцъ къ корыту подпускать.. Смотрите, молодцы! держать ухо востро! Сбирай стаю. Да всѣ ли довалились?... Гдѣ Гаркало и Будило? Ну чтожъ зѣваешь, Андрей, — подай въ рогъ. Ванька! возьми своего полвапѣгова-то кобеля на свору; вижь, какъ онъ избаловался — все опушничаетъ. Ну, ребята, съ Богомъ! » прибавилъ ловчій, снявъ картузъ и перекрестясь съ набожнымъ видомъ, — « въ добрый часъ! Забирай лѣвѣе! »

Въ одну минуту охотники разъѣхались по разнымъ сторонамъ; а псари, съ стаею гончихъ, отправились прямо къ небольшому лѣску, поросшему низкимъ кустарникомъ.

— « Терешка! » сказалъ Ижорской стремянному, который отдалъ свою лошадь Рославлеву, » ступай въ липовую рощу, посмотри, раскинутъ ли шатеръ и пришла ли роговая музыка; да ска-

жи, чтобъ чрезъ часъ обѣдъ былъ готовъ. Ну, любезные! » продолжалъ онъ, обращаясь къ Рославлеву, « не думалъ я сегодня заполевать такого звѣря. Вчера Олинька раскладывала карты и все выходило, что ты прежде недѣли не будешь. Какъ онѣ обрадуются! »

— « Да точно ли онѣ сюда пріѣдутъ? »

— « Экой ты, братецъ! ужъ я сказалъ тебѣ, что онѣ обѣдаютъ здѣсь, вонъ въ этой рощѣ. Да не отставай, Ильменевъ! Что ты? иль въ стремянные ко мнѣ хочешь? »

— « Лошадёнка то устала, батюшка, Николай Степановичь! » отвѣчалъ господинъ въ зеленомъ сюртукѣ.

— « Молчи, братъ! будешь съ лошадью. Я велѣлъ для тебя выѣздить чалаго Донца, знаешь, что въ каретѣ подъ рукой ходитъ? »

— « Охъ, боекъ, отецъ мой! Не по мнѣ: какъ разъ слечу на земь! »

— « И полно, братецъ, вздоръ! Не къ верху полетишь! Да тебѣ же не въ диковинку, » прибавилъ Ижорской, толкнувъ локтемъ Рославлева. « Ты и съ мѣста слетѣлъ, да не ушибся! »

— « Какъ, Прохоръ Кондратьевичь? » спросилъ Рославлевъ; « такъ не вы ужъ Городничимъ въ нашемъ городѣ? »

— « Да, сударь! злые люди обнесли меня передъ начальствомъ. »

— « Разспроси-ка, какую онъ терпитъ напраслину, » сказалъ Ижорской, мигнувъ потихоньку Рославлеву. « Поклепали малаго, будто бы онъ грамотѣ не знаетъ. »

— « Неужели? »

— « Не грамоты, батюшка, — имя-то свое мы подчеркнемъ не хуже другихъ-прочихъ; а вотъ въ чемъ дѣло: съ мѣсяцъ тому назадъ, наслали ко мнѣ указъ изъ Губернскаго Правленія, чтобъ я донесъ, сколько квадратныхъ саженей въ нашей площади. Я было хотѣлъ посовѣтоваться съ уѣзднымъ Стряпчимъ:

человѣкъ онъ ученой, изъ Семинаристовъ; но на ту пору онъ уѣхалъ производить слѣдствіе. Вотъ, я подумалъ, подумалъ, да и отрепортовалъ, что у меня въ городѣ квадратной сажени не имѣется, и чтобъ благоволили мнѣ изъ Губерніи доставить образцовую. Чтожъ, сударь? Ждать, пождать, слышу — нашъ Губернаторъ и рветъ и мечетъ! И неучь то я, и безграмотной — и какъ дискать быть Городничимъ такому невѣждѣ: а помилуйте! какое я сдѣлалъ невѣжество?... Вдругъ на прошлой недѣлѣ брякъ указъ, — я отставленъ; а на мое мѣсто какой-то Нѣмецкой Фонъ. А такъ какъ онъ еще не прибылъ, такъ сдать мнѣ должность старшему Приставу. Что дѣлать, батюшка? Плетью обуха не перешибешь! »

— « И васъ за одно это отставили? » спросилъ Рославлевъ.

— « Да, сударь! Вотъ такъ-то всегда бываетъ: прикажутъ безъ толку, а тамъ

нашъ братъ подчиненный и отвѣчай. Безъ вины виноватъ! »

— « Жаль, что нашъ Губернаторъ поторопился васъ отставить. Если вы не знали, что такое квадратная сажень, за то не знали также, какъ берутъ взятки съ обывателей. »

— « Видитъ Богъ, нѣтъ, батюшка! И ко мнѣ, случалось, забѣгали съ кулечками: кто голову сахару, кто фунтикъ чаю; да я, бывало, такъ турну со двора, что на силу ноги унесутъ.

— « Впрочемъ, охота намъ горевать, Прохоръ Кондратьевичъ! Вы жили неслужбою: у насъ есть собственное состояніе. »

— « Конечно: есть посильное мѣсто, сударь! Съ голоду не умремъ. Да вѣдь я служилъ изъ чести, Владиміръ Сергѣевичъ! Что ни говори, а Городничій у себя въ городѣ велико дѣло. Бывало, идешь гоголемъ по улицѣ, побрякиваешь себѣ шпорами, да постукиваешь саблею; кто ни попался: шапку долой,

да въ поясъ! А въ табельные-то дни, батюшка! пріѣдешь въ соборъ — у дверей встрѣчаетъ Частный Приставъ, народъ разступается; идешь по церкви баринъ бариномъ! Становишься впереди всѣхъ, у самаго амвона, къ кресту подходишь первый.... а теперь?,.. Ну, да дѣлать нечего, — была и намъ честь.»

— « А какъ пріѣдетъ, бывало, въ городъ Губернаторъ?» спросилъ съ улыбкою Рославлевъ.

— « Ну, конечно, батюшка! подъ часъ напляшешься. Не только Губернаторъ, и слуги-то его начнутъ тебя пырять, да гонять изъ угла въ уголъ, какъ лягавую собаку. Чегобъ не потребовали къ Его Превосходительству, хоть птичьяго молока, чтобъ тутъ же родилось и выросло. Бывало, съ ногъ собьютъ, разбойники! А какъ еще, на бѣду, Губернаторъ пріѣдетъ съ супругою.... ну! совсѣмъ молодца замотаютъ! Хоть вовсе спать не ложись!»

— «Вотъ то-то же, братецъ! Я слы-

шалъ, что Губернаторъ объѣзжаетъ Губернію: теперь тебѣ и горюшка мало; а онъ вѣрно въ будущемъ мѣсяцѣ заѣдетъ въ нашъ городъ и у меня будетъ въ гостяхъ,» примолвилъ съ примѣтной важностію Ижорской. « Онъ много наслышался о моей больницѣ, о моемъ конскомъ заводѣ и о прочихъ другихъ заведеніяхъ. Ну, чтожъ? Праздниковъ давать не станемъ, а запросто, милости просимъ! »

Въ продолженіи этого разговора, они проѣхали съ полверсты полемъ и остановились подлѣ частаго кустарника. Съ одной стороны онъ отдѣлялся отъ лѣса узкой поляною, а съ другой былъ окруженъ обширными лугами, которые спускались пологимъ скатомъ до небольшой, но отмѣнно быстрой рѣчки; по ту сторону оной начинались возвышенныя мѣста, и по крутому косогору изгибалась большая дорога, ведущая въ городъ. Прямо противъ нихъ не было никакой переправы; но внизъ по теченію рѣки,

версты полторы отъ того мѣста, гдѣ они остановились, перекинутъ былъ чрезъ нее бревенчатый и узкой мостикъ безъ перилъ.

Прошло нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи. Ижорской не спускалъ глазъ съ мѣлкаго лѣса, въ который кинули гончихъ. Ильменевъ, боясь развлечь его вниманіе, едва смѣлъ переводить духъ; стремянный стоялъ неподвижно, какъ истуканъ; одинъ Рославлевъ повертывалъ часто свою лошадь, чтобъ посмотрѣть на большую дорогу. Онъ рѣшился наконецъ перервать молчаніе и спросилъ Ижорскаго: здоровъ ли ихъ сосѣдъ, Ѳедоръ Андреевичь Сурской?

— « Здоровъ, братецъ! » отвѣчалъ Ижорской; « что ему дѣлается?... Постой-ка?... Слышишь?... Никакъ тяфкнула?... Нѣтъ, нѣтъ!.. Онъ будетъ сюда съ нашими барынями... Чудакъ!.. повѣришь ли? не могу его уговорить поохотиться со мною!.,. Бродитъ пѣшкомъ, да ѣздитъ верхомъ по своимъ

нолямъ, какъ будто бы некому, кромѣ его, присмотрѣть за работою; а ужъ читаетъ, читаетъ!...»

— « Съ утра до вечера, батюшка!» перервалъ Ильменевъ. « Какъ это ему не надоѣстъ, подумаешь? Третьяго дня я заѣхалъ къ нему.... Господи Боже мой! и на столѣ-то, и на окнахъ, и на стульяхъ — все книги! И охота же, подумаешь, жить чужимъ умомъ? Человѣкъ, кажется, неглупый, а—повѣритель? зарылся по уши въ эту дрянь!...»

— « Слышишь, Владиміръ?» сказалъ Ижорской. « Вотъ умной-то малый! Книги дрянь! Ахъ, ты безграмотный!... Посмотри-ка, сколько у меня этой дряни! »

— « Помилуйте, батюшка! да у васъ дѣло другое — за стеклышкомъ, книга къ книгѣ, такъ онѣ и красу дѣлаютъ!»

— « Да, братъ, на мою библіотеку нолюбоваться можно.»

— « И вы, сударь, иногда отъ бездѣлья книжку возьмете; да вы человѣкъ

разсудительный: прочли страничку, другую, и будетъ; а вѣдь онъ мѣры не знаетъ. Недѣли двѣ тому назадъ....»

— « Молчи-ка, братъ!.. Чу! никакъ добираются?.. такъ и есть!.. Натекли!.. Ого-го! какъ приняли!.. Ну! свалились!.. пошла писать!.. помчали!..»

— « Никакъ по горячему слѣду, батюшка?»

— « Нѣтъ, братецъ! иль не слышишь? по зрячему... Владиміръ, смотри, смотри!... Да не туда, куда ты смотришь. Рославлевъ! что ты, братецъ?»

Но Рославлевъ не видѣлъ и не слышалъ ничего. Вдали за рѣчкой показался на большой дорогѣ лондо, заложенный шестью лошадьми.

— « Вотъ онъ, вотъ онъ!» закричалъ въ полголоса Ижорской.

— « Да, это онъ!» повторилъ Рославлевъ, узнавъ экипажъ Лидиной.

— « О-о-ту его!..» затянулъ протяжнымъ голосомъ стремянный, показывая собакамъ русака, который отдѣлился отъ лѣса.

— « Береги, Рославлевъ, береги! закричалъ Ижорской. «Вотъ онъ!.. О-ту его!.. Постой, братецъ! Куда ты, пострѣлъ? Постой!.. Не туда, не туда!..»

Но Рославлевъ былъ уже далеко. Онъ пустился, какъ изъ лука стрѣла, внизъ по теченію рѣки; собаки Ижорскаго бросились въ слѣдъ за нимъ; другіе охотники были далеко, и заяцъ началъ преспокойно пробираться лугами къ большому лѣсу, который былъ у нихъ позади. Ижорской бѣсился, кричалъ; но вскорѣ крикъ его заглушили отчаянные вопли ловчаго Шурлова, который, выскакавъ въ слѣдъ за гончими изъ *острова*, увидѣлъ эту непростительную ошибку. Онъ рвалъ на себѣ волосы, выл, ревѣлъ, осыпалъ проклятіями Рославлева; какъ полоумный пустился скакать по полю за зайцемъ, наскакалъ на пенекъ, перекувырнулся вмѣстѣ съ своею лошадью, и лежа на землѣ, продолжалъ кричать: «О-ту его — о-ту! береги, береги!...»

Межъ тѣмъ Рославлевъ въ нѣсколько минутъ доскакалъ на своемъ Черкескомъ конѣ до рѣки. Ахъ! какъ билось сердце влюбленнаго жениха! Казалось, оно готово было вырваться изъ груди его!.. Такъ, это онѣ!... онѣ ѣдутъ шибкой рысью по крутому противоположному берегу. Рославлевъ поровнялся съ ними, его узнали, ему кричатъ; но онъ видитъ одну Полину... Вотъ она!..Бѣлый платокъ ея развѣвается по воздуху. О! еслибъ лошадь его имѣла крылья, еслибъ онъ могъ перескочить чрезъ эту несносную рѣку, которая какъ будтобъ радуясь, что раздѣляетъ двухъ любовниковъ, крутилась, бушевала и, покрытая пѣной, мчалась между крутыхъ береговъ своихъ. Рославлевъ хочетъ ѣхать берегомъ; но обширное болото перерѣзываетъ ему дорогу. Чтобъ добраться до моста, ему надобно сдѣлать большой объѣздъ лѣсомъ. Онъ понукаетъ свою лошадь, продирается сквозь частой кустарникъ, перепрыгиваетъ черезъ колоды и пеньки,

летитъ и — вотъ онъ опять въ полѣ, опять видитъ въ дали карету, которая, спустясь съ крутаго берега, взъѣхала на узкой мостъ. Кто-то въ бѣломъ платьѣ высунулся до половины изъ окна и смотритъ ему на встрѣчу.... Это вѣрно Полина. Вдругъ дверцы растворились, раздался громкой крикъ, бѣлое платье мелькнуло по воздуху, вода разступилась, закипѣла — и все исчезло. «Боже мой! ...» Рославлевъ ахнулъ, сердце его перестало биться, въ глазахъ потемнѣло; онъ не видѣлъ даже, что въ слѣдъ за бѣлымъ платьемъ какой-то мущина бросился въ воду. Почти безъ чувствъ примчался онъ къ берегу рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ, стѣсняемая двумя островами, текла съ необычайной быстротою. Мущина, пожилыхъ лѣтъ, употреблялъ почти нечеловѣческія усилія, чтобъ отплыть отъ берега, къ которому его прибило быстрымъ теченіемъ; шагахъ въ двадцати отъ него, то показывалось по верхъ воды, то изчезало бѣлое платье.

Рославлевъ на всемъ скаку бросился въ воду. Черкеской конь, привыкшій переплывать горные потоки, съ перваго размаха вынесъ его на средину рѣки; онъ повернулъ его по теченію, но не успѣлъ бы спасти погибающую, еслибъ, къ счастію, ей не удалось схватиться за одинъ кустъ, ростущій на небольшомъ островѣ, вокругъ котораго вода кипѣла и крутилась ужаснымъ образомъ. Въ ту самую минуту, какъ она, совершенно обезсилѣвъ, переставала уже держаться за сучья, Рославлевъ успѣлъ обхватить ее рукою и выплыть вмѣстѣ съ нею на берегъ. Онъ соскочилъ съ лошади, бережно опустилъ ее на траву, и тутъ только увидѣлъ, что спасъ не свою невѣсту, а сестру ея Олиньку. «Это вы?..» сказала она слабымъ голосомъ. «Это ты... избавитель мой?..» повторила она, обвивъ руками его шею; но вдругъ глаза ея закрылись, и она безъ чувствъ упала на грудь Рославлева.

ГЛАВА VII.

Въ началѣ Іюля мѣсяца, спустя нѣсколько недѣль послѣ несчастнаго случая, описаннаго нами въ предъидущей главѣ, часу въ седьмомъ послѣ обѣда, Прасковья Степановна Лидина, братъ ея Ижорской, Рославлевъ и Сурской сидѣли вокругъ постели, на которой лежала больная Олинька; нѣсколько поодаль сидѣлъ Ильменевъ, а у самаго изголовья постели стояла Полина и домовой Лѣкарь Ижорскаго, къ которому Лидина не имѣла вовсе вѣры, потому что онъ былъ Русской и учился не за моремъ, а въ Московской Академіи. Онъ держалъ за руку больную, и хотя не говорилъ еще ни слова, но не трудно было отгадать по его веселому и довольному лицу, что опасность миновалась. «Поздравляю васъ, сударыня!» сказалъ онъ наконецъ, обращаясь къ Лидиной;

« жару вовсе нѣтъ, пульсъ спокойный — ровный. Ольга Николаевна совершенно здорова, и только одна слабость.... но это въ нѣсколько дней совсѣмъ пройдетъ. »

— « Точно ли вы увѣрены въ этомъ? » спросила недовѣрчиво Лидина.

— « Да, сударыня, и такъ увѣренъ, что прошу васъ приказать убрать всѣ эти лѣкарства: теперь Ольгѣ Николаевнѣ нужны только покой и умѣренность въ пищѣ. »

— « Умѣренность въ пищѣ!... Да она ничего не ѣстъ, сударь! »

— « Не безпокойтесь! будетъ кушать. А вамъ, сударына! » продолжалъ лѣкарь, относясь къ Полинѣ, « я совѣтовалъ бы отдохнуть и подышать чистымъ воздухомъ. Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ вы не выходите изъ комнаты вашей сестрицы. Вы ужасно похудѣли; посмотрите: вы блѣднѣе нашей больной. »

— « Это правда, » перервала Лидина, « она такъ измучилась, chère enfant!

Представьте себѣ: бѣдняжка, почти всѣ ночи не спала!.,. Да, да! mon ange! ты никогда не бережешь себя. Помнишь ли, когда мы были въ Парижѣ, и я занемогла? Хотя опасности никакой не было.... Да, братецъ! тамъ не такъ, какъ у васъ въ Россіи: тамъ нѣтъ болѣзни, которой бы не вылѣчили....»

— « Видно отъ того-то въ Парижѣ такъ много и жителей,» сказалъ, шутя, Ѳедоръ Андреевичь Сурской.

— « И, полно, сестра! » подхватилъ Ижорской; « да развѣ въ Парижѣ никто не умираетъ?»

— « Конечно умираютъ; но только тогда, когда уже нѣтъ никакихъ средствъ вылѣчить больнаго.»

— « Извините!» сказалъ Лѣкарь; «мнѣ надобно ѣхать въ городъ; я ворочусь сегодня же домой.»

Когда онъ вышелъ изъ комнаты, Лидина спросила Олиньку: « Точно ли она чувствуетъ себя лучше?»

— « Да, маминька!» отвѣчала тихимъ

голосомъ больная; « я чувствую только какую-то усталость.»

— « Вы еще слабы,» сказалъ Сурской: « и это очень натурально, послѣ такого сильнаго потрясенія....»

— « Да, любезный!» перервалъ Ижорской. «насъ всѣхъ перетряхнуло порядкомъ; и меня со страстей въ лихорадку бросило. Боже мой! вспомнить не могу!... Дуракъ Сенька прибѣжалъ ко мнѣ какъ шальной, и сказалъ, что Олинька упала съ моста, что ты, Сурской, вытаскивая ее изъ воды, пошелъ ко дну, и что Рославлевъ, стараясь васъ спасти обоихъ, утонулъ съ вами вмѣстѣ. Не знаю, какъ я усидѣлъ на лошади!... Ну, вотъ, проту загадывать впередъ! Охота, обѣдъ, музыка, всѣ мои затѣи пошли къ чорту. А я такъ радовался, что задамъ вамъ сюрпризъ: вы лишь только бы въ палатку, а женихъ и тутъ!... Роговая музыка грянула бы: *желанья наши совершились*; а тамъ новую увертюру изъ Діанина древа! И чтожъ? Вмѣсто этого

всего, русакъ ушолъ, Шурловъ вывихнулъ ногу, и Олинька чуть, чуть не утонула.... Экой выдался денекъ!»

— «Я вамъ докладывалъ, Николай Степановичь!» сказалъ Ильменевъ, «что поле будетъ незадачное. Извольте-ка припомнить: лишь только мы выѣхали изъ околицы, такъ намъ и пырь въ глаза батька Василій; а вѣдь, извѣстное дѣло, какъ съ Попомъ повстрѣчаешься, такъ не жди ни въ чемъ удачи.»

— «Полно врать, братецъ! Все это глупыя примѣты. Ну что имѣетъ общаго Попъ съ охотою? Конечно, и я не люблю, когда тринадцать сидятъ за столомъ; да это другое дѣло. Три раза въ моей жизни случалось, что изъ этихъ тринадцати человѣкъ, кто черезъ годъ, кто черезъ два, кто черезъ три, а непремѣнно умретъ; такъ тутъ по неволѣ станешь вѣрить,»

— «Въ самомъ дѣлѣ,» сказалъ улыбаясь Сурской, «это странно! И всѣ эти умирающіе были люди молодые?»

— «Ну, нѣтъ! Одинъ-то былъ ужъ лѣтъ семидесяти — такой старикъ здоровый! Вдругъ свернуло, году не прожилъ послѣ обѣда, на которомъ онъ былъ тринадцатымъ.»

— «А я такъ думаю,» сказала Лидина, «что это несчастіе случилось отъ того, что у васъ въ Россіи нѣтъ ничего порядочнаго: дороги скверныя, а мосты!... Dieu! quelle abomination! Еслибъ вы были во Франціи и посмотрѣли....»

— «Полно, сестра! Что, развѣ мостъ подломился подъ вашей каретою? Прошу не погнѣваться: — мостъ славной и строенъ по моему рисунку; а вотъ, еслибъ въ твоей Парижской каретѣ дверцы притворялись плотнѣе, такъ дѣло-то было бы лучше. Нѣтъ, матушка, я увѣренъ, что нашъ губернаторъ полюбуется на этотъ мостикъ.... Да кстати! Меня увѣдомляютъ, что онъ завтра пріѣдетъ въ нашъ городъ; слѣдовательно, послѣ завтра будетъ у меня обѣдать.»

— «Палагея Николаевна!» сказалъ

Сурской, «лѣкарь говорилъ правду: вы такъ давно живете затворницей, что можете легко и сами занемочь. Время прекрасное, чтобъ вамъ не погулять?»

— « А онъ пойдетъ вмѣстѣ съ тобою.» шепнула Олинька. « Вѣдь вы еще не успѣли двухъ словъ сказать другу другу.»

— « Поди, мой Ангелъ!» сказала Лидина. «Владиміръ Сергѣевичь, ступайте съ нею въ садъ.»

— «Ну чтожъ ты задумалась, племянница?» закричалъ Ижорской. «Полно, матушка, ступай! Вѣдь смерть самой хочется погулять съ женихомъ. Охъ вы, барышни! А ты что смотришь, Владиміръ? Подъ руку ее, да и маршъ!»

— «Возьми, мой другъ! съ собой зонтикъ, « сказала Лидина Полинѣ, которая рѣшилась наконецъ оставить на нѣсколько времени больную. «Вотъ тотъ, что я купила тебѣ — помнишь, въ Палѣ-Роялѣ? Онъ больше другихъ, и лучше закроетъ тебя отъ солнца.»,

— Знаешь ли, сестра! примолвилъ въ

полголоса Ижорской, смотря въ слѣдъ за Рославлевымъ, который вышелъ вмѣстѣ съ Полиною, «знаешь ли, кто больше всѣхъ пострадалъ отъ этого несчастнаго случая? Вѣдь это онъ! Свадьба была назначена на прошлой недѣлѣ, а бѣдняжка Владиміръ, только сегодня въ первый разъ поговоритъ на свободѣ съ своей невѣстою. Не въ добрый часъ онъ выѣхалъ изъ Питера!»

— «Мнѣ нельзя согласиться съ вами, дядюшка!» сказала больная. «Еслибъ онъ выѣхалъ однимъ часомъ позже изъ Петербурга, то, вѣроятно, меня не было бы на свѣтѣ.»

— «Да! онъ подоспѣлъ въ пору.»

— «Такъ въ самомъ дѣлѣ,» спросила Лидина, «онъ одинъ спасъ Олиньку? »

— «А съ нею и меня,» отвѣчалъ Сурской, «судя потому, какъ трудно мнѣ было одному выбраться на берегъ. Нѣтъ сомнѣнія, что я не спасъ бы Ольгу Николаевну, а утонулъ бы съ нею вмѣстѣ.»

— «Добрый Рославлевъ!... Я, право,

люблю его, какъ роднаго сына,» примолвила Лидина. «Одно мнѣ только въ немъ неправится: этотъ несносный патріотизмъ; — и не странно ли видѣть, что человѣкъ образованный, сходитъ съ ума отъ всего Русскаго?... comme c'est ridicule! Скажите мнѣ, Monsieur Сурской, d'où vient cela? Онъ, кажется, хорошо воспитанъ?»

— «Да, сударыня!» отвѣчалъ съ улыбкою Сурской; «онъ очень хорошо воспитанъ; а если имѣетъ слабость любить Россію, такъ это вѣроятно потому, что онъ не Французъ.»

— «Да не вовсе и Русской, братецъ!» подхватилъ Ижорской. «Вы оба съ нимъ порядкомъ объиноземились. Я самъ, благодаря Бога, не невѣжда, и знаю кой-что, а не стану вопить, какъ вопите вы и ваша заморская челядь, противъ нашей дворянской роскоши. Нѣтъ, братецъ! не походите вы оба на Русскихъ бояръ. Ты любезный, зарылся въ книги какъ Профессоръ, живешь какимъ-

то философомъ; да и Владиміръ не лучше тебя. Ну, повѣришь ли, сестра, какъ я ему сказалъ, что у меня безъ малаго четыреста душъ дворовыхъ, такъ онъ ахнулъ?... «Ахъ, батюшки! четыреста душъ!... Помилуйте! вѣдь они ничего не дѣлаютъ, а только даромъ хлѣбъ ѣдятъ.» — Какъ ничего? а развѣ меня не тѣшутъ?—«Да на что вамъ такая орава?» — Вотъ забавно! Стану я считать, сколько у меня людей! Что я Нѣмецкой Баронъ чтоль какой нибудь? Нѣтъ, сударь! я Русской столбовой дворянинъ, и прошу не погнѣваться, колокольчика къ моимъ дверямъ привѣшивать не стану. »

— « Подлинно, сударь, вы столбовой Русской Бояринъ! » сказалъ Ильменевъ, взглянувъ съ подобострастіемъ на Ижорскаго. « Чего у васъ нѣтъ! Гости ли наѣдутъ — на сто человѣкъ готовы постели; грунтовой сарай на цѣлой десятинѣ; оранжереямъ конца нѣтъ; персиковъ, абрикосовъ, дуль, всякаго фрук-

та.... Господи, Боже мой!... ѣшь — не хочется! Истинно, куда не обернись, все барское! Въ лакейскую чтоль заглянешь? такъ нечего сказать, глаза разбѣгутся — цѣлая барщина; да что за народъ?... молодецъ къ молодцу! »

Ижорской гордо улыбнулся, призадумался, потомъ вынулъ огромную золотую табакерку, понюхалъ съ разстановкою табаку, и взглянувъ ласково на Ильменева, сказалъ: « Послушай, Прохоръ Кондратьевичь! въ самомъ дѣлѣ, чалая Донская не по тебѣ. Знаешь мою гнѣдую, съ бѣлой лысиной? »

— « Какъ не знать, батюшка! лошадь богатая: тысячи полторы стоитъ! »

— « Такъ по рукамъ, братецъ! Она твоя! »

— « Какъ, сударь? »

— « Ну, да, твоя! Ѣзди себѣ на здоровье, да смотри, похваливай нашъ заводецъ! »

Ильменевъ онѣмѣлъ отъ восторга и удивленія; а когда опомнился, то отъ избытка благодарности заговорилъ такую нескладицу, что Ижорской, захохотавъ во все горло, закричалъ: « Полно, любезный, полно! заврался!... Да будетъ, братецъ! доскажешь въ другое время! »

Въ продолженіи этого разговора, Рославлевъ, ведя подъ руку свою невѣсту, шелъ тихими шагами вдоль широкой аллеи, которая перерѣзывала на двѣ равныя половины обширный регулярный садъ, разведенный еще отцемъ Лидиной. Есть минуты блаженства, въ которыя языкъ нашъ нѣмѣетъ отъ избытка сердечной радости. Рославлевъ не говорилъ ни слова, но онъ не сводилъ глазъ съ своей невѣсты; онъ былъ вмѣстѣ съ нею; рука его касалась ея руки; онъ чувствовалъ каждое біеніе ея сердца; и когда тихой вздохъ, вылетая изъ груди ея, сливался съ воздухомъ, которымъ онъ дышалъ,

когда взоры ихъ встрѣчались.... о! въ эту минуту онъ не желалъ, онъ не могъ желать другаго блаженства! То, что въ свѣтѣ называютъ *страстію*, это бурное, мятежное ощущеніе всегда болтливо; но чистая, самимъ небомъ благословляемая любовь, это чувство величайшаго земнаго наслажденія, не изъясняется словами.

Пройдя во всю длину аллеи, которая оканчивалась густою рощею, Полина остановилась. « Я что-то устала, » шепнула она тихимъ голосомъ.

— « Сядемте, » сказалъ Рославлевъ.

— « Только, Бога ради! не здѣсь, подлѣ этихъ грустныхъ, обезображенныхъ лицъ. Пойдемте въ рощу. Я люблю отдыхать вотъ тамъ, подъ этой густой черемухой. Не правда ли, » продолжала Полина, когда они, войдя въ рощу, сѣли на дерновую скамью — « не правда ли, что здѣсь и дышешь свободнѣе? Посмотрите, какъ весело

ростутъ эти березы, какъ пушисты эти ракитовые кусты; съ какою роскошью подымается этотъ высокой дубъ! Онъ не боится, что придетъ садовникъ и сравняетъ его съ другими деревьями. »

— « И я также не люблю этихъ подстриженныхъ деревьевъ, » сказалъ Рославлевъ. « Они такъ единообразны, такъ живо напоминаютъ намъ стѣны домовъ, въ которыхъ мы должны по неволѣ запираться зимою. Какая разница!... здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, и дышешь свободнѣе! Эта густая зелень, эта дикая, простая природа — все наполняетъ душу какой-то тихой радостью и спокойствіемъ. Мнѣ кажется.... да, Полина! мнѣ кажется, что здѣсь только, сокрытые отъ всѣхъ взоровъ, мы совершенно принадлежимъ другъ другу; и только тогда, когда я могу мечтать, что мы одни въ цѣломъ мірѣ, тогда только я чувствую вполнѣ все мое счастіе! »

— « Такъ вы очень меня любите? »

спросила Полина, чертя задумчиво по песку своимъ зонтикомъ. « Очень ?... »

— « Болѣе всего на свѣтѣ ! »

— « И сталибъ любить даже и тогда, еслибъ я была несправедлива, еслибъ заплатила за любовь вашу одной неблагодарностію ? »

— « Да, Полина, и тогда ! — Не въ моей власти не любить васъ. Это чувство слилось съ моей жизнію. Дышать и любить Полину — для меня одно и тоже ! »

— « А если бы, для счастія моего, было необходимо, чтобъ вы навсегда отъ меня отказались ?... »

— « Навсегда ?... »

— « Да : еслибъ я потребовала отъ васъ этой жертвы ? »

— « Какая ужасная шутка ! »

— « Но чтобы вы сдѣлали, еслибъ я говорила не шутя ? Еслибъ въ самомъ дѣлѣ отъ этого зависѣло все счастіе моей жизни ? »

— « Все ваше счастіе ?... И вы можете меня спрашивать ! »

— « Вы отказались бы добровольно отъ руки моей ? »

— « Я сдѣлалъ бы болѣе, Полина ! Чтобъ совѣсть ваша была спокойна, я постарался бы пережить эту потерю. »

— « Добрый Волдемаръ ! » сказала Полина, взглянувъ съ нѣжностію на Рославлева. « Ахъ ! какую тягость вы сняли съ моего сердца ! И такъ вы вѣрно согласитесь.... »

— « На что ? » вскричалъ Рославлевъ, поблѣднѣвъ, какъ приговоренный къ смерти.

— « Отстрочить еще на два мѣсяца нашу сватьбу. »

— « На два мѣсяца ! ! »

— « Другъ мой ! » сказала Полина, прижавъ къ своему сердцу руку Рославлева, « не откажи мнѣ въ этомъ ! Я не сомнѣваюсь, не могу сомнѣваться, что буду счастлива ; но дай мнѣ

увѣриться, что и я могу составить твое счастіе: дай мнѣ время привязаться къ тебѣ всей моей душою, привыкнуть мыслить объ одномъ тебѣ, жить для одного тебя, и если можно» — прибавила она такъ тихо, что Рославлевъ не могъ разслышать словъ ея — «если можно забыть все, все прошедшее!»

— «Но два мѣсяца, Полина!...»

— «Ахъ, мой другъ, почему знать, можетъ быть, ты спѣшишь сократить лучшее время въ твоей жизни! Не правда ли? Ты согласенъ отсрочить нашу сватьбу?»

— «Я не стану обманывать тебя, Полина!» сказалъ Рославлевъ послѣ короткаго молчанія. «Одна мысль, что я не прежде двухъ мѣсяцевъ назову тебя моею, приводитъ меня въ ужасъ. Чего не можетъ случиться въ два мѣсяца?... Но если ты желаешь этого, могу ли я не согласиться!»

— «Благодарю тебя, мой другъ! О, будь увѣренъ, любовь моя вознагра-

дитъ тебя за эту жертву. Мы будемъ счастливы.... да, мой другъ! » повторила она сквозь слезы, « совершенно счастливы! »

Вдругъ позади ихъ загремѣлъ громкой, отвратительный хохотъ. Полина вскрикнула; Рославлевъ также невольно вздрогнулъ и поглядѣлъ съ безпокойствомъ вокругъ себя. Ему показалось, что въ близкомъ разстояніи продираются сквозь чащу деревьевъ; черезъ нѣсколько минутъ шорохъ сталъ отдаляться, раздался снова безумный хохотъ, и кто-то дикимъ голосомъ запѣлъ: *со святыми упокой.*

— « Это сумасшедшая Ѳедора, » сказала Полина. « Какъ чудно, » прибавила она, покачавъ печально головою, « что въ ту самую минуту, какъ я говорила о будущемъ нашемъ счастіи....«

— « Зачѣмъ эту сумасшедшую пускаютъ къ вамъ въ садъ? » перервалъ Рославлевъ.

— « Роща не огорожена; впрочемъ, эта несчастная не дѣлаетъ никому вреда. »

— « Но она можетъ испугать; ея сумасшествіе такъ ужасно!... »

— « Ахъ, она очень жалка! Пять лѣтъ тому назадъ, она сошла съ ума отъ того, что женихъ ея умеръ наканунѣ ихъ сватьбы. »

— « Наканунѣ сватьбы! » повторилъ въ полголоса Рославлевъ. « Одинъ день и вѣчная разлука!... А два мѣсяца, мой другъ!... »

— « Вотъ дядюшка и маминька, » перервала Полина; « пойдемте къ нимъ на встрѣчу. »

— « Ну что, страстные голубки, наговорились чтоль? » закричалъ Ижорской, подойдя къ нимъ вмѣстѣ съ своей сестрой и Ильменевымъ. « Что, Прохоръ Кондратьевичъ, ухмыляешься? Небось, любуешься на жениха и невѣсту? То-то же! А что, чай, и ты

[illegible]

— [illegible] разрушились. что я Боже упаси! Не тѣмъ помянута, куда крута была покойница!»

— «А гдѣ Ѳедоръ Андреевичъ?» спросила Полина у своего дяди.

— «Сурской? Уѣхалъ домой.»

— «Такъ Оленька одна? Я пойду къ ней; а вы,» шепнула она Рославлеву, «останьтесь здѣсь и погуляйте съ дядюшкой.»

Больная не замѣтила, что Полина вошла къ ней въ комнату. Облокотясь одной рукой на подушки, она сидѣла

задумавшись на кровати; передъ ней на небольшомъ столикѣ стояла зажженная свѣча; лежалъ до половины исписанный почтовый листъ бумаги, сургучь, и все, что нужно для письма.

— Ну что, какъ ты себя чувствуешь?» спросила Полина.

— « Ахъ, это ты?» сказала Олинька. «Какъ ты меня испугала! Я думала, что ты гуляешь по саду съ твоимъ женихомъ. »

— «Онъ остался тамъ съ дядюшкой.»

— « Но ему, вѣрно, было бы пріятнѣе гулять съ тобою. За чѣмъ ты ушла?»

— « Къ кому ты пишешь?» спросила Полина, не отвѣчая на вопросъ своей сестры.

— « Въ Москву, къ кузинѣ Еме. Она, вѣрно, думаетъ, что ты уже за-мужемъ.»

— «Можетъ быть.»

— Я не знаю, что мнѣ написать о твоей сватьбѣ? Вѣдь, кажется, на будущей недѣлѣ?...»

— «Нѣтъ, мой другъ!»

— А когда же?»

— «Ты станешь бранить меня. Я уговорила Рославлева отложить сватьбу еще на два мѣсяца.»

— « Какъ ! » вскричала больная, «еще на два мѣсяца?»

— «Сначала это его огорчило...»

— А потомъ онъ согласился?»

— Да, мой другъ! онъ такъ меня любитъ ! »

— Слишкомъ, Полина! слишкомъ! Ты не стоишь этого.»

— « Ну вотъ ! я знала , что ты разсердишься. »

— « Можно ли до такой степени употреблять во зло власть , которую ты имѣешь надъ этимъ добрымъ , милымъ Рославлевымъ ! надъ этимъ.... Чемужъ ты смѣешься ? »

— « Знаешь ли , Олинька? Мнѣ иногда кажется , что ты его любишь больше , чѣмъ я. Ты всегда говоришь о немъ съ такимъ восторгомъ !... »

— « А ты всегда говоришь глупости, сказала Олинька съ примѣтной досадою. »

— « То-то глупости ! » продолжала Полина, погрозивъ ей пальцемъ, « Ужъ не влюблена ли ты въ него ? — смотри ! »

Олинька поглядѣла пристально на сестру свою : губы ея шевелились ; казалось, она хотѣла улыбнуться; но вдругъ вся блѣдность исчезла съ лица ея, щеки запылали, и она, схвативъ съ необыкновенною живостію руку Полины, сказала: « Да, я люблю его какъ мужа сестры моей, какъ надежду, подпору всего нашего семейства, какъ роднаго моего брата ! А тебя почти ненавижу за то, что ты забавляешься его отчаяніемъ. Послушай, Полина ! Если ты меня любишь, не откладывай сватьбы, прошу тебя, мой другъ ! Назначь ее на будущей недѣлѣ. »

— « Такъ скоро ? Ахъ, нѣтъ ! Я никакъ не рѣшусь. »

— Скажи мнѣ откровенно: любишь ли ты его? »

— « Да! » отвѣчала въ полголоса Полина.

— « Такъ за чѣмъ же ты это дѣлаешь? Для чего заставляешь жениха твоего думать, что ты своенравна, прихотлива, что ты забавляешься его досадою и огорченіемъ? Подумай, мой другъ! онъ не всегда останется женихомъ, и если мужъ не забудетъ о томъ, что сносилъ отъ тебя женихъ; если со временемъ онъ захочетъ также, какъ ты, употреблять во зло власть свою...»

— « О, не безпокойся, мой другъ! Ты не услышишь моихъ жалобъ. »

— « Но развѣ тебѣ отъ этого будетъ легче? Нѣтъ, Полина! нѣтъ, мой другъ! Ради Бога не огорчай добраго Волдемара! Почему знать, можетъ быть будущее твое счастіе.... счастіе всего нашего семейства зависитъ отъ этого. »

Полина задумалась, и послѣ минут-

наго молчанія сказала тихимъ голосомъ: « Но это уже рѣшено, мой другъ ! »

— « Между тобой и женихомъ твоимъ. Не думаешь ли, что онъ будетъ досадовать, если ты перемѣнишь твое рѣшеніе ? Я, право, не узнаю тебя, Полина ; ты съ нѣкотораго времени стала такъ странна, такъ причудлива !... Не упрямься, мой другъ ! Подумай, какъ ты огорчишь этимъ маминьку, какъ это непріятно будетъ Сурскому, какъ разсердится дядюшка.... »

— « Боже мой, Боже мой ! » сказала Полина почти съ отчаяніемъ ; « какъ я несчастлива ! Вы всѣ хотите.... »

— « Твоего благополучія, Полина !

— « Моего благополучія !... Но почему вы знаете.... и время ли теперь думать о сватьбѣ ? Ты больна, мой другъ....

— « О, если ты желаешь, чтобъ я выздоровѣла, то согласись на мою просьбу. Я не буду здорова до тѣхъ поръ,

пока не назову братомъ жениха твоего; я стану безпрестанно упрекать себя.... да, мой другъ! я причиною, что ты еще не за мужемъ. Еслибъ я была осторожнѣе, то ничего бы не случилось: вы были бы уже обвѣнчаны; а теперь.... Боже мой, сколько перемѣнъ можетъ быть въ два мѣсяца!.... и если почему нибудь ваша сватьба разойдется, то я вѣчно не прощу себѣ. Полина!» продолжала Олинька, покрывая поцѣлуями ея руки, «согласись на мою просьбу! Подумай, что твое упрямство можетъ стоить мнѣ жизни! Я не буду спокойна днемъ, не стану спать ночью; я чувствую, что болѣзнь моя возвратится, что я не перенесу ее.... согласись, мой другъ!»

Полина молчала; всѣ черты лица ея выражали нерѣшимость и сильную душевную борьбу. Трепеща, какъ преступница, которая должна произнести свой собственный приговоръ, она нѣсколько разъ готова была что-то ска-

зать.... и всякой разъ слова замирали на устахъ ея.

— « Такъ, я должна это сдѣлать, » сказала она наконецъ рѣшительнымъ и твердымъ голосомъ: « рано, или поздно — все равно! » Съ безумной живостію несчастливца, который спѣшитъ однимъ разомъ прекратить всѣ свои страданія, она не сняла, а сорвала съ шеи черную ленту, къ которой привѣшенъ былъ небольшой золотой медаліонъ. Хотѣла разскрыть его, но руки ея дрожали. Вдругъ съ судорожнымъ движеніемъ она прижала его къ груди своей, и слезы ручьемъ потекли изъ ея глазъ.

— « Что это значитъ?... Что съ тобой?... » вскричала Олинька.

— « Ничего, мой другъ! ничего! » отвѣчала, всхлипывая Полина; « успокойся, это послѣднія слезы. Ахъ, мой другъ! онъ исчезъ! этотъ очаровательный.... нѣтъ, нѣтъ! этотъ тяжкой, мучительной сонъ! Теперь ты можешь сама назначить день моей сватьбы. »

Полина раскрыла медальонъ и вынула изъ него нарисованное на бумагѣ грудное изображеніе молодаго человѣка; но прежде, чѣмъ она успѣла сжечь на свѣчѣ этотъ портретъ, Олинька бросила на него быстрый взглядъ и вскричала съ ужасомъ: « Возможно ли?... »

— « Да, мой другъ! »

— « Какъ! ты любишь?... »

— « Молчи, ради Бога не называй его! »

— « И я не звала этого! »

— « Прости меня! » сказала Полина, бросившись на шею къ сестрѣ своей: « я не должна была скрывать отъ тебя.... Безумная!... я думала, что эта тайна умретъ вмѣстѣ со мною.... что никто въ цѣломъ мірѣ.... Ахъ, Олинька! я боялась даже тебя!... »

— « Но скажи мнѣ?...

— « Послѣ, мой другъ! послѣ. Дай мнѣ привыкнуть къ мысли, что это былъ бредъ, сумасшествіе; что я ви-

дѣла его во снѣ. Ты узнаешь все, все, мой другъ! Но если его образъ никогда не изгладится изъ моей памяти: если онъ, какъ неумолимая судьба, станетъ между мной и моимъ мужемъ?... о! тогда молись вмѣстѣ со мною, молись, чтобъ я скорѣй переселилась туда, гдѣ сердце умѣетъ только любить, и гдѣ любовь не можетъ быть преступленіемъ!»

Полина склонила голову на грудь больной, и слезы ея смѣшались съ слезами доброй Олиньки, которая, обнимая сестру свою, повторяла: «Да, да, мой другъ! это былъ одинъ сонъ! Забудь о немъ, и ты будешь счастлива!»

Конецъ первой части.

РОСЛАВЛЕВЪ

ИЛИ

РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

ЧАСТЬ II.

СОЧИНЕНІЕ

М. ЗАГОСКИНА.

Изданіе третье.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1851.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 14 дня, 1850 года.

Цензоръ и Кавалеръ *И. Снегиревъ*.

РОСЛАВЛЕВЪ,

или

РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА II.

Двухъ-этажный домъ Николая Степановича Ижорскаго, построенный по его плану, стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ концѣ обширнаго села, которое отдѣлялось отъ деревни сестры его, Лидиной, небольшимъ лугомъ и узенькой рѣчкою. Изпещренный всѣми возможными цвѣтами Китайской мостикъ, перегибаясь чрезъ рѣчку, упирался въ круглую готическую башню, которая служила заставою. Широкая липовая аллея шла отъ воротъ башни

до самаго дома. Трудно было бы рѣшить, къ какому ордену архитектуры принадлежало это чудное зданіе: всѣ роды древніе и новѣйшіе, были въ немъ неремѣшаны, какъ языки при Вавилонскомъ Столпотвореніи. Низенькія и толстыя колонны, похожія на Египетскія, поддерживали Греческой фронтонъ; четыреугольныя готическія башни, прилѣпленныя ко всѣмъ угламъ дома, прорѣзаны были широкими Италіянскими окнами; а изъ средины кровли подымалась высокая каланча, которую Ижорской называлъ своимъ бельведеромъ. Съ одной стороны примыкалъ къ дому обширный садъ съ оранжереями, мостиками, прудами, сюрпризами и фонтанами, въ которые накачивали воду изъ двухъ колодцевъ, замаскированныхъ деревьями. Внутренность дома не уступала въ разнообразіи наружности; но всего любопытнѣе былъ кабинетъ хозяина и его собраніе рѣдкостей. Вмѣстѣ съ золотыми, вышед-

шими изъ моды, табакерками, лежали рѣзныя берестовыя тавлинки; подлѣ серебряныхъ старинныхъ кубковъ, стояли глиненые размалеванные горшки—подъ именемъ Этрурскихъ вазъ; обращики всѣхъ рудъ, малахиты, сердолики, топазы и простые камни лежали рядомъ; подлѣ чучелъ бѣлаго медвѣдя и пеликана, стояли чучелы обыкновеннаго кота и лягавой собаки; за стекломъ хранились: челюсть слона, мамонтовыя кости и лошадиное ребро, которое Ижорской называлъ человѣческимъ, и доказывалъ имъ справедливость мнѣнія, что земля была нѣкогда населена великанами. Посреди комнаты стояла большая электрическая машина; всѣ стѣны были завѣшаны панцырями, бердышами, копьями и ружьями; а по выдавшемуся впередъ карнизу разставлены рядышкомъ чучелы: куликовъ, пѣтуховъ, курапатокъ, галокъ, грачей и прочихъ, весьма обыкновенныхъ птицъ. Глядя на эту коллекцію без-

винныхъ жертвъ, хозяинъ часто восклицалъ съ гордостію: « кому другому, а мнѣ Бюффонъ не надобенъ. Вотъ онъ въ лицахъ! »

Спустя два дня послѣ описаннаго нами разговора двухъ сестеръ, часу въ десятомъ утра, въ домѣ Ижорскаго шла большая суматоха. Дворецкой бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, шумѣлъ, бранился, и щедрой рукой раздавалъ тузы лакеямъ и дворовымъ женщинамъ, которые подметали пыль, натирали полы и мыли стекла во всемъ домѣ. Самъ Баринъ, въ пунцовомъ атласномъ шлафрокѣ, смотрѣлъ изъ окна своего кабинета, какъ цѣлая барщина занималась уборкой сада. Вездѣ усыпали дорожки, подстригали деревья, фонтаны били колодезною водою; однимъ словомъ: все доказывало, что хозяинъ ожидаетъ къ себѣ необыкновеннаго гостя. Нѣсколько уже минутъ онъ морщился смотря на работающихъ. « Ну такъ и есть! » сказалъ онъ наконецъ съ до-

садою; « я не вижу и половины мужиковъ! Эй, Трошка! бѣги скорѣй въ садъ, посмотри: всю ли барщину выгнали на работу? »

Слуга, спѣша исполнить данное ему приказаніе, бросился опрометью вонъ изъ дверей, и чуть не сшибъ съ ногъ Сурскаго и Рославлева, которые входили въ кабинетъ. « А, любезные! милости просимъ! » закричалъ Ижорской. « Кстати пожаловали: вы мнѣ пособите! Умъ хорошо, а два лучше! »

— « Да что у тебя такое сегодня? » спросилъ Сурской.

— « Какъ что? Я получилъ записку изъ города: сегодня обѣдаетъ у меня Губернаторъ. »

— « Вотъ что! Да вѣдь ты хотѣлъ принять его запросто? »

— « Эхъ, милый! ну конечно запросто; а угостить все таки надобно. Вѣдь я некто другой — не Ильменевъ же, въ самомъ дѣлѣ! — Ну что, Трошка! » спросилъ онъ входящаго слугу.

— « Староста, сударь, выгналъ въ садъ только половину барщины. »

— « Ахъ, онъ мерзавецъ! Да какъ онъ смѣлъ? Вотъ я его проучу! Давай его сюда!... Эка бестія! все умничаетъ! Ужъ и на прошлой недѣли онъ мнѣ насолилъ; да счастливъ, разбойникъ!... Погода была такъ сыра, что электрическая машина вовсе не дѣйствовала. »

— « Электрическая машина! » повторилъ съ удивленіемъ Сурской.

— « Да, братецъ! Я бить не люблю, и въ нашъ вѣкъ какой порядочной человѣкъ станетъ драться? У меня, вотъ какъ провинился кто нибудь — на машину! Завалилъ ему ударовъ пять, шесть, такъ впредь и будетъ умнѣе: оно и памятно и здорово. Чемужъ ты смѣешься, Сурской? конечно здорово. Когда еще у меня не было больныхъ и домоваго лѣкаря, такъ я отъ всѣхъ болѣзней лѣчилъ машиною. »

— « Смотри пожалуй!... И вѣрно многихъ вылѣчивалъ? »

— « Случалось, братецъ! Да вотъ, на примѣръ, года два тому назадъ, привели ко мнѣ однажды Антона скотника: взглянуть было жалко! Ревматизмъ чтоль, подагра ли—право не знаю; только вовсе обезножилъ. Вотъ я навертѣлъ, навертѣлъ!... время было сухое — машина такъ и трещитъ! Велѣлъ ему взяться за цѣпочку, благословился, да какъ счолкъ!... Гляжу, мужикъ мой закачался. Я еще.... онъ и съ ногъ долой. Глядь поглядь—ахти худо! языкъ отнялся, глаза закатились; ну умеръ, да и только! Другой бы испугался, а я такъ нѣтъ. Благодарю моего Создателя — не сробѣлъ! Ну-ка его лежачаго ударъ за ударомъ. Что-жъ, сударь? Очнулся! Да какъ вскочитъ, батюшка!... Господи Боже мой! откуда ноги взялись. »

— « Какъ! побѣжалъ? »

— « Да такъ, сударь, что и догнать не могли. »

— « Подлинно диковинка ! » сказалъ Сурской. « И онъ совсѣмъ выздоровѣлъ ? »

— « Какъ же, братецъ ! Какъ рукой сняло ! И теперь еще здоровехонекъ.... А, голубчикъ ! » закричалъ Ижорской, увидя входящаго Старосту. « Поди-ка сюда ! Такъ-то ты выполняешь мои приказанія ? Отъ чего не вся барщина въ саду ? »

— « Виноватъ, батюшка ! » отвѣчалъ Староста, отвѣсивъ низкой поклонъ. « Я другую половину барщины выслалъ на вашу же господскую работу. »

— « На какую работу ? »

— « На сѣнокосъ, батюшка ! »

— « На сѣнокосъ !... Нашолъ время косить, скотина ! Ну вотъ, братецъ ! » продолжалъ хозяинъ, обращаясь къ Сурскому, « толкуй съ этимъ народомъ ! Ты думаешь о дѣлѣ, а онъ косить.

Сей часъ выслать всю барщину въ садъ. Слышишь? »

— « Слушаю, батюшка! Только воля ваша, если мы едакъ день за день.... »

— « Прошу покорно!... Ахъ, ты дуралей! Что ты, учить чтоль меня вздумалъ?... »

— « Да не сердись на него, » перервалъ Сурской; « вѣдь онъ заботится о твоей же пользѣ. »

— « Не его дѣло разсуждать, въ чемъ моя польза. Ну что стоишь? Пошолъ! »

Староста, поклонясь въ поясъ, вышелъ изъ комнаты.

— « Да чтожъ, я не дождусь лѣкаря? » продолжалъ Ижорской. « Трошка! ступай, скажи ему, что я его два часа ужъ дожидаюсь.... А вотъ и онъ.... Помилуй, батюшка, Сергѣй Ивановичь! Тебя не дозовешься. »

— « Извините! » сказалъ лѣкарь, по-

клонясь Сурскому и Рославлеву; « я позамѣшкался: осматривалъ больницу. »

— « Я за этимъ-то тебя и спрашивалъ. Ну что, все ли въ порядкѣ? »

— « Кажется все. »

— « Ну то-то же! О моей больницѣ много толковъ было въ Губерніи. Смотри, чтобъ намъ при Его Превосходительствѣ себя лицемъ въ грязь не ударить. Все ли разставлено въ порядокъ и прибрано въ аптекѣ? »

— « Точно также, какъ и всегда, Николай Степановичъ! »

— « Какъ и всегда! Ну такъ и есть — я зналъ! Эхъ, братецъ! Вѣдь я тебѣ толкомъ говорилъ: сего дня будетъ Губернаторъ, такъ надобно.... ну знаешь, любезный!... товаръ лицомъ показать. »

— « Я вамъ докладываю, что все въ порядкѣ. »

— « А въ больницѣ? »

— « Окна и полы вымыты, бѣлье чистое.... »

— « А прибиты ли дощечки съ надписями ко всѣмъ отдѣленіямъ? »

— « Хоть это бы и не нужно: у насъ больница всего на десять кроватей; но такъ какъ вамъ это угодно, то я прибилъ мѣстахъ въ трехъ надписи. »

— « На Латинскомъ языкѣ? »

— « На Латинскомъ и Русскомъ. »

— « Хорошо, братецъ, хорошо! А сколько у насъ больныхъ? »

— « Теперь ни одного. »

— « Какъ ни одного? » вскричалъ съ ужасомъ Ижорской.

— « Да, сударь! Третьяго дня я выписалъ послѣдняго больнаго — Илюшку кучера. »

— « За чѣмъ? »

— « Онъ выздоровѣлъ. »

— « Да кто тебѣ сказалъ, что онъ выздоровѣлъ? съ чего ты взялъ?... Возможно ли — ни одного больнаго! Ну, вотъ, господа, заводи больницы!... ни одного больнаго! »

— « Такъ чтожъ, мой другъ? » сказалъ Сурской.

— « Какъ чтожъ? Да слышишь: — ни одного больнаго! Чтожъ я буду, комнаты однѣ показывать? Ну, батюшка, Сергѣй Ивановичь! дай Богъ вамъ здоровья, потѣшили меня.... ни одного больнаго! »

— « Помилуйте! чтожъ мнѣ дѣлать? »

— « Что дѣлать? А позвольте васъ спросить: за что я плачу вамъ жалованье? Вы получаете тысячу рублей въ годъ, квартиру, столъ, экипажъ — и ни одного больнаго! Что это за порядокъ? На что это походитъ? Эхъ! правду говоритъ сестра: вотъ вамъ и Русской Докторъ — ни одного больнаго! Ахъ, Боже мой! Боже мой! Ну, батюшка, спасибо вамъ—поднесли мнѣ красное яичко — ни одного больнаго! Да, кончено, господинъ Русской Докторъ, кончено! Во чтобъ ни стало, заведу Нѣмца.... да, сударь, Нѣмца! У него будутъ больные! Господи Бо-

же мой! — ни одного больнаго!.... Смѣйтесь, господа, смѣйтесь. Вамъ что за горе! Не вы станете показывать больницу Губернатору. »

— « А что, Рославлевъ, » сказалъ шутя Сурской, « не выкупить ли намъ его изъ бѣды? Прикинемся-ка больными! »

— « Эхъ, братецъ, что за шутки! »

— « Какія шутки? Вѣдь Губернаторъ не станетъ больныхъ осматривать, только бы постели-то не были пусты. »

— « А что ты думаешь, любезный! Постой-ка.... въ самомъ дѣлѣ!... Эй, Тротка! Дворецкаго, проворнѣй! »

— « Что вы хотите дѣлать? » спросилъ Рославлевъ.

— « Постой, братецъ, постой!... авось какъ нибудь.... Что въ самомъ дѣлѣ? Не велика фигура полежать денекъ. »

— « Какъ?... вы хотите?... «

— « Эхъ, братецъ, не мѣшай! Добро, такъ и быть! ступай домой, Сергѣй

Ивановичь; да смотри, чтобъ впередъ этого не было. Теперь у насъ будутъ и безъ тебя больные. Слушай, Парфенъ! » продолжалъ Ижорской, идя на встрѣчу къ Дворецкому, « у насъ теперь въ больницѣ нѣтъ никого больныхъ.... »

— « Да сударь, слава Богу! »

— « Врешь, дуракъ! оселъ! слава Богу!... Что, я Губернатору-то пустыя стѣны стану показывать? Мнѣ надобно больныхъ — слышишь? »

— « Слушаю, сударь! Да гдѣжъ я ихъ возьму? »

— « И знать не хочу—чтобъ были! »

— « Слушаю, сударь! »

— « Да постой-ка, Парфенъ! Ты что-то больно измѣнился въ лицѣ, — ужъ здоровъ ли ты? »

— « Слава Богу-съ! »

— « То-то, смотри, запускать не надобно; видишь, какъ у тебя глаза ввалились. Эхъ, Парфенъ! ты точно

разнемогается. Не полѣчиться ли, братъ? »

— « Нѣтъ ужъ, батюшка, Николай Степановичь, помилуйте! Авось въ дворнѣ и безъ меня найдутся хворые. »

— « Да какъ не быть. Ступай же проворнѣе. »

— « А на всякой случай, что прикажете, если охотниковъ не найдется? »

— « Ну, что тутъ спрашивать, дурачина! Вышелъ на улицу, да и хватай перваго, кто попадется: въ больницу, да и все тутъ! Что, въ самомъ дѣлѣ, баринъ я, или нѣтъ? »

— « Слушаю, сударь! Да не прикажете ли лучше нарядить съ семьи по брату? »

— « И то дѣло! Смотри, отбери тѣхъ, которые пощедушнѣе. Правда, въ отдѣленіе водяной болѣзни, надобно кого нибудь потолще, да подюжѣе!... »

— « Позвольте! Я уговорю нашего Пономаря: вѣдь онъ разпрестолстый-

толстый; а рожа-то такъ и расплылась. »

— « Въ самомъ дѣлѣ, уговори его, братецъ. »

— « Дать ему рубли полтора, такъ онъ цѣлыя сутки пролежитъ, какъ убитый. »

— « Брось ему цѣлковый. Да нѣтъ ли у тебя на примѣтѣ кого-нибудь этакъ похуже, чтобъ, знаешь, годился для чахотнаго отдѣленія? »

— « Похуже?... Постойте-ка, сударь! Да чегожъ лучше? Сапожникъ, Андрюшка. Сухарь! Ужъ худощавѣе его не найдешь во всемъ селѣ: однѣ кости, да кожа. »

— « Точно, точно! Ай да Парфенъ! спасибо, братъ! Ну, ступай же поскорѣй. Двое больныхъ есть, а остальныхъ подберешь. Да строго накажи имъ, какъ придутъ осматривать больницу, чтобъ всѣ лежали смирно. »

— « Слушаю, сударь! »

— « Не шевелились, колпаковъ не снимали и погромче охали. »

— « Слушаю, сударь! »

— « Ну, ступай! Ты смѣешься, Сурской. Я и самъ знаю, что смѣшно: да чтожъ дѣлать? Вѣдь надобножъ чѣмъ-нибудь похвастаться. У сосѣда Буркина конный заводъ не хуже моего; у Княгини Зориной оранжереи больше моихъ; а если у кого больница? Нутка, пріятель, скажи? Къ томужъ это и въ модѣ.... нѣтъ, не въ модѣ.... »

— « Вы хотите сказать: въ духѣ времени, » перервалъ Рославлевъ.

— « Да, въ духѣ времени. Это ужъ братецъ, не экономическое заведеніе, а какъ бишь, постой.... »

— « Человѣколюбивое, » сказалъ Сурской.

— « Да, да! человѣколюбивое! а эти заведенія нынче въ ходу, любезный. Почему знать?... Отъ Губернатора пойдетъ и выше, а тамъ.... Да что загадывать; что будетъ, то и будетъ....

Ну, теперь разсуди милостиво! Еслибъ я сталъ показывать пустую больницу, кого бы удивилъ? Вѣдь домъ всякой выстроить можетъ, а надпись сдѣлать не фигура. »

— « Да у тебя, какъ я вижу, большіе планы, любезный! » сказалъ съ улыбкою Сурской. « Ты хочешь прослыть филантропомъ. »

— « Полно, братъ! по Латынѣ-та говорить. Не объ этомъ рѣчь: я слыву хлѣбосоломъ, и надобно сегодня поддержать мою славу. Да что наши дамы не ѣдутъ? Я разослалъ ко всѣмъ сосѣдямъ приглашенія: того и гляди станутъ наѣзжать гости; одному мнѣ не управиться, такъ сестра бы у меня похозяйничала. А ужъ на будущей недѣли я сталъ бы у нее хозяйничать, » прибавилъ Ижорской, потрепавъ по плечу Рославлева. « Что, братъ, дождался наконецъ? Вѣдь сватьба твоя рѣшительно въ Воскресенье?

— « Да, Полина согласилась не откладывать далѣе моего счастія. »

— « Порядкомъ же она тебя помаила. Да и ты, братъ! — не погнѣвайся — зѣвака. Извѣстное дѣло, невѣста сама не скажетъ: « пора-де подъ вѣнецъ! » Повернулъ бы покруче, такъ дѣло давно бы было въ шляпѣ. Да вотъ никакъ онѣ ѣдутъ. Ну что стоишь, Владиміръ? Ступай, братецъ! вынимай изъ кареты свою невѣсту. »

Хотя здоровье Олиньки не совсѣмъ еще поправилось, но она выходила уже изъ комнаты, и потому Лидина пріѣхала къ Ижорскому съ обѣими дочерьми. При первомъ взглядѣ на свою невѣсту, Рославлевъ замѣтилъ, что она очень разстроена. « Что съ вами сдѣлалось, Полина? » спросилъ онъ. « Здоровы ли вы? »

— « C'est une folle! » сказала Лидина. « Представьте себѣ, я сей-часъ получила письмо изъ Москвы отъ Кузины; она пишетъ ко мнѣ, что гово-

рятъ о войнѣ съ Французами. И какъ вы думаете? ей пришло въ голову, что вы пойдете опять въ военную службу. Успокойте ее, Бога ради! »

— « Я надѣюсь, » отвѣчалъ Рославлевъ, « что Наполеонъ не рѣшится идти въ Россію; и въ такомъ случаѣ, даю вамъ честное слово, что не надѣну опять мундира. »

— « А если онъ рѣшится на это? »

— « Тогда эта война сдѣлается народною, и каждый Русской обязанъ будетъ защищать свое Отечество. Ваша собственная безопасность.... »

— « О, обо мнѣ не безпокойтесь! Мы уѣдемъ въ наши Тамбовскія деревни. Россія велика; а сверхъ того развѣ Наполеонъ не былъ въ Германіи и Италіи? Войска дерутся, а жителямъ какое до этого дѣло? Неужели мы будемъ перенимать у этихъ варваровъ—Испанцевъ? »

— « Но наша національная честь, сударыня.... наша слава?... »

— « И, полноте! Вы ни въ какомъ случаѣ не пойдете въ военную службу.«

— « Даже и тогда, когда вся Россія вооружится? »

— « Даже и тогда. Послушайте! Если вы хотите жениться на будущей недѣлѣ, то и не думайте о службѣ; въ противномъ случаѣ, оставайтесь женихомъ до окончанія войны. Я не хочу, чтобъ Полина рисковала сдѣлаться вдовою, или, что еще хуже, чтобъ мужъ ея воротился безъ руки или ноги.... Но вотъ братъ; перестанемте говорить объ этомъ. Вы знаете теперь, чего я требую, и будьте увѣрены, что ни за что не перемѣню моего рѣшенія. Quelle folie. Во Франціи женятся для того, чтобъ не попасть въ конскрипты, а вы наканунѣ вашей сватьбы хотите идти въ военную службу. »

— « Насилу ты, сестра, пріѣхала! » закричалъ Ижорской, идя на встрѣчу къ Лидиной. « Ступай, матушка, въ

гостиную хозяйничать; вонъ кто-то ужъ ѣдетъ. »

— « Что за экипажъ ! » сказала Лидина. Неужели это карета ? »

— « Не погнѣвайтесь, сударыня ! домашней работы. Это ѣдетъ Ладушкинъ. »

— « Ахъ, Боже мой !... и въ восемь лошадей ! »

— « Разумѣется, онъ человѣкъ расчетливый: вѣдь онѣ будутъ цѣлой день на чужомъ корму. »

— « А это кто ? посмотрите съ правой стороны — какъ будтобъ въ дилижансѣ ? »

— « Это катитъ въ своей восьмимѣстной линеѣ Княгиня Зорина со всѣмъ семействомъ. »

— « Какой ридикюльный экипажъ ! »

— « Не щеголеватъ, да покоенъ, матушка. А вонъ, никакъ, летитъ на удалой тройкѣ сосѣдъ Буркинъ. Экіе кони !... Ну, нечего сказать, славный заводъ ! И откуда, разбойникъ, досталъ

матокъ? Всѣ чистой Арабской породы! Вотъ еще кто-то.... однако, мнѣ пора приодѣться; а вы, барыни, ступайте-ка въ гостиную, да принимайте гостей. »

Рославлевъ взялъ подъ руку Сурскаго, и отведя его къ сторонѣ, разсказалъ ему свой разговоръ съ Лидиной.

— « Чтожъ ты намѣренъ дѣлать? » спросилъ Сурской, помолчавъ нѣсколько времени.

— « А что сдѣлаете вы, если у насъ будетъ народная война? »

— « Я не женихъ, мой другъ! Мое положеніе совершенно не сходно съ твоимъ. »

— « Однакожъ, что вы сдѣлаете? »

— « Сниму со стѣны мою заржавленную саблю и пойду драться. »

— « И послѣ этого вы можете меня спрашивать!... Когда вы, прослуживъ сорокъ лѣтъ съ честію, отдавъ вполнѣ свой долгъ Отечеству, готовы снова

приняться за оружіе, то можетъ ли молодой человѣкъ, какъ я, оставаться простымъ зрителемъ этой отчаянной и, можетъ быть, послѣдней борьбы Русскихъ съ цѣлой Европою? Нѣтъ, Ѳедоръ Андреевичъ, еслибъ я навсегда долженъ былъ отказаться отъ Полины, то и тогда пошелъ бы служить; а постарался бы только, чтобъ меня убили на первомъ сраженіи.»

— «Я не сомнѣвался въ этомъ,» сказалъ Сурской, пожавъ руку Рославлеву. «Да, мой другъ! всякая частная любовь должна умолкнуть передъ этой общей и священной любовью къ Отечеству!»

— «Но, можетъ быть, это одни пустые слухи, и войны не будетъ.»

— «Нѣтъ, мой другъ!» сказалъ Сурской, покачавъ сомнительно головою; «мы дошли до такого положенія, что даже не должны желать мира. Наполеонъ не можетъ имѣть друзей: ему нужны одни рабы; а, благодаря Бога,

нашъ Царь не захочетъ быть ни чьимъ рабомъ ; онъ чувствуетъ собственное свое достоинство , и не посрамитъ чести великой націи , которая при первомъ его словѣ двинется вся на встрѣчу врагамъ. У насъ нѣтъ крѣпостей : но Русскія груди стоятъ ихъ. Я также получилъ письмо изъ Москвы, и хотя война еще не объявлена , а врядъ ли уже мы не деремся съ Французами. »

Широкоплечій , вершковъ десяти ростомъ , господинъ , въ коричневомъ длинномъ фракѣ, изъ кармана котораго торчалъ чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ , войдя въ комнату ; перервалъ разговоръ нашихъ пріятелей. — «Здравствуйте, батюшка, Ѳедоръ Андреевичь!» заревѣлъ онъ толстымъ басомъ. « Богъ вамъ судья ! Я недѣлю провалялся въ постелѣ , а вы , нѣтъ чтобъ провѣдать, живъ ли , дискать , мой сосѣдъ Буркинъ. »

— « Я , право , не зналъ, что вы были нездоровы . » сказалъ Сурской.

— « Да, сударь, чуть было не прыгнулъ въ Елисейскія. Вы знаете моего Персидскаго жеребца, Султана? Я сталъ показывать конюху, какъ его выводить — чортъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось! Заигралъ, да какъ хлыстъ меня подъ самое дыханье! Повѣритель, свѣта Божьяго не взвидѣлъ! Какъ меня подняли, какъ раздѣли, какъ Сенька коновалъ пустилъ мнѣ кровь, ничего не помню! На силу на другой день очнулся. »

— « Напрасно вы такъ неосторожны. »

— « И, батюшка, на грѣхъ мастера нѣтъ! Какъ убережешься? Да вотъ спросите Владиміра Сергѣевича: онъ былъ кавалеристомъ, такъ знаетъ, какъ обращаться съ лошадьми, а вѣрно и его бивали — не льзя безъ этого. Да кстати, Владиміръ Сергѣевичь!... взгляните-ка на мою тройку; вѣдь вы знатокъ. »

— « Позвольте мнѣ послѣ ею полюбоваться. Хозяинъ просилъ меня при-

нимать гостей, а вотъ, кажется, пріѣхалъ Ладушкинъ. »

— « И Ея Сіятельство Княгиня Зорина. За версту узнаю ея шестерню. Охота же кормить овсомъ такихъ одровъ! Эки клячи — одна другой хуже! »

Часа черезъ два, весь дворъ Николая Степановича Ижорскаго наполнился дормезами, откидными кибиточками, линеями, таратайками и каретами, изъ которыхъ многія, по древности своей, могли бы служить украшеніемъ собранію рѣдкостей хозяина. Въ ожиданіи обѣда, дамы чиннехонько сидѣли на канапѣ въ гостиной, разговаривали межъ собою въ полголоса, бранили отсутствующихъ, и стараясь перенимать Парижскіе манеры Лидиной, потихоньку насмѣхались надъ нею. Барышни прогуливались по саду; однѣ говорили о новыхъ Московскихъ модахъ, другія разспрашивали Полину и Олиньку о Франціи, и желая показать себя передъ *Парижанками*, коверкали безъ мило-

сердія несчастный Французской языкъ. Въ числѣ этихъ гостей, первое мѣсто занимали двѣ Институтки, милыя, образованныя дѣвицы, съ которыми Лидины были очень дружны, и Княжны Зорины, три взрослыя невѣсты, страстныя любительницы изящныхъ художествъ. Старшая не могла говорить безъ восторга о живописи, потому что сама копировала головки en pastel; средняя приходила почти въ изступленіе при имени Моцарта, потому что разыгрывала на фортепіанахъ его увертюры; а меньшая, которой удалось взять три урока у знаменитой пѣвицы Мары, до того была чувствительна къ собственному своему голосу, что не могла никогда промяукать до конца ombra adorata безъ того, чтобъ съ ней не сдѣлалось дурно. Эти три сестры, которыхъ и въ стихахъ не льзя было назвать тремя граціями, прогуливались вмѣстѣ и поодаль отъ другихъ. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній на счетъ украшеній сада, посмѣясь надъ

деревяннымъ раскрашеннымъ Китайцемъ, который съ огромнымъ зонтикомъ стоялъ посреди одной куртины, и надъ алебастровой коровою, которая паслась на небольшомъ лугу, онѣ сѣли на скамейку противъ террасы дома, уставленной померанцовыми деревьями. Въ эту самую минуту сошелъ съ нее Рославлевъ.

— « Какъ смѣшонъ этотъ женихъ! » сказала средняя сестра. « Онъ только и видитъ свою невѣсту. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ влюбленъ въ нее? Какой странный вкусъ! »

— « Il est pourtant bel homme! » возразила старшая. « Посмотрите, какой Греческой профиль, какая правильная фигура, какъ всѣ *позы* его граціозны!... »

— « Да, онъ не дуренъ собою, » прибавила меньшая Княжна. « Замѣтили ль, какой у него густой и пріятный органъ? Я увѣрена, у него долженъ быть или

басъ, или баритонъ, и если онъ поётъ ombra adorata.... »

— « Я слышала, что онъ играетъ хорошо на скрыпкѣ, » перервала средняя, « и признаюсь, желала бы испытать, можетъ ли онъ акомпанировать музыку Моцарта. »

— « У него тысяча душъ, » сказала старшая.

— « Et il est maître de sa fortune! » прибавила средняя.

— « Для чего маминька не пригласитъ его на наши музыкальные вечера? » примолвила меньшая. « Ему должно быть здѣсь очень скучно. »

— « Разумѣется, » подхватила старшая. « Эта Лидина нагонитъ на всякаго тоску своимъ Парижемъ; братъ ея такъ глупъ! Олинька хорошая хозяйка, и больше ничего; Полина.... »

— « О, Полина должна быть для него божествомъ! » перервала меньшая.

— « Не вѣрю, » продолжала старшая;

« его завели; и что тутъ удивительнаго? Въ деревнѣ, каждый день вмѣстѣ.... »

— « Конечно, конечно, » подхватила меньшая. « Ахъ, какъ чудна маминька! Почему она не хочетъ знакомиться съ своими сосѣдями? »

— « Посмотрите, » шепнула старшая, « онъ на насъ глядитъ. Бѣдняжка! не смѣетъ подойти. О! да эта сантиментальная Полина преревнивая! »

— « И пренесносная! Вѣчно груститъ, а Богъ знаетъ о чемъ? »

— « Хочетъ казаться интересною. »

— « Ахъ, Боже мой, вотъ еще какія претензіи! »

Совсѣмъ другаго рода шли разговоры въ столовой, гдѣ мущины толпились вокругъ сытнаго завтрака. Буркинъ, выпивъ четвертую рюмку зорной водки, разсказывалъ со всѣми подробностями, какъ Персидской жеребецъ отшибъ у него память. Ладушкинъ, Ильменевъ и нѣсколько другихъ второстепенныхъ помѣщиковъ, молча трудились кругомъ

жирнаго окорока, и доканчивали вторую бутылку мадеры. Въ одномъ углу Сурской говорилъ съ Дворянскимъ Предводителемъ о политикѣ; въ другомъ, нѣсколько страстныхъ псовыхъ охотниковъ разговаривали объ отъѣзжихъ поляхъ, хвастались другъ передъ другомъ подвигами своихъ борзыхъ собакъ и лгали безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Но хозяину было не до разговоровъ: онъ горѣлъ какъ на огнѣ; давно уже пробило два часа, а Губернаторъ не ѣхалъ; вотъ кукушка въ лакейской прокуковала три раза; вотъ, наконецъ, въ столовой часы съ курантами проиграли: *выду я на рѣченьку* и колокольчикъ прозвенѣлъ четыре раза, а объ Губернаторѣ и слуха не было. « Чтожъ это, въ самомъ дѣлѣ? » сказалъ хозяинъ, когда еще прошло полчаса; « Его Превосходительство шутитъ чтоль? Вѣдь я не навязывался къ нему съ моимъ обѣдомъ. »

— « Николай Степановичь! » сказалъ

Дворецкой, войдя торопливо въ столовую, «кто-то скачетъ по большой дорогѣ.»

— «Слава тебѣ Господи, насилу! Скорѣй кушать! Да готовы ли музыканты?... Лишь только Губернаторъ изъ кареты, тотчасъ и начинать: *громъ побѣды раздавайся!* Иль нѣтъ.... лучше маршъ....»

— «Да это ѣдетъ кто-то въ тѣлежкѣ, сударь, а не въ каретѣ.»

— «Какъ въ тѣлежкѣ? Э, дуракъ! чтожъ ты прибѣжалъ какъ шальной!... Такъ это не Губернаторъ.... постойка.... кажется.... такъ и есть — нашъ Исправникъ. Проси его скорѣй сюда: онъ вѣрно присланъ отъ его Превосходительства.»

Черезъ минуту вошелъ небольшаго роста мужчина съ огромными рыжими бакенбардами, въ Губернскомъ мундирѣ военнаго покроя, подпоясанный широкой портупеею, къ которой прицѣплена была сабля съ серебрянымъ тем-

лякомъ. Не кланяясь ни кому, онъ подошелъ прямо къ хозяину и сказалъ: « Его Превосходительство изволилъ прислать меня.... »

— « Ну что, Иванъ Пахомычь, » перервалъ Ижорской, « скоро ли онъ будетъ? »

— « Его Превосходительство изволилъ прислать меня.... »

— « Да говори скорѣй, ѣдетъ онъ, или нѣтъ? »

— « Сей часъ доложу. Его Превосходительство изволилъ прислать меня увѣдомить васъ, что онъ, по встрѣтившимся обстоятельствамъ.... »

— « Не можетъ у меня обѣдать? »

— « Позвольте!... Его Превосходительство изволилъ прислать меня.... »

— « Да тьфу пропасть! говори безъ околичностей, будетъ онъ, или нѣтъ? »

— « Сей часъ.... Изволилъ прислать меня, увѣдомить васъ, что по встрѣтившимся обстоятельствамъ онъ не можетъ сегодня у васъ кушать. »

— « Отъ чего ?... По чему ?... »

— « Онъ получилъ сей часъ важныя депеши, и отправился не медля въ Губернскій городъ. »

— « Какъ ! не пообѣдавши ? »

— « Точно такъ-съ. »

— « Ай, ай, ай ! что такое ?... Видно дѣло не шуточное ? »

Исправникъ пожалъ плечами, поморщилъ лобъ и, погладивъ съ важностію свои бакенбарды, сказалъ протяжно и значительнымъ голосомъ: « да-съ. »

Всѣ гости съ примѣтнымъ любопытствомъ окружили Исправника.

— « Не знаете ли вы, что такое ? » спросилъ Сурской.

— « Формально доложить не могу, » отвѣчалъ Исправникъ; « а кажется большая экстра. »

— « Да когда онъ получилъ эти бумаги ? » спросилъ Предводитель.

— « Акуратъ въ три часа. »

— « И вамъ неизвѣстно ихъ содержаніе ? »

— « Почемужъ мнѣ знать-съ ? » отвѣчалъ Исправникъ съ улыбкою, которая доказывала совершенно противное.

— « Полно, любезный, секретничать !... » заревѣлъ Буркинъ. Какъ тебѣ не знать ? Ты дѣтина пролазъ — все знаешь. »

— « Помилуйте-съ! наше дѣло исполнять предписанія вышняго начальства, а въ Государственныя дѣла мы не мѣшаемся. Конечно, Секретарь Его Превосходительства мнѣ съ руки ; но осмѣлюсь доложить, еслибъ я что нибудь и зналъ, то и въ такомъ случаѣ служба.... долгъ присяги.... »

— « Что вы съ нимъ хлопочете, господа ? » перервалъ Ижорской. « Я знаю этого молодца: на тощакъ отъ него толку не добьешься. Пойдемте-ка обѣдать, авось за рюмкою Шампанскаго онъ выболтаетъ намъ свою Государственную тайну. Эй, малый ! ступай въ садъ, проси барышень къ столу. Водки ! Господа, милости просимъ ! »

Хозяинъ повелъ Княгиню Зорину; прочіе мужчины повели также дамъ къ столу, который былъ накрытъ въ длинной галлереѣ, увѣшанной картинами знаменитыхъ живописцевъ — такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ хозяинъ, и большая часть сосѣдей вѣрили ему на честное слово; а нѣкоторые знатоки, въ томъ числѣ Княжны Зорины, не смѣли сомнѣваться въ этомъ, потому что на всѣхъ рамахъ написаны были четкими буквами имена: Греза, Вандика, Рембранта, Албана, Корреджія, Салваторъ Розы и другихъ извѣстныхъ художниковъ. Гости сѣли; оркестръ грянулъ: *громъ побѣды раздавайся* — и двѣ огромныя кулебяки развлекли на нѣсколько минутъ вниманіе гостей, устремленное на великолѣпное зеркальное плато, края котораго были уставлены фарфоровыми Китайскими куклами; а средина занята горкою, слѣпленною изъ раковинъ и изрытою небольшими впадинами; въ каждой изъ нихъ поста-

вленъ былъ или фарфоровый пастушокъ, въ Французскомъ кафтанѣ, съ флейтою въ рукахъ, или пастушка въ фижмахъ, съ овечкою у ногъ. Многимъ изъ гостей чрезвычайно понравился этотъ образцикъ Швейцаріи; но появленіе янтарной ухи изъ аршинной стерляди, а въ слѣдъ за ней двухъ-аршиннаго осетра подъ соусомъ, сосредоточило на себѣ все удивленіе пирующихъ. Деревенскіе гастрономы ахнули. Отрывокъ Алпійской горы, зеркальное море, Саксонскія куклы, Китайскіе уродцы — все было забыто; разговоры прекратились, и тихой Ангелъ приосѣнилъ своими крыльями все общество.

Пользуясь правомъ жениха, Рославлевъ сидѣлъ за столомъ подлѣ своей невѣсты; онъ могъ говорить съ нею свободно, не опасаясь нескромнаго любопытства сосѣдей, потому-что съ одной стороны подлѣ нихъ сидѣлъ Сурской, а съ другой Олинька. Въ то время, какъ всѣ, или почти всѣ, заня-

ты были ѣдою, этимъ важнымъ и едва-ли не главнѣйшимъ дѣломъ большей части деревенскихъ помѣщиковъ, Рославлевъ спросилъ Полину: согласна ли она съ мнѣніемъ своей матери, что онъ не долженъ ни въ какомъ случаѣ вступать снова въ военную службу?

— « Вы знаете, чего отъ васъ требуетъ маминька, » отвѣчала Полина.

— « Но я желалъ бы также знать, что думаете вы? »

— « Я обязана ей повиноваться. »

— « Но скажите, что долженъ я дѣлать? »

— « Вамъ ли меня объ этомъ спрашивать, Волдемаръ! Что могу сказать я, когда собственное сердце ваше молчитъ? »

— « И такъ я долженъ оставаться хладнокровнымъ свидѣтелемъ ужасныхъ бѣдствій, которыя грозятъ нашему Отечеству; долженъ жить спокойно въ то время, когда кровь всѣхъ Русскихъ будетъ литься не за славу, не за вели-

чіе, но за существованіе нашей родины; когда, можетъ быть, отецъ станетъ сражаться рядомъ съ своимъ сыномъ и дѣдъ умирать подлѣ своего внука. Нѣтъ, Полина! или я совсѣмъ васъ не знаю, или любовь ваша должна превратиться въ презрѣніе къ человѣку, который въ эту рѣшительную минуту будетъ думать только о собственномъ своемъ счастіи и о личной своей безопасности. »

— « Но за чѣмъ тревожить себя заранѣе этой мыслію? » сказала Полина послѣ короткаго молчанія. « Быть можетъ, это одни пустые слухи. »

— « Можетъ быть! Но по всему кажется, что эта война неизбѣжна. »

— « Война! » повторила Полина, покачавъ печально головою. « Ахъ! когда люди станутъ думать, что они всѣ братья, что слава, честь, лавры, всѣ эти пустыя слова, не стоятъ и одной капли человѣческой крови. Война!

Боже мой!... И вѣрно эта война будетъ самая безчеловѣчная?...

— « О! что касается до этого, » отвѣчалъ Рославлевъ, « то Французы должны пенять на самихъ себя: они заставили себя ненавидѣть; а ненависть не знаетъ состраданія и жалости. Испанцы доказали это. »

— « Но неужели и Русскіе также, какъ Испанцы, не станутъ щадить никого?... Будутъ рѣзать беззащитныхъ плѣнныхъ? » спросила съ примѣтнымъ безпокойствомъ Полина.

— « Кто можетъ предузнать, » отвѣчалъ Рославлевъ, « до чего дойдетъ ожесточеніе Русскихъ, когда въ глазахъ народа убійство и мщеніе превратятся въ добродѣтели, и всякое сожалѣніе къ Французамъ будетъ казаться предательствомъ и измѣною. Когда война становится національною, то всѣ права народныя теряютъ свою силу. Стараться истреблять всѣми способами непріятеля, убивать до тѣхъ поръ, пока

не убьютъ самого, вотъ въ чемъ состоитъ народная война, и вотъ чего добиваются Наполеонъ и его Французы. Переступивъ однажды за нашу границу, они не должны уже и думать о мирѣ. Да, Полина, въ этой войнѣ средины быть не можетъ: они должны или превратить всю Россію въ обширное кладбище, или всѣ погибнуть. »

Полина поблѣднѣла. « Это ужасно! » сказала она. « Несчастные! но виноваты ли они?... Всѣ погибнутъ!... Боже мой!... Если.... »

Олинька схватила за руку сестру свою; она замолчала, опустила глаза книзу и блѣдныя щеки ея запылали.

— « Э, племянничекъ! » закричалъ Ижорской; « говорить-то съ невѣстою можно, а ѣсть все таки надобно. Чтожъ ты, Полинька! вѣдь этакъ женихъ твой умретъ голодной смертью. Да возьми, братецъ! вѣдь это дупельшнепы! Эй, Шампанскаго! Здоровье Его Превос-

ходительства, нашего Гражданскаго Губернатора. Тушъ! »

Трубачи протрубили, Шампанское обнесли. « Здоровье хозяина! » закричалъ Буркинъ, и снова затрещало въ ушахъ у бѣдныхъ дамъ. Трубачи дули, мущины пили; и какъ дѣло дошло до домашнихъ наливокъ, то разговоры сдѣлались до того шумны, что почти никто уже не понималъ другъ друга. Наконецъ, когда обнесли двѣнадцатую тарелку съ сахарнымъ вареньемъ, хозяинъ привсталъ и, совершенно увѣренный, что говоритъ неправду, сказалъ: « Не осудите, дорогіе гости, если встаете голодные изъ-за стола, не погнѣвайтесь! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! »

Всѣ поднялись въ одно время. Мущины отвели прежнимъ порядкомъ дамъ въ гостиную; а сами, выпивъ по чашкѣ кофе, отправились, вмѣстѣ съ хозяиномъ, осматривать его оранжереи, конской заводъ, псарню и больницу.

ГЛАВА II.

—

Сурской и Рославлевъ, обойдя съ другими гостьми всѣ оранжереи, и не желая осматривать прочія заведенія хозяина, остались въ саду. Пройдя нѣсколько времени, молча, по крытой липовой аллеѣ, Сурской замѣтилъ наконецъ Рославлеву, что онъ вовсе не походитъ на жениха. « Ты такъ грустенъ и задумчивъ, » сказалъ онъ, « что какъ будто-бы въ самомъ дѣлѣ долженъ сего дня же, и навсегда, разстаться съ твоей невѣстою. »

— « Почему знать ? » отвѣчалъ со вздохомъ Рославлевъ. « По-крайней-мѣрѣ, я почти увѣренъ, что долго еще не буду ея мужемъ. Скажите, могу ли я обѣщать, что не пойду слу-

жить даже и тогда, когда Французы внесутъ войну въ сердце Россіи? »

— « Нѣтъ, не можешь; но почему ты увѣренъ, что Наполеонъ рѣшится....»

— « На что не рѣшится этотъ баловень фортуны, этотъ надменный завоеватель, ослѣпленный собственной своей славою? Куда не пойдутъ за нимъ Французы, привыкшіе видѣть въ немъ свое второе провидѣніе? Французы!... Я знаю человѣка, котораго ненависть къ Французамъ казалась мнѣ отвратительною: теперь я начинаю понимать его.

— « Не вѣрю, мой другъ! ты это говоришь въ минуту досады. Просвѣщенный человѣкъ и Христіанинъ, не долженъ и не можетъ ненавидѣть никого. Какъ Русской, ты станешь драться до послѣдней капли крови съ врагами нашего отечества, какъ вѣрноподданный — умрешь, защищая своего Государя; но если безоружный непріятель будетъ имѣть нужду въ твоей

помощи, то кто бы онъ ни былъ, онъ вѣрно найдетъ въ тебѣ человѣка, для котораго состраданіе никогда не было чуждой добродѣтелью. Простой народъ почти вездѣ одинаковъ; но Французы называютъ насъ *всѣхъ* варварами. Постараемся же доказать имъ не фразами—на словахъ они насъ загоняютъ—а на самомъ дѣлѣ, что они ошибаются. »

— « Но можно ли смотрѣть хладнокровно на эту націю?... »

— « Можно, мой другъ, тому, кто знаетъ её больше, чѣмъ ты. Во первыхъ: тотъ, кто не былъ самъ во Франціи, едва ли имѣетъ право судить о Французахъ. Никто не можетъ быть милѣе, любезнѣе, вѣжливѣе Француза, когда онъ дома; но лишь только онъ переступилъ за границу своего отечества, то становится совершенно другимъ человѣкомъ. Онъ смотритъ на все съ презрѣніемъ; все то, что не походитъ на обычаи и нравы его родины, ка-

жется ему варварствомъ, невѣжествомъ и безвкусіемъ. Но и въ этомъ смѣшномъ желаніи, увѣрять весь міръ, что въ одной только Франціи могутъ жить порядочные люди, я вижу чувство благородное. Извѣстное слово одного Француза, который на вопросъ, какой онъ націи, отвѣчалъ, что *имѣетъ честь* быть Французомъ — не самохвальство, а самое истинное выраженіе чувствъ каждаго изъ его соотечественниковъ; и если это порокъ, то признаюсь, отъ всей души желаю, чтобъ многіе изъ насъ, рабски перенимая всѣ иностранныя моды и обычаи, заразились бы наконецъ и этимъ иноземнымъ порокомъ. »

— « Но согласитесь, что чванство, самонадѣянность и гордость Французовъ невыносимы. »

— « Чтожъ дѣлать, мой другъ? Всѣ народы имѣютъ свои національныя слабости; и если говорить правду, то подъ часъ наша скромность, право, не лучше

Французскаго самохвальства. Они потеряютъ сраженіе и каждый изъ нихъ будетъ стараться увѣрить и другихъ и самаго себя, что оно не проиграно; намъ удастся разбить непріятеля, и тотъ-же часъ найдутся охотники доказывать, что мы или не остались побѣдителями, или по-крайней-мѣрѣ побѣда наша весьма сомнительна. Да вотъ, на примѣръ, если у насъ будетъ война и Богъ поможетъ намъ, не только отразить, но истребить Французскую армію, если изъ этого ополченія всей Европы уцѣлѣютъ только нѣсколько тысячь.,.. Но что я говорю? если одна только рота Французскихъ солдатъ выдетъ изъ Россіи, то и тогда Французы станутъ говорить и печатать, что эта *горсть безстрашныхъ*, этотъ *священный легіонъ* не бѣжалъ, а спокойно отступилъ на зимнія квартиры, и что, во время безсмертной своей *ретирады*, безпрестанно билъ большую Русскую армію; и нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ хвастовствѣ имъ помогутъ

Русскіе, которые станутъ повторять въ слѣдъ за ними, что климатъ, недостатокъ, стеченіе различныхъ обстоятельствъ, однимъ словомъ: все, выключая Русскихъ штыковъ, заставило отступить Французскую армію. »

— « Перестаньте! Я не хочу вѣрить, чтобъ нашлись между Русскими такія презрительныя, низкія души.... »

— « Но эти же самые Русскіе, мой другъ, станутъ драться, какъ львы, защищая свою родину. Все это въ порядкѣ вещей, и мы не должны сердиться ни на Французовъ за ихъ хвастовство, ни на Русскихъ за ихъ несправедливость къ самимъ себѣ. Безпрерывный рядъ побѣдъ, двадцать пять лѣтъ колоссальной славы.... о мой другъ! отъ этого закружатся и не Французскія головы! А мы.... насъ также можно извинить. Вотъ изволишь видѣть: по мнѣнію моему, Исторія просвѣщенія всѣхъ народовъ раздѣляется на три эпохи. Въ первую, то есть,

эпоху варварства, мы не только чуждаемся всѣхъ иностранцевъ; но даже презираемъ ихъ. Иноземецъ, въ глазахъ нашихъ, почти не человѣкъ; онъ долженъ считать за милость, если мы дозволяемъ ему жить между нами и обогащать насъ своими познаніями. Мало-по-малу, привыкая думать, что эти пришлецы созданы также, какъ и мы, по образу и по подобію Божію, мы постепенно доходимъ до того, что начинаемъ перенимать не только ихъ познанія, но даже и обычаи; и тогда наступаетъ для насъ вторая эпоха. Презрѣніе къ иностранцамъ превращается въ безусловное уваженіе; мы видимъ въ каждомъ изъ нихъ своего учителя и наставника; все чужеземное кажется намъ прекраснымъ, все свое — дурнымъ. Мы думаемъ, что только одно рабское подражаніе можетъ насъ сблизить съ просвѣщенными народами, и если въ это время между насъ родится геній, то не мы, а развѣ иностранцы

отдадутъ ему справедливость: это эпоха полупросвѣщенія. Наконецъ, вѣкъ скороспѣлокъ и обезьянства проходитъ. Плодъ многихъ годовъ, безчисленныхъ опытовъ — прекрасный плодъ, не награжденныхъ ни славою, ни почестьми безкорыстныхъ трудовъ, великихъ геніевъ — созрѣваетъ; истинное просвѣщеніе разливается по всей странѣ; мы не презираемъ и не боготворимъ иностранцевъ: мы сравнялись съ ними; не желаемъ уже знать, кое-какъ, все, а стараемся изучить хорошо то, что знаемъ; народный характеръ и физіономія образуются, мы начинаемъ любить свой языкъ, уважать отечественные таланты и дорожить своей національной славою. Это третья и послѣдняя эпоха народнаго просвѣщенія. Для большей части Русскихъ первая, кажется, миновалась; но послѣдняя, покрайней-мѣрѣ для многихъ, еще не наступила. »

— « Но развѣ это можетъ служить

оправданіемъ для тѣхъ, которые злословятъ свое Отечество? »

— « А какъ же, мой другъ? Безпристрастіе есть добродѣтель людей истинно просвѣщенныхъ; и вотъ почему нѣкоторые Русскіе, желающіе казаться просвѣщенными, стараются всячески унижать все отечественное, и чтобъ доказать свое, *Европейское* безпристрастіе, готовы спорить съ иностранцемъ, если онъ вздумаетъ похвалить что нибудь Русское. Конечно, для чести нашей націи, не мѣшало бы этихъ господъ, какъ запрещенный товаръ, не выпускать за границу; но сердиться на нихъ не должно. Они срамятъ себя въ глазахъ иностранцевъ и позорятъ свою родину; не потому что не любятъ ее, а для того только, чтобъ казаться безпристрастными, и слѣдовательно просвѣщенными людьми. Вотъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, я былъ вмѣстѣ съ сосѣдомъ нашимъ Ильменевымъ у Волгиныхъ, которые на нѣсколько недѣль

пріѣзжали въ свою деревню изъ Москвы; съ перваго взгляда мнѣ очень понравился ихъ единственный сынъ, ребенокъ лѣтъ двѣнадцати — и подлинно необыкновенный умъ и доброта отпечатаны на его миловидномъ лицѣ; но чрезъ нѣсколько минутъ, это первое впечатлѣніе уступило мѣсто чувству совершенно противному. Этотъ мальчишка умничалъ, мѣшался преважно въ разговоры, находилъ, что въ деревнѣ все дурно, что мужики такъ глупы, и желая казаться совершеннымъ человѣкомъ, такъ часто кричалъ и шумѣлъ на людей безъ всякой причины, подражая своему папинькѣ, который иногда журилъ ихъ за дѣло, что подъ конецъ мнѣ стало гадко на него смотрѣть. Я сказалъ объ этомъ Ильменеву, который отвѣчалъ мнѣ весьма хладнокровно: « И сударь! что еще на немъ взыскивать; глупенекъ, батюшка—дитя! какъ подростетъ, такъ поумнѣетъ. » Какъ ты думаешь, Рославлевъ? не лучше ли

и намъ не сердиться на нашихъ полупросвѣщенныхъ умницъ, а говорить про себя: « что еще на нихъ взыскивать — дѣти! какъ подростутъ, такъ поумнѣютъ! » Но вотъ, кажется, идетъ хозяинъ. Что такое? Посмотри-ка, на немъ лица нѣтъ. « Что съ тобой сдѣлалось, мой другъ? » продолжалъ Сурской, идя къ нему на встрѣчу.

— « Что сдѣлалось? » повторилъ глухимъ голосомъ Ижорской. « Ничего.... Осрамили, зарѣзали, живаго въ гробъ положили, вотъ и все!... »

— « Какъ? »

— « Да такъ.... Ухъ, батюшки!... Дайте духъ перевести!... Дурачье! животные! разбойники!... »

— « Ты пугаешь меня. Да что сдѣлалось? »

— « Бездѣлица!... Всѣ труды, заботы, расходы, все пошло къ чорту!... Да ужъ я же его! И что онъ за Докторъ?... Цирюльникъ!... Нынче же съ двора долой. »

— « Ага! такъ дѣло идетъ о твоей больницѣ. »

— « О больницѣ? О какой больницѣ? У меня нѣтъ больницы!... Завтра же велю сломать эту проклятую больницу, чтобъ и праху ея не осталось. »

— « Помилуйте! за что такой гнѣвъ?»

— « Что, братецъ, сняли голову съ плечь, да и только. Представь себѣ: я повелъ гостей осматривать мои заведенія; дѣло дошло и до больницы. Вотъ вошли сначала въ аптеку; гости ахнули!... что за порядокъ!... банка къ банкѣ, склянка къ склянкѣ — ну любо дорого смотрѣть! Предводитель такъ и разсыпался: и благодѣтель-то я нашего уѣзда, и просвѣщенный помѣщикъ, и какую честь дѣлаетъ всей Губерніи это заведеніе, и прочее. Я кланяюсь, благодарю и думаю про себя: « Погоди, пріятель! какъ взглянешь на больницу, такъ не то еще заговоришь.» Вотъ вошли; коридоръ чистый, свѣтлый, нечего сказать — славно! « Отдѣленіе

хроническихъ болѣзней! » прокричалъ лѣкарь. « Камера, нумеръ первый, водяная болѣзнь. » Растворяю дверь — глядь на постелю: ахти!... такъ меня и обдало морозомъ: щедушный Андрюшка сухарь! Я поскорѣй вонъ, да въ другія двери. Предводитель читаетъ надпись: « Камера, вторая — чахотка. » Вхожу; всѣ за мной. Ну!!! ноги подкосились! Боже мой!... толстый Пономарь!... « Давно ли у тебя чахотка? » спросилъ, улыбаясь Предводитель. « Около года, сударь! » отвѣчалъ Пономарь. « Оно и замѣтно! » заревѣлъ дурачина Буркинъ. « Смотри-ка, сердечный, какъ ты зачахъ! » Зачахъ!... а рожа-то у него, братецъ, съ пивной котелъ! » Предводитель прыснулъ, гости померли со смѣху, а я ужъ и самъ не помню, какъ бросился вонъ изъ дверей, какъ ударился лбомъ о притолку, какъ наткнулся теперь на васъ — ничего не знаю! »

— Помилуй, братецъ, чтожъ это за бѣда? »

— « Какъ что за бѣда? Да какъ мнѣ теперь глаза показать?... Ну если догадаются?... »

— « И, мой другъ, кому придетъ въ голову, что у тебя больные по наряду? Перемѣшали надписи, вотъ и все тутъ. »

— « Такъ ты думаешь, что я могу сказать?... »

— « Разумѣется. Долго ли, вмѣсто одной дощечки, прибить другую. Да вотъ, кстати, всѣ гости идутъ сюда; ступай къ нимъ на встрѣчу, скажи, что это ошибка, и чтобъ они перестали смѣяться, начни хохотать громче ихъ. »

Ижорской, успокоенный этими словами, пошелъ на встрѣчу къ гостямъ, и поговоря съ ними, повелъ ихъ въ большую Китайскую бесѣдку, въ которой приготовлены были трубки и пуншъ. Одинъ только Исправникъ отдѣлился отъ толпы, и подойдя къ Рославлеву, сказалъ: « Извините, Владиміръ Сергѣевичь: совсѣмъ изъ ума вонъ. Вѣдь у меня есть къ вамъ письмо. »

— « Отъ кого ? » спросилъ Рославлевъ.

— « Не могу доложить. Оно пришло по почтѣ. Я зналъ, что найду васъ здѣсь, такъ захватилъ его съ собою. Вотъ оно. »

— « Отъ Зарѣцкаго ! » вскричалъ Рославлевъ, взглянувъ на адресъ. Какъ я радъ ! »

Исправникъ отправился въ слѣдъ за другими гостями въ бесѣдку ; а Рославлевъ, распечатавъ письмо, началъ читать слѣдующее:

« Ну, мой другъ, отгадывай, что я? « гдѣ я ? и что дѣлалъ сегодня поутру? « Да что тебя мучить по пустому: вѣкъ « не отгадаешь. Я Гусарской Ротмистръ, « стою теперь на бивакахъ, не далеко « отъ Бѣлостока, и сегодня поутру « дрался съ Французами. Не ахай, не « удивляйся, а слушай ; я разскажу « тебѣ все по порядку. Прощаясь съ « тобой, я уже намѣкалъ тебѣ, что « мнѣ становится скучно жить въ Пе-

« тербургѣ. Когда ты уѣхалъ , мнѣ ста-
« ло еще скучнѣе. Ты знаешь , я долго
« размышлять не люблю: задумалъ, рѣ-
« шился , надѣлъ мундиръ ; тетушка
« благословила меня образомъ , а Ку-
« зины.... вѣдь я отгадалъ , mon cher !
« ни одна изъ нихъ не заплакала, про-
« щаясь со мною. Я прискакалъ въ
« Вильну, нашелъ тамъ почти всѣхъ на-
« шихъ сослуживцевъ. Намъ давали ба-
« лы , мы веселились ; но и среди тан-
« цевъ горѣли нетерпѣніемъ встрѣтить
« скорѣе гостей , которые стояли за Не-
« маномъ , церемонились и , какъ будто
« бы , дожидались приглашенія. Нако-
« нецъ 12-го числа Іюня они перепра-
« вились на нашу сторону , и пошла по-
« тѣха — только не для насъ , а для
« однихъ Казаковъ. Я выпросился въ
« авангардъ , который сталъ теперь ари-
« ергардомъ , потому что наши войска
« ретируются. Одни говорятъ , для того,
« чтобъ соединиться съ Молдавской ар-
« міею , которая спѣшитъ намъ на встрѣ-

« чу ; другіе , чтобъ заманить Наполе-
« она поглубже въ Россію и угостить
« его точно также , какъ , блаженной
« памяти , Шведскаго Короля подъ Пол-
« тавою. Не знаю , чему вѣрить , но не
« сомнѣваюсь въ одномъ — nous recu-
« lons pour mieux sauter. Кажется , не-
« пріятель втрое насъ сильнѣе ; только
« мы дома , а онъ на чужой сторонѣ.
« Франція далеко , а Нѣмцамъ любить
« его не за что. Все это должно ободрять
« насъ ; однако же , я думаю , что безъ
« народной войны дѣло не обойдется.
« Тебѣ кланяется твой бывшій началь-
« никъ , Генералъ Б. — У него не до-
« стаетъ одного Адъютанта , но онъ не
« торопится замѣстить эту ваканцію , и
« просилъ меня объ этомъ тебя увѣдо-
« мить. Послушай , Рославлевъ ! Я ни-
« когда не хвастался моимъ патріотиз-
« момъ ; всегда любилъ и даже теперь
« люблю Французовъ , а ужъ успѣлъ съ
« ними подраться. Ты зарекся говорить
« по Французски , бредишь всѣмъ Рус-

« скимъ — и ходишь еще во фракѣ. Же-
« натъ ли ты или нѣтъ, все равно.
« Если ты только здоровъ, скачи къ
« намъ на курьерскихъ; если болѣнъ,
« ступай на долгихъ; если умираешь,
« то вели, по крайней мѣрѣ, похоро-
« нить себя въ мундирѣ. Да, мой другъ,
« эта война не походитъ на прежнія;
« дѣло идетъ о томъ, чтобъ рѣшить
« навсегда: есть ли въ Европѣ Русское
« Царство, или нѣтъ? Сегодня чѣмъ-
« свѣтъ Французская военная музыка
« играла такъ близко отъ нашихъ би-
« ваковъ, что я подлаживалъ ей на мо-
« емъ флажолетѣ; а около двѣнадца-
« таго часа у насъ завязалось жаркое
« аванпостное дѣло. Мы потихоньку по-
« двигались назадъ; Французы лѣзли
« впередъ, и надобно сказать правду —
« молодцы, славно дерутся! Одинъ изъ
« нихъ съ эскадрономъ конныхъ егерей
« врѣзался въ самую средину нашихъ
« Казаковъ; но я подоспѣлъ съ Гуса-
« рами. Конныхъ егерямъ отпѣли вѣч-

« ную память, а начальника ихъ мнѣ
« удалось своими руками взять въ плѣнъ,
« или лучше сказать, спасти отъ смер-
« ти, потому что онъ не сдавался и
« дрался какъ отчаянной. Теперь онъ
« въ моемъ шалашѣ спитъ прекрѣпкимъ
« сномъ. Что за молодецъ, братецъ!
« Ему нѣтъ тридцати лѣтъ, а онъ ужъ
« Полковникъ; а какъ любезенъ, какой
« хорошій тонъ! Впрочемъ, это ни мало
« не удивительно: ce n'est pas un offi-
« cier de fortune. Фамилія его одна изъ
« самыхъ древнихъ во Франціи. Онъ
« Графъ Адольфъ Сеникуръ. Завтра чѣмъ
« свѣтъ его отправляютъ, вмѣстѣ съ
« другими плѣнными, въ средину Рос-
« сіи, и повѣришь ли? онъ такъ обво-
« рожилъ меня своею любезностію, что
« мнѣ грустно будетъ съ нимъ разстать-
« ся. Прощай, мой другъ!... или нѣтъ:
« до свиданья! Я увѣренъ, что ты,
« прочитавъ мое письмо, велишь укла-
« дывать свой чемоданъ, пошлешь за
« курьерскими — и если какая нибудь

« Французская пуля не вычеркнетъ ме-
« ня изъ списковъ, то я скоро уго-
« щу тебя на моемъ бивакѣ и пуншемъ,
« и музыкою. Да, мой другъ! и му-
« зыкою. Отъ нечего-дѣлать, я такъ на-
« билъ руку на моемъ флажолетѣ, что
« и самъ себѣ надивиться не могу. И
« такъ, до свиданья! »

« Твой другъ, *Александръ Зарѣцкой.* »
« Іюня 19-го. Бикакъ близь Бѣлостока. »

— « И такъ все кончено! » вскричалъ Рославлевъ. « Я долженъ разстаться съ Полиною, и можетъ быть — навсегда! »

— « Ужъ и навсегда, мой другъ? » сказалъ Сурской. « Конечно, за жизнь военнаго человѣка ручаться нельзя; но почему же думать, что непремѣнно ты?... »

— « Ахъ, я ничего не думаю! Въ головѣ моей нѣтъ ни одной мысли; а здѣсь, » продолжалъ Рославлевъ, положа руку на грудь, « здѣсь все замерло. Такъ! если вѣрить предчувствіямъ, то въ здѣшнемъ мірѣ я никогда не назову

Полину моею. Я долженъ разстаться и съ вами,... »

— « Не надолго, мой другъ! мы скоро увидимся. Но вотъ, кажется, Лидина съ дочерьми. Онѣ идутъ сюда. Ты скажешь имъ?... »

— « Да, я хочу, я долженъ!... Я на этихъ дняхъ отправлюсь въ армію. Полина, » продолжалъ Рославлевъ, подойдя къ своей невѣстѣ. « Вотъ письмо, которое я сей-часъ получилъ отъ пріятеля моего, Зарѣцкаго. Прочтите его. Мы должны разстаться. »

— « Какъ, сударь! » вскричала Лидина. « Такъ вы рѣшительно хотите вступить въ военную службу? »

— « Читайте, Полина! » продолжалъ Рославлевъ, « и скажите вашей матушкѣ, могу ли я поступить иначе. »

Полина начала читать письмо. Грудь ея сильно волновалась, руки дрожали; но не смотря на это, казалось, она готова была перенести съ твердостію

ужасное извѣстіе, которое должно было разлучить ее съ женихомъ. Она дочитывала уже письмо, какъ вдругъ вся помертвѣла; невольное восклицаніе замерло на посинѣвшихъ устахъ ея; глаза сомкнулись, и она упала безъ чувствъ въ объятія своей сестры.

Съ воплемъ отчаянія бросилась Лидина къ своей дочери. « Chère enfant!... вскричала она, « что съ тобой сдѣлалось?... Ахъ, она ничего не чувствуетъ!... Полюбуйтесь, сударь!... вотъ слѣдствія вашего упрямства.... Полина, другъ мой!... Боже мой! она не приходитъ въ себя!... Нѣтъ, вы не человѣкъ, а чудовище!... Стоите ли вы любви ея!... О, еслибъ я была на ея мѣстѣ!... Ah, mon Dieu!... она не дышетъ.... она умерла!... Подите прочь, сударь, подите!... Вы злодѣй, убійца моей дочери!... »

— « Успокойтесь, сударыня! » сказалъ Сурской. « Посмотрите, она приходитъ въ себя. Это пройдетъ. »

— « Ахъ, еслибъ прошла и любовь ея къ этому человѣку! » перервала Лидина, взглянувъ на убитаго горестію Рославлева.

Полина открыла глаза, поглядѣла вокругъ себя довольно спокойно; но когда взоръ ея остановился на письмѣ, которое замерло въ рукѣ ея, то она вскрикнула и, подавая его торопливо Олинькѣ, сказала: « прочти, мой другъ, прочти! »

— « Не печалься, мой Ангелъ! »сказала Лидина; « онъ не поѣдетъ. »

— « Нѣтъ, маминька, » отвѣчала твердымъ голосомъ Полина, « онъ не долженъ и не можетъ остаться съ нами. »

Олинька, читая письмо, не могла также удержаться отъ невольнаго восклицанія, « Поѣдемте скорѣй домой, маминька, » сказала она. « Вы видите, какъ Полина разстроена: ей нуженъ покой. А вы, Владиміръ Сергѣевичъ, черезъ часъ, или черезъ два, пріѣзжайте къ намъ. Поѣдемте! »

Лидина, уѣзжая съ своими дочерьми, сказала въ гостиной нѣсколько словъ женѣ Предводителя, та шепнула своей пріятельницѣ Ильменевой, Ильменева побѣжала въ бесѣдку разсказать обо всемъ своему мужу, и чрезъ нѣсколько минутъ всѣ гости знали уже, что Рославлевъ ѣдетъ въ армію, и что мы деремся съ Французами.

— « Ну, господа! » сказалъ Исправникъ, « теперь таиться нечего: вѣдь и Его Превосходительство за этимъ изволилъ ускакать въ Губернскій городъ. »

— « Такъ вотъ что! » вскричалъ хозяинъ. « Вѣрно рекрутской наборъ? »

— « Какой рекрутской наборъ! Осмѣлюсь доложить, того и гляди, что поголовщина будетъ. »

— « Добрался таки до насъ этотъ проклятый Бонапартій! » сказалъ Буркинъ. « Чего добраго, онъ этакъ, пожалуй, съ дуру-то въ Москву полѣзетъ. »

— « А что ты думаешь? » примолвилъ Ижорской; « его на это станетъ.»

— « Избави Господи! » воскликнулъ жалобнымъ голосомъ Ладушкинъ. « Что съ нами тогда будетъ? »

— « А что Богъ велитъ, » подхватилъ Буркинъ. « Живые въ руки не дадимся. Поголовщина, такъ поголовщина! »

— « Да, » прибавилъ Предводитель, « если Французы не остановятся на границѣ, всеобщее ополченіе необходимо.»

— « Помилуйте! » сказалъ Ладушкинъ; « что мы съ кулаками чтоль пойдемъ? »

— « Да съ чѣмъ попало, » отвѣчалъ Буркинъ. « У кого есть ружье — тотъ съ ружьемъ; у кого нѣтъ — тотъ съ рогатиной. Что въ самомъ дѣлѣ!... Французы-то о двухъ чтоль головахъ? Дай-ка я любаго изъ нихъ хвачу дубиною по лбу — небось не встанетъ. »

— « Я не думаю однакожъ, чтобъ Французы рѣшились идти въ средину

Россіи,» замѣтилъ Предводитель. «Карлъ двѣнадцатый испыталъ подъ Полтавою, какъ можно въ одно сраженіе погубить всю свою военную славу.»

— «Да вѣдь Наполеонъ тащитъ за собой всю Европу,»—подхватилъ Ижорской. «Нѣтъ, господа, онъ доберется и до Москвы.»

— «А мы его встрѣтимъ,» примолвилъ Буркинъ, «да зададимъ такой банкетъ, что ему и домой не захочется.»

— «Воля ваша,» сказалъ со вздохомъ Ладушкинъ, «а тяжко намъ будетъ! Я помню милицію: чего намъ, дворянамъ, стоило одѣть, обуть, да прокормить этихъ ратниковъ.»

— «Да, братъ, Ладушкинъ,» закричалъ Буркинъ, «починай свою кубышку-то. Вѣдь денегъ у тебя накоплено не по нашему.»

— «Помилуйте! Да откудова?»

— «Чего тутъ миловать — распоясывайся, любезный.»

— « Конечно, какъ велятъ.... »

— « Велятъ !... плохой ты, братъ, дворянинъ! Чего тутъ дожидаться приказу — самъ давай ! Господи Боже мой! мы чтоль, Русскіе дворяне не живемъ припѣваючи ? А пришла бѣда, такъ и въ кустъ ?... Сохрани Владыко !... Послѣднюю денежку ставь ребромъ. »

— « Конечно ! » сказалъ хозяинъ. « Если понадобятся ратники, такъ я и музыкантовъ моихъ не пожалѣю.... А народъ-то, братцы, какой !... Намётаный, лихой — пострѣлы ! Любой на пушку полѣзетъ ! »

— « А я, » заревѣлъ Буркинъ, « всѣмъ моимъ коннымъ заводомъ бью челомъ Его Царскому Величеству. Изволь, батюшка Государь, бери, да припасай только людей ; а ужъ эскадронъ лихихъ гусаръ поставимъ на ноги. »

— « Какъ ? » спросилъ Ижорской, ты отдашь и Персидскаго жеребца ? »

— « Султана ?... и его отдамъ !... Нѣтъ, Николай Степановичъ, нѣтъ !

На немъ самъ пойду подъ Француза. Умирать — такъ умирать обоимъ вмѣстѣ! »

— « Я увѣренъ, » сказалъ Предводитель, « что все Дворянство нашей Губерніи не пожалѣетъ ни достоянія своего, ни самихъ себя для общаго дѣла. Стыдъ и срамъ тому, кто станетъ думать объ одномъ себѣ, когда отечество будетъ въ опасности.»

— « Да, да, стыдъ и срамъ!» повторили всѣ, не изключая Ладушкина, который, увлеченный примѣромъ другихъ, позабылъ на минуту о своей шкатулкѣ.

— « Кто не можетъ идти самъ,» прибавилъ Буркинъ, « такъ пусть отдастъ все, что у него есть. »

— « Аминь! » закричалъ Ижорской. «Ну-ка, господа, за здравіе Царя и на гибель Французамъ! Гей, малый! Шампанскаго! »

— « Нѣтъ. братецъ,» прервалъ Бур-

кинъ, « давай наливки: мы не хотимъ ничего Французскаго.»

— « Въ томъ-то и дѣло, любезный!» возразилъ хозяинъ. « Выпьемъ сегодня все до капли, и чтобъ къ завтрему въ моемъ домѣ духу не осталось Французскаго. »

— « Нѣтъ, Николай Степановичъ, пей, кто хочетъ, а я не стану — душа не приметъ. Вѣришь ли Богу, мнѣ все Французское такъ опротивѣло, что и слышать-то о немъ не хочется. Разбойники!...»

Дворецкой вошелъ съ подносомъ, уставленнымъ бокалами.

— « Налей ему, Парфенъ!» закричалъ хозяинъ. « Добро, выпей, братецъ, въ послѣдній разъ....»

— « Эхъ, любезный!... Ну, ну, такъ и быть; одинъ бокалъ куда не шелъ. Да здравствуетъ Русской Царь! Ура!... Проклятый напитокъ: хуже нашего кваса.... За здравіе Русскаго войска!... Подлей-ка, братъ, еще... Ура!»

— « Да убирайся къ чорту съ рюмками!» сказалъ хозяинъ. «Подавай стаканы: скорѣй все выпьемъ!»

— « И то правда!» подхватилъ Буркинъ; « пить, такъ пить разомъ, а то это скверное питье въ горлѣ засядетъ. Подавай стаканы!...»

ГЛАВА III.

Двѣсти лѣтъ Царство Русское отдыхало отъ прежнихъ своихъ бѣдствій; двѣсти лѣтъ мирной поселянинъ не мѣнялъ сохи своей на оружіе. Россія, подъ Самодержавнымъ правленіемъ потомковъ Великаго Петра, возрастала въ силѣ и могуществѣ; Южный вѣтеръ лелѣялъ Русскихъ орловъ на берегахъ

Дуная; наши Волжскія пѣсни раздавались въ древней Скандинавіи; среди цвѣтущихъ полей Италіи и на вершинахъ Септ-Готарда сверкали Русскіе штыки: мы пожинали лавры въ странахъ иноплеменныхъ; но болѣе столѣтія ни одинъ вооруженный врагъ не смѣлъ переступить за границу нашего отечества. И вдругъ раздался громъ оружія на западѣ Россіи, и прежде, чѣмъ слухъ о семъ долетѣлъ до отдаленныхъ ея областей, древній Смоленскъ былъ уже во власти Наполеона. Случалось ли вамъ, проснувшись въ полночь, прислушиваться недовѣрчиво къ глухимъ раскатамъ отдаленнаго грома, и видя надъ собой свѣтлое небо, усѣянное звѣздами, засыпать снова съ утѣшительною мыслію, что вамъ послышалось, что это не гроза, а воетъ вѣтеръ въ сосѣдней дубравѣ? Точно тоже было съ большею частію Русскихъ. «Французы въ Россіи!... Нѣтъ, это не возможно! это пустые слухи!...» говорили жители Низо-

выхъ городовъ, и на минуту встревоженные этимъ грознымъ извѣстіемъ, обращались спокойно къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ. Но слова того, кто одинъ могъ возбудить отъ сна дремлющую Россію, пронеслись отъ береговъ Вислы, во всѣ края обширной его Имперіи. « Такъ ! Французы въ Россіи !.. Я не положу оружія , » сказалъ онъ , «доколѣ ни единаго непріятеля не останется въ Царствѣ моемъ...» и милліоны устъ повторили слова Царя Русскаго ! Онъ воззвалъ къ вѣрному своему народу: «Да встрѣтитъ врагъ,» вѣщалъ Александръ, «въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго; въ каждомъ духовномъ Палицына; въ каждомъ гражданинѣ Минина...» и всѣ Русскіе устремились къ оружію. « Война !» воскликнулъ весь народъ, и потомки безстрашныхъ Славянъ , какъ на брачное веселье , потекли на сей кровавый пиръ всей Европы.

О, какъ великъ, какъ благороденъ былъ этотъ общій энтузіазмъ народа Русскаго!

Въ какомъ обширномъ объемѣ повторилось то, что два вѣка тому назадъ извлекало слезы умиленія и восторга изъ глазъ всѣхъ жителей Нижегородскихъ. Не малочисленный врагъ былъ въ сердцѣ Россіи, не граждане одного города поклялись умереть за свободу своей родины; — нѣтъ! первый Полководецъ нашего времени, влеча за собой силы почти всей Европы, шелъ, по собственнымъ словамъ его, *раздавить* Россію. Но двѣсти лѣтъ назадъ, Отечество наше, раздираемое междоусобіемъ, безмолвно преклоняло сиротствующую главу подъ яремъ иноплеменныхъ; а теперь безчисленные голоса отозвались на мочный голосъ Помазанника Божія; всѣ желанія, всѣ помышленія слились съ Его волею. Русскіе возстали, и приговоръ Всевышняго свершился надъ сей главой, обремененной лаврами и проклятіями вселенной. Могучій, непобѣдимый, онъ ступилъ на землю Русскую — и уже могила его была назначена на

[illegible]

для Русскихъ 1812-го года и для Наполеона — [illegible] еще не наступило!

Послѣ упорнаго и кровопролитнаго сраженія подъ Смоленскомъ, бывшаго 5 числа Августа, наши войска стали отступать къ Дорогобужу. Направленіе большой непріятельской арміи доказывало рѣшительное намѣреніе Наполеона завладѣть древней Столицею Россіи; и въ то время, какъ войска наши, подъ командою храбраго Графа Витгенштейна громили Полоцкъ и истребляли кор

пусъ Удино угрожавшій Петербургу, Наполеонъ быстро подвигался впередъ. 13-го числа Августа, онъ былъ уже въ Доргобужѣ. Нѣсколько часовъ сряду нашъ аріергардъ удерживалъ стремленіе непріятеля; наступающая ночь прекратила наконецъ военныя дѣйствія; пушечные выстрѣлы стали рѣже, и стрѣлки обѣихъ армій, протянувъ передовыя цѣпи, присоединились къ своимъ колоннамъ. Русской аріергардъ расположился биваками по большой Московской дорогѣ, въ двухъ верстахъ отъ Доргобужа. Запылалъ длинный рядъ огней, и усталые воины усѣлись вокругъ артельныхъ котловъ, въ которыхъ варилась сытная Русская каша. Подлѣ одного ярко-пылающаго костра, прислонивъ голову къ высокому казачьему сѣдлу, лежалъ на широкомъ потникѣ молодой Офицеръ, въ бѣлой кавалерійской фуражкѣ; небрежно накинутая на плеча Черкесская бурка не закрывала груди его, украшенной Георгіевскимъ крестомъ; онъ на-

игрывалъ на карманномъ флажолетѣ Французской романсъ: Jeune Troubadour, и казалось, все вниманіе его было устремлено на то, чтобъ брать чище и вѣрнѣе ноты на этой музыкальной игрушкѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ другой Офицеръ въ сюртукѣ, съ золотымъ аксельбантомъ: онъ смотрѣлъ пристально на мѣдный чайникъ, который стоялъ на углѣхъ; но вѣроятно думалъ совершенно о другомъ, потому что вовсе не замѣчалъ, что чай давно кипѣлъ и нѣсколько уже разъ начиналъ выливаться изъ чайника.

— « Рославлевъ! » сказалъ Офицеръ въ буркѣ, переставъ играть на своемъ флажолетѣ, « каково я кончилъ это колѣно? а?... Ну, что ты молчишь, Владиміръ! да проснись, душенька! »

— « Что ты, братецъ? » спросилъ Рославлевъ, не глядя на своего товарища, въ которомъ читатели, вѣроятно, узнали уже пріятеля его, Зарѣцкаго.

— « Я, mon cher? Ничего! да съ тобой-то что дѣлается? Не удивительно, что ты оглохъ; мнѣ и самому кажется, что отъ сегодняшней проклятой канонады я сталъ крѣпокъ на ухо; но отъ чего ты ослѣпъ?... Гляди, гляди!... Да чтожъ ты смотришь, братецъ? Вѣдь чай уйдетъ. »

Рославлевъ, не отвѣчая ничего, отодвинулъ чайникъ отъ огня. Зарѣцкой вынулъ изъ вьюка сахаръ, два серебренныхъ стакана, фляжку съ ромомъ, и черезъ минуту горячій пуншъ былъ готовъ. Подавая одинъ стаканъ своему пріятелю, Зарѣцкой сказалъ: « Ну-ка, Владиміръ, запей свою кручину! Да полно, братецъ, думать о Полинѣ. Что, въ самомъ дѣлѣ? Убьютъ, такъ и дѣло съ концемъ; а останешься живъ, такъ самому будетъ веселѣе явиться къ невѣстѣ, быть можетъ, съ подвязанной рукой и Георгіевскимъ крестомъ, къ которому за сраженье подъ Смоленскимъ ты вѣрно представленъ.

— « Ахъ, Александръ, вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ я разстался съ нею! Не знаю, получаетъ ли она мои письма, но я не имѣю о ней никакого извѣстія. »

— « Да, мой другъ, это ужасно! Мы сами не знаемъ поутру, гдѣ будемъ вечеромъ; а ты хочешь, чтобъ она знала, куда адресовать свои письма, и чтобъ они всѣ до тебя доходили. Ахъ, ты чудакъ, чудакъ! »

— « Но если и мои письма пропадаютъ? Если она думаетъ, что я убитъ? »

— « А реляціи-то на что, мой другъ? Дерись почаще, такъ какъ ты дрался сегодня поутру, такъ невѣста твоя изъ каждыхъ газетъ узнаетъ, что ты живъ. Это, мой другъ, одна переписка, которую теперь мы можемъ вести съ нашими пріятелями. А впрочемъ, если она будетъ думать, что тебя убили, такъ и это не бѣда: больше обрадует-

ся и крѣпче обниметъ, когда увидитъ тебя живаго. »

— « Но почему ты думаешь, что одна эта мысль не убьетъ ее? »

— « Почему, почему.... во первыхъ потому, что съ горя не умираютъ; во вторыхъ....

— « Ты не знаешь моей Полины, Александръ. Одно извѣстіе, что я снова иду въ военную службу, едва не стоило ей жизни. Она прочла письмо твое.... »

— « А, такъ она его читала? Не правда ли, что оно бойко написано? Я увѣренъ былъ впередъ, что при чтеніи этого краснорѣчиваго посланія, Русское твое сердце забьетъ такую тревогу, что любовь и мѣста не найдетъ. Только въ одномъ ошибся: я думалъ, что ты прежде женишься, а тамъ ужъ пріѣдешь сюда пировать подъ картечными выстрѣлами свою сватьбу: по-крайней-мѣрѣ я на твоемъ мѣстѣ непремѣнно бы женился. »

— « Чтожъ дѣлать, мой другъ! Мать Полины не хотѣла объ этомъ и слышать. Я долженъ былъ или не вступать въ службу, или рѣшиться остаться женихомъ до окончанія войны. »

— « Ну, mon cher, хороша же твоя будущая маменька! Я зналъ, что она самая бонтонная барыня, Парижанка, что отъ нея требовать большаго патріотизма неможно; но, право, не полагалъ.... Ахъ, знаешь ли что? вѣдь она живетъ въ деревнѣ?.., Ну, такъ и есть! Бѣдняжка и не подозрѣваетъ, что въ Столицахъ топъ совершенно перемѣнился. Еслибъ она знала, въ какой теперь модѣ патріотизмъ, то вѣрно бы не стала съ тобой торговаться. Ты не можешь себѣ представить, какъ все перемѣнилось въ Петербургѣ: Французской Театръ закрыли и — ни одна Русская барыня не охнула. Всѣ наши дамы въ такомъ порядкѣ, что-любо посмотрѣть: съ утра до вечера готовятъ для насъ корпію и перевязки; по-

Французски не говорятъ, и даже родственница твоя, Княгиня Радугина, — повѣришь ли, братецъ? прескверным Русскимъ языкомъ — вотъ такъ Французовъ и позоритъ. »

— « Слава Богу! мы догадались наконецъ, что у насъ есть отечество и свой собственный языкъ. »

— « О, что касается до нашего языка, то конечно, теперь онъ въ модѣ; а дай только войнѣ кончиться, такъ мы заболтаемъ пуще прежняго по-Французски. Языкъ-то хорошъ, мой милый! ври себѣ что хочешь, говори сущій вздоръ, а все кажетса умно. Но я перервалъ тебя. И такъ, твоя Полина. прочтя мое письмо.... »

— « Слегла въ постелю. мой другъ; и хотя послѣ ей стало легче, но когда я сталъ прощаться съ нею, то она ужасно меня перепугала. Представь себѣ: горесть ея была такъ велика, что она не могла даже плакать; почти полумертвая она упала мнѣ на шею! Не пом-

ню, какъ я бросился въ коляску и доѣхалъ до первой станціи.... А, кстати, я тебѣ еще не сказывалъ. Ты писалъ ко мнѣ, что взялъ въ плѣнъ Французскаго Полковника, Графа, Графа.... какъ бишь? »

— « Сеникура. »

— « Да: вѣдь я съ нимъ повстрѣчался верстахъ въ тридцати отъ моей деревни. Въ то время, какъ я перемѣнялъ лошадей, привезли его и нѣсколько другихъ плѣнныхъ Офицеровъ, на почтовой дворъ. Зная твое пристрастіе къ Французамъ, я не очень тебѣ вѣрилъ; но, признаюсь, на этотъ разъ твои похвалы были даже слишкомъ умѣренны. Подлинно, молодецъ!... Разрубленная голова его была вся въ перевязкахъ, и не смотря на это, я не могъ налюбоваться на его прекрасную и благородную физіономію. Когда я узналъ, что онъ тотъ самый Полковникъ, котораго ты угощалъ на своемъ бивакѣ, то, разумѣется, сталъ его разспраши-

вать о тебѣ, и хотя отъ боли и усталости онъ едва могъ говорить, но отвѣчалъ весьма подробно на всѣ мои вопросы. Положеніе его было ужасно: онъ чувствовалъ сильную лихорадку, которая могла превратиться въ смертельную болѣзнь, если-бъ его оставили безъ помощи. Я уговорилъ конвойнаго Офицера сдать его на руки Капитанъ-Исправнику, который, по моей просьбѣ, взялся отвезти его въ деревню къ будущей моей тещѣ. Въ нашемъ уѣздномъ городкѣ было бы ему несравненно хуже. »

— « Разумѣется. Да знаешь ли что? Я позабылъ къ тебѣ написать. Кажется, онъ знакомъ съ семействомъ твоей Цолины; по-крайней-мѣрѣ, онъ мнѣ сказывалъ, что года два тому назадъ, въ Парижѣ, познакомился съ какой-то Русской барыней, также Лидиной, и ѣздилъ часто къ ней въ домъ. Тогда онъ былъ еще женатъ. »

— « Такъ онъ вдовецъ? »

— « Да: жена его умерла за нѣсколько мѣсяцевъ до этой кампаніи. Но кой чортъ?... что это? »

Надъ головою Зарѣцкаго прожужжала пуля; въ слѣдъ за нею свистнула въ двухъ шагахъ другая.

— « Что это? Французы съ ума сошли! » сказалъ Рославлевъ. « Да въ кого они стрѣляютъ?... Ну, видно у нихъ много лишняго пороху. »

— « Это шалятъ на цѣпи, » перервалъ Зарѣцкой; « и вѣрно задираютъ наши. Пойдемъ, братецъ! » продолжалъ онъ, вставая, « посмотримъ, что тамъ эти озарники дѣлаютъ. »

Отойдя нѣсколько шаговъ отъ своего бивака, они подошли къ мѣлкому кустарнику, въ которомъ протянута была наша передовая цѣпь; шагахъ въ пятидесяти отъ нея стояли Французскіе часовые; позади ихъ пылали огни непріятельскаго авангарда, а вдали, вокругъ Дорогобужа, по всему про-

странству небосклона, разстилалось широкое зарево. Въ непріятельскомъ авангардѣ было все тихо; но тамъ, гдѣ безчисленные огни сливались въ одну необозримую пламенную полосу, гремѣла музыка, и отъ времени до времени раздавались веселые крики пирующаго непріятеля.

Когда они подошли къ передовой цѣпи, то все уже опять успокоилось. Почти всѣ часовые, разставленные попарно въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, наблюдали глубокое молчаніе. Ночь была пасмурна, и сѣрыя шинели солдатъ сливались совершенно съ темной зеленью кустовъ, среди которыхъ они стояли. Изрѣдка только непріятельскіе огни отражались на блестящихъ штыкахъ ихъ ружьевъ, и вызывали Французскихъ часовыхъ на перестрѣлку, почти всегда безполезную, но которая не менѣе того тревожила иногда всю передовую линію нашего аріергарда.

Нѣсколько уже минутъ Зарѣцкой и

Рославлевъ шли вдоль цѣпи, не говоря ни слова. Вдругъ Зарѣцкой приложилъ къ губамъ палецъ и сказалъ шепотомъ Рославлеву: « тсъ! тише, братецъ! »

— « Что ты? » спросилъ Рославлевъ также въ полголоса.

— « Постой!... Такъ точно.... вотъ, кажется, за этимъ кустомъ говорятъ межъ собой наши солдаты.... пойдемъ поближе. Ты не можешь себѣ представить, какъ иногда забавны ихъ разговоры, а особливо когда они увѣрены, что никто ихъ не слышитъ. Мы привыкли видѣть ихъ во фрунтѣ, и думаемъ, что они вовсе не разсуждаютъ. Послушай-ка, какіе есть между ими политики — умора да и только! Но тише!... Не шуми, братецъ! »

Они подошли потихоньку къ двумъ часовымъ, которые, опираясь на свои ружья, въ полголоса разговаривали между собою. « Смотри-ка, братъ! » сказалъ одинъ изъ нихъ. « Ну, что за народъ эти Французы, и огонька-то раз-

ложить порядкомъ не умѣютъ. Видишь — тамъ, какой костеръ запалили?... Экъ они навалили бревенъ-то, проклятые! »

— « Да вѣдь лѣсъ-то, не ихъ, братецъ,» отвѣчалъ другой часовой; «такъ чего имъ жалѣть? »

— « Какъ чего? Не всежъ имъ идти впередъ: пойдутъ назадъ; а какъ теперь все выжгутъ, такъ и самимъ послѣ будетъ жутко. »

— « Да что это, Федотовъ, мы все идемъ назадъ, а они впередъ?... »

— « Видно такъ надобно. »

— « Ужъ нѣтъ ли, братъ, измѣны какой?... »

— « Нѣтъ, братецъ! ты этаго дѣла не смыслишь: мы ратируемся. »

— « Вотъ что! »

— « Ну, да! пусть себѣ идутъ впередъ. Теперь они сгоряча такъ и лѣзутъ, а какъ пройдутъ сотенки три, четыре верстъ, такъ уходятся. Ну,

знаешь, отсталыхъ будетъ много, по сторонамъ разбредутся, а мы тутъ-то и нагрянемъ. Понимаешь?... »

— « То есть, врасплохъ?... Разумѣю. А что, Федотовъ, вѣдь надо сказать правду: эти Французы бравые ребята. Вотъ хоть сегодня, досталось намъ на орѣхи: правда и мы пощелкали ихъ порядкомъ, да они себѣ и въ усъ не дуютъ? Ахъ, чортъ побери! Что за диковинка! Люди мѣлкіе, поджарые, ну, взглянуть не на что, а какъ дерутся!... »

— « Да, братецъ, конечно; народъ азартной, а не сдобровать имъ. »

— « Право? »

— « Ужъ я тебѣ говорю. Да и чему быть?... Порядку вовсе нѣтъ. Я бывалъ у нихъ въ полону, такъ насмотрѣлся. Ну ужъ вольница! Въ грошъ не ставятъ своихъ Командировъ; а передъ Фельдфебелемъ и фуражки не ломаютъ. Нашъ братъ не спрашиваетъ: за чѣмъ то, за чѣмъ другое? Идетъ, куда ведутъ, да и дѣло съ концемъ;

а они такъ нѣтъ: у всякаго свой царь въ головѣ; да добро бы кто нибудь? а то иной барабанщикъ, и тотъ наровитъ своего Генерала за поясъ заткнуть. А ужъ скорохваты какіе.... батюшки свѣты! Алонъ, алонъ! вотъ такъ сначала и задорятся! И что говорить, конечно, накороткѣ хоть кого оборвутъ, а какъ дѣло пойдетъ въ оттяжку, такъ нѣтъ, братъ, не жди пути!... »

— « Правда ли, Федотовъ — сегодня наши ребята болтали, — что Англія съ нами? »

— « Говорятъ такъ. Вотъ это, братецъ, народъ! »

— « А ты почему знаешь? »

— « Я еще, любезный, до салдатства былъ съ моимъ бариномъ въ ихъ главномъ городѣ. Ну, городокъ! больше Москвы; народъ крупный, здоровый; постоитъ за себя! А какъ, братъ, дерутся въ кулачки, такъ я тебѣ скажу!... У барина былъ тамъ другой слуга, изъ тамошнихъ; онъ мароко-

валъ немного по Русски, такъ все мнѣ показывалъ и толковалъ. Вотъ, однажды, повелъ онъ меня въ ихъ судъ — ужъ наглядѣлся я! Всѣ, знаешь, сидятъ такъ чинно, а Судьи говорятъ. Товарищъ мнѣ все по нашему пересказывалъ. Вотъ вдругъ одинъ Судья—такой растрепанный, всталъ и сказалъ: « быть войнѣ. » Какъ вскочитъ другой Судья, да закричитъ: « такъ врешь, не быть войнѣ. » И пошли, и пошли! то тотъ, то другой; ужъ они говорили, говорили, а другіе-то все слушаютъ, да вдругъ, нѣтъ нѣтъ, и закричатъ: « гиръ, гиръ, гиръ!... « Знатно, братецъ! »

— « Куда ты, братъ, Федотовъ, всего наглядѣлся, подумаешь! »

— « Да, любезный, дѣло бывалое: и тамъ и сямъ, и въ другихъ – прочихъ земляхъ бывали; кому другому, а намъ не въ диковинку.... ходили въ походъ и въ Нѣмецію. То-то сытная земля и народъ ласковый? Поразговоришься съ

хозяиномъ, такъ все дастъ. Бывало, войдешь въ избу: « ну, здравствуй, камарадъ! » Онъ заговоритъ по-своему; ты скажешь: « добре, добре! « а тамъ и спросишь: бруту, биру, того, другаго; станетъ отнѣкиваться, такъ закричишь: « капутъ! » Вотъ онъ тотчасъ и заговоритъ: « Русишь гутъ! » а ты скажешь: « Нѣмецъ гутъ! » дѣло дойдетъ до шнапсу, и пошли пировать. Захотѣлось выпить по другой, такъ покажешь на рюмку, да скажешь: « нохъ! » анъ глядишь тебѣ и подаютъ другую. вѣдь языкъ-то ихъ не мудренъ, братецъ! »

— « Такъ ты по Нѣмецкому-то знаешь? »

— « Мало ли что мы знаемъ! Эхъ, Ваня! какъ-бы не чарочка сгубила молодца, такъ я давно бы былъ ужъ Унтеромъ. »

— « Постой-ка, Федотовъ! » сказалъ другой часовой, поднимая свое ружье. « Посмотри, что это тамъ за Француз-

ской цѣпью противъ огонька мелькнуло? Какъ будтобъ верховой.... вонъ опять!... видишь ? »

— « Вижу , » отвѣчалъ Федотовъ. « Какой нибудь Французской Офицеръ объѣзжаетъ передовую цѣпь. »

— « Не спѣшить ли его ? » шепнулъ второй часовой , взводя курокъ.

— « Погоди , погоди !... Его опять не видно. Что даромъ-то патроны терять ! Дай ему поровняться противъ огонька. »

Чрезъ полминуты , Кавалеристъ , въ Драгунской каскѣ , заслонивъ собою огонь ближайшаго непріятельскаго бивака , остановился позади Французской цѣпи, и всадникъ, вмѣстѣ съ лошадью, явственно отпечатались на огненномъ полѣ пылающаго костра.

— « Ну вотъ , теперь! » сказалъ, прикладываясь , второй часовой.

— « Постой , постой , братецъ! Спугнёшь ! » перервалъ Федотовъ. « Ты и

въ мишень плохо попадаешь; дай-ка мнѣ!»

— «Ну, ну, стрѣляй! посмотримъ твоей удали.»

Федотовъ прицѣлился; вдругъ смуглыя лица обоихъ солдатъ освѣтились, раздался выстрѣлъ и непріятельской Офицеръ упалъ съ лошади.

— «Ай, да молодецъ!» сказалъ Зарѣцкой, сдѣлавъ шагъ впередъ; но въ тужъ самую минуту, вдоль непріятельской линіи, раздались ружейные выстрѣлы, пули засвистали межъ кустовъ и кто-то, схвативъ за руку Рославлева, сказалъ: «Не стыдно ли тебѣ, Владиміръ Сергѣевичь, такъ дурачиться? Ну что за радость, если тебя убьютъ, какъ простаго солдата? Офицеръ долженъ желать, чтобъ его смерть была на что нибудь полезна Отечеству.»

— «Кто вы?» спросилъ съ удивленіемъ Рославлевъ. «Вашъ голосъ мнѣ знакомъ; но здѣсь такъ тёмно....»

— «Пойдемъ къ твоему биваку.»

Наши пріятели, не говоря ни слова, пошли въ слѣдъ за незнакомымъ. Когда они стали подходить къ огнямъ, то замѣтили, что онъ былъ въ военномъ сюртукѣ съ Штабъ-Офицерскими эполетами. Подойдя къ биваку Зарѣцкаго, онъ повернулся и сказалъ веселымъ голосомъ: « ну, теперь узнаешь ли ты меня? »

— « Возможно ли! » Это вы, Ѳедоръ Андреевичь? вскричалъ съ радостію Рославлевъ, узнавъ въ незнакомомъ пріятеля своего, Сурскаго.

— « Ну, вотъ видишь ли, мой другъ! » продолжалъ Сурской, обнявъ Рославлева, « я не обманулъ тебя, сказавъ, что мы скоро съ тобой увидимся. »

— « Такъ вы опять въ службѣ? »

— « Да, я служу при главномъ Штабѣ. Я очень радъ, мой другъ, что могу первый тебя поздравить и порадовать твоихъ товарищей, » прибавилъ Сурской, взглянувъ на Офицеровъ, которые толпились вокругъ бивака, на-

дѣясь услышать что нибудь новое отъ Полковника, пріѣхавшаго изъ главной квартиры.

— « Поздравить? съ чѣмъ? » спросилъ Рославлевъ.

— « Съ Георгіевскимъ крестомъ. Я сегодня самъ читалъ объ этомъ въ приказахъ. Но прощай, мой другъ! Мнѣ надобно еще поговорить съ твоимъ Генераломъ и потомъ ѣхать назадъ. До свиданья! надѣюсь, мы скоро опять увидимся. »

Казалось, эта новость обрадовала всѣхъ Офицеровъ; одинъ только молодой человѣкъ, закутанный въ короткой плащъ безъ воротника, не поздравилъ Рославлева; онъ поглаживалъ свои черные, съ большимъ искуствомъ закрученные къ верху, усы, и не старался ни мало скрывать насмѣшливой улыбки, съ которою слушалъ поздравленія другихъ Офицеровъ. « Посмотри, братецъ, » шепнулъ Зарѣцкой своему пріятелю, « какъ весело Князю Блестки-

ну, что тебѣ дали Георгія: у него отъ радости языкъ отнялся. »

— « И, Александръ! » отвѣчалъ въ полголоса Рославлевъ. « Какое мнѣ до этаго дѣло! »

— « Куда, подумаешь, какъ зависть безобразитъ человѣка: онъ недуренъ собою, а смотри, какая теперь у него рожа. »

— « Да что тебѣ за охота разсматривать физіономію этаго фанфарона? »

— « Постой, братецъ, я пойду, поговорю съ нимъ вмѣстѣ. Что ты такъ нахмурился, Князь? » продолжалъ Зарѣцкой, подойдя къ Офицеру, закутанному въ плащѣ.

— « Кто? я? » сказалъ Князь Блесткинъ. Ничего, братецъ, такъ!...

— « Ужъ не досадно ли тебѣ?

— « Что такое?... Вотъ вздоръ какой! Я думалъ только теперь, какъ выгодно быть въ военное время Адъютантомъ. »

— « Право ? »

— « Какъ же, братецъ ! Адьютантъ можетъ дать при случаѣ весьма полезный совѣтъ своему Генералу ; на примѣръ: не стоять подъ картечными выстрѣлами ; а какъ за полезный совѣтъ даютъ Георгія.... »

— « То ты вѣрно его получишь, » перервалъ Зарѣцкой. « Ступай скорѣе въ Адьютанты. »

— « Что ты хочешь этимъ сказать ? » спросилъ гордо Блесткинъ.

— « А то, что Рославлевъ не совѣтовалъ, а дрался, и подъ Смоленскомъ ходилъ въ атаку съ полкомъ, въ которомъ ты служишь. »

— « Я что-то этаго не помню. »

— « Да какъ тебѣ помнить ? Ты въ началѣ сраженія получилъ контузію и лежалъ замертво въ обозѣ. »

— « Послушай, Зарѣцкой ! этотъ насмѣшливый тонъ !... Ты знаешь, я шутокъ не люблю. »

— « Какъ не знать? Вѣдь ты ужасный дуелистъ. »

— « Я надѣюсь, никто не осмѣлится сказать.... »

— « Чтобъ ты не былъ прехрабрый Офицеръ? Боже сохрани! Я скажу еще больше: ты ужасный патріотъ, и такъ сердитъ на Французовъ, что видѣть ихъ не хочешь »

— « Полно-те, господа, остриться, » перервалъ бригадный адъютантъ, Вельской, который уже нѣсколько времени слушалъ ихъ разговоръ. « А сѣдлайте-ка лошадей: сей-часъ въ походъ. »

— « Вотъ тебѣ разъ! » вскричалъ Рославлевъ; « а мы не успѣли и поужинать. »

— « Охъ, этотъ фанфаронишка! » сказалъ въ полголоса Зарѣцкой. « Какъ бы я желалъ поговорить съ нимъ въ восьми шагахъ.... »

— « Перестань, братецъ! Какъ тебѣ не стыдно? » перервалъ Рославлевъ. »

Развѣ въ военное время можно думать о дуеляхъ?

Всѣ Офицеры, кромѣ Блесткина, разошлись по своимъ бивакамъ. « Вы шутите очень забавно, » сказалъ онъ, подойдя къ Зарѣцкому; « но я не желалъ бы остаться у васъ въ долгу.... »

— « А что угодно Вашему Сіятельству? » спросилъ съ низкимъ поклономъ Зарѣцкой.

— « Кажется, этаго пояснять не нужно.... »

— « А, понимаю! Вамъ угодно со мною драться? Извините, Ваше Сіятельство! теперь, право, некогда; послѣ, если прикажете. »

— « Расчетъ не дуренъ! » сказалъ съ презрительной улыбкою Блесткинъ; « то есть: вы подождете, пока меня убьютъ?...

— « Помилуйте! да этаго вѣкъ не дождешься. »

— « Я презираю ваши глупыя насмѣшки и повторяю еще разъ, что если

вы знаете, что такое честь — въ чемъ однакожъ я очень сомнѣваюсь.... »

Лице Зарѣцкаго вспыхнуло: онъ схватилъ Блесткина за руку; но Рославлевъ не далъ ему выговорить ни слова. « Постойте, господа! » вскричалъ онъ. « Если ужъ непремѣнно надобно кому-нибудь драться, такъ—извините, Князь — вы деретесь не съ нимъ, а со мною. Ваши дерзкія замѣчанія на счетъ полученной мною награды, вызвали его на эту непріятность; но, такъ какъ я обиженъ прежде.... »

— « Нѣтъ, Владиміръ, перервалъ Зарѣцкой, » я не уступлю тебѣ удовольствія — проучить этаго обознаго героя.... »

— « Фи, Александръ! приличенъ ли этотъ тонъ между Офицерами! »

— « Но я хочу непремѣнно.... »

— « Послѣ меня, Зарѣцкой; прошу тебя! »

— « Позвольте мнѣ прекратить этотъ великодушный споръ, » сказалъ на-

смѣшливо Блесткинъ. « Я начну съ васъ, господинъ Рославлевъ.... но когда же? »

— « При первомъ удобномъ случаѣ. »

— « То есть, не прежде окончанія кампаніи? »

— « О, не безпокойтесь! это будетъ скорѣе, чѣмъ вы думаете. »

— « Посмотримъ, » сказалъ, уходя Блесткинъ. Не забудьте однакожъ, что я не люблю дожидаться, и найду, можетъ быть, средство поторопить васъ весьма непріятнымъ образомъ. »

— « Наглецъ! » вскричалъ Зарѣцкой, схватившись за свою саблю.

— « И полно, Александръ! Не горячись! Ты увидишь, какъ я проучу этаго фанфарона; а межъ тѣмъ вели-ка сѣдлать нашихъ лошадей. »

Черезъ нѣсколько минутъ приказали снимать потихоньку передовую цѣпь; огни были оставлены на своихъ мѣстахъ, и весь аріергардъ, паблюдая

глубокую тишину, выступилъ въ походъ по большой Московской дорогѣ.

ГЛАВА IV.

14-го числа Августа, наши войска, преслѣдуемыя непріятелемъ, шли, почти не останавливаясь, цѣлыя сутки. По всѣмъ предположеніямъ, большая Русская армія должна была, не смотря на искусные маневры Наполеона, соединиться при Вязьмѣ съ Молдавской арміею, которая спѣшила къ ней на встрѣчу. 15-го числа нашъ аріергардъ, въ виду непріятельскаго авангарда, остановился при деревнѣ Семехахъ. Позади одной Русской колонны, прикрывавшей нашу батарею изъ шести полевыхъ орудій, стоялъ, прислонясь

къ небольшому лѣску, гусарской эскадронъ, которымъ командовалъ Зарѣцкой. Съ правой стороны, шаговъ сто отъ лѣса, въ низкихъ и поросшихъ кустарникомъ берегахъ, извивалась узенькая рѣчка; съ полверсты, вверхъ по ея теченію, видны были: плотина, водяная мѣльница и нѣсколько, разбросанныхъ безъ всякаго порядка, избъ.

— « Тфу пропасть, какъ я усталъ! » сказалъ Зарѣцкой, слѣзая съ лошади. « Авось Французы дадутъ намъ перевести духъ! »

— « Врядъ ли! » возразилъ краснощекой и видной собою гусарской Поручикъ, слѣзая также съ коня. « Мнѣ кажется, они берутъ позицію. »

— « Можетъ быть для того, чтобъ отдохнуть; я думаю, они устали не меньше нашего. Да что ты такъ хмуришься, Пронской? »

— « Чего, братецъ! Я вовсе исковерканъ, точно разбитая лошадь: на-

силу на ногахъ стою. И эти пѣхотинцы еще намъ завидуютъ! Попробовалъ бы кто-нибудь изъ нихъ не сходить съ коня цѣлыя сутки.»

— «Кто это несется съ праваго фланга?» спросилъ Зарѣцкой, показывая на одного Офицера, который проскакалъ мимо передовой линіи на англезированной вороной лошади.

— «Хорошъ же ты, братъ!» сказалъ съ улыбкою Пронской; «не узналъ своего пріятеля: это Князь Блесткинъ.»

— «Ахъ, батюшки! Что онъ такъ суетится?»

— «Такъ ты не знаешь? Нашъ Бригадный Генералъ взялъ его къ себѣ за Адъютанта.»

— «Право? Ну, не съ чѣмъ поздравить Его Превосходительства!»

— «Да и Блесткинъ, я думаю, не больно себя поздравляетъ: Генералъто вовсе не по немъ — молодецъ! Терпѣть не можетъ дуелистовъ; а подъ

картечью раскуриваетъ трубку ; да любитъ, чтобъ и Адъютанты его дѣлали тоже. »

— « Эй, Зашибаевъ ! » вскричалъ Зарѣцкой, « подержи мою лошадь ; а ты, Пронской, побудь при эскадронѣ : я пройду немного впередъ и посмотрю, что тамъ дѣлается. »

Широкоплечій Вахмистръ принялъ лошадь Зарѣцкаго, который, пройдя шаговъ сто впередъ, подошелъ къ батареѣ. Канонеры, раздувая свои фитили, стояли въ готовности подлѣ пушекъ, а командующій орудіями артилерійской Поручикъ и человѣка три пѣхотныхъ Офицеровъ, толпились вокругъ зарядnаго ящика, изъ котораго высокій Фейерверкеръ вынималъ манерку съ водкою, сыръ и нѣсколько хлѣбовъ.

— « Милости просимъ! » сказалъ одинъ толстой Офицеръ въ Капитанскомъ знакѣ. « Не хочешь ли выпить и закусить ? »

— « А, это ты, Зарядьевъ? » отвѣчалъ Зарѣцкой. « Пожалуй, какъ не закусить! Да ты что тутъ хозяйничаешь? Помилуй, Ленской! » продолжалъ онъ, обращаясь къ артиллерійскому Офицеру, « за что онъ меня твоимъ добромъ подчиваетъ? »

— « Нѣтъ, не его, а моимъ, » перервалъ Зарядьевъ. « Я бился съ нимъ о завтракѣ, и выигралъ. Онъ спорилъ со мной, что мы здѣсь остановимся. »

— « А почему ты думалъ, что должны мы здѣсь остановиться? »

— « Да, посмотри-ка, какая славная позиція! Рѣчка, лѣсокъ, кустарникъ для стрѣлковъ. Небось, Французы не вдругъ сунутся насъ атаковать, а мы межъ тѣмъ отдохнемъ. »

— « Врядъ ли! » сказалъ Зарѣцкой, покачивая головою. Посмотри, какъ они тамъ за рѣчкой маневрируютъ.... Вонъ, кажется, потянулась конница.... а прямо противъ насъ.... Ну, такъ и есть. Они ставятъ батарею. »

— « За то взгляни направо къ мѣльницѣ.... Видишь, задымился огонекъ?

— « Такъ чтожъ? »

— « А то, что они сбираются не атаковать насъ, а отдохнуть и пообѣдать; а пока они готовятъ свой супъ, и наши ребята успѣютъ сварить себѣ кашицу. Ну-ка, братъ, выпей! »

— « Такъ ты думаешь, Зарядьевъ, что эту манерку изъ руки у меня ядромъ не вышибетъ? »

— « Небось, пей на здоровье! »

— « Слышали-ль, господа! сказалъ Ленской, « что Князь Блесткинъ попалъ въ Адъютанты къ нашему Бригадному Командиру? »

— « Какъ же! » отвѣчалъ Зарядьевъ; « онъ и прежде не хотѣлъ говорить съ нашимъ братомъ, а теперь, чай къ нему и доступу не будетъ. »

— « Да какъ это ему вздумалось? » продолжалъ Ленской. « Не знаю у кого другаго, а у нашего Генерала шарканьемъ не много возмешь. Да вотъ, кажет-

ся, Его Сіятельство сюда скачетъ. Ну, легокъ на поминѣ! »

— « Господа Офицеры! » сказалъ Блесткинъ, подскакавъ къ батареѣ, » Его Превосходительство приказалъ вамъ быть въ готовности, и если Французы откроютъ по васъ огонь, то сей-часъ отвѣчать. »

— « Слушаю. »

— «Мнѣ кажется» продолжалъ Блесткинъ, посмотрѣвъ съ важностію вокругъ себя, « зарядные ящики стоятъ слишкомъ близко отъ орудій. »

— « Это уже не ваша забота, господинъ Блесткинъ! » отвѣчалъ хладнокровно Ленскій, повернясь къ нему спиною. »

— « О! если такъ,» вскричалъ Блесткинъ съ гордостію, « то я доложу Генералу.... »

— « Въ самомъ дѣлѣ? » перервалъ Ленскій. « Доложите ему, что его Адъютантъ мѣшается тамъ, гдѣ его не спрашиваютъ. »

— « Господинъ Офицеръ ! я совѣтую вамъ....

— « Напрасно безпокоитесь, Ваше Сіятельство!» подхватилъ Зарѣцкой. «Вѣдь за этотъ совѣтъ вамъ Георгія не дадутъ.»

Блесткинъ поблѣднѣлъ отъ досады ; но, не отвѣчая ни слова , пришпорилъ свою лошадь и поскакалъ далѣе.

— « Эхъ, Ленской!» сказалъ толстый Капитанъ, « что ты не далъ ему побариться ? Тебя бы отъ этаго не убыло , а мы бы посмѣялись.

— « Прошу покорно!» прервалъ Ленской, «вздумалъ меня учить ! И добро бы зналъ самъ службу....»

— « Вѣрно не знаетъ ! » подхватилъ Зарядьевъ. «Вотъ, года три тому назадъ ко мнѣ въ роту попалъ такой-же точно молодчикъ — всѣхъ такъ и загонялъ ! Бывало на словахъ города беретъ , а каку вышелъ въ первый разъ на ученье, такъ и языкъ прильпѣ къ гортани. До

Штабсъ-Капитанскаго чина все въ замкѣ ходилъ.»

— « Поглядите-ка, господа!» сказалъ Ленской; «что тамъ за рѣчкою дѣлается? Французы что-то больно зашевелились.»

Вдругъ густое облако дыма закрутилось на противоположномъ берегу; окрестность дрогнула, и одно ядро съ визгомъ пронеслось надъ головами нашихъ Офицеровъ.

— « Ну, что, Зарядьевъ, сказалъ Зарѣцкой, «видно Французы ужъ отобѣдали ? »

— « По мѣстамъ, господа!» закричалъ Зарядьевъ пѣхотнымъ Офицерамъ , которые спокойно завтракали , сидя на пушечномъ лафетѣ. « Зарѣцкой, » продолжалъ онъ, «пойдемъ къ намъ въ колонну — до васъ еще долго дѣло не дойдетъ. »

— « Черезъ орудіе — ядрами ! » скомандовалъ громкимъ голосомъ Ленской. « Живѣй, ребята ! »

Зарѣцкой и Зарядьевъ подошли къ колоннѣ; Капитанъ сталъ на свое мѣсто. Ударили походъ. Одна рота отдѣлилась отъ прикрытія, выступила впередъ, разсыпалась по кустамъ, вдоль рѣчки, и съ обѣихъ сторонъ началась жаркая ружейная перестрѣлка, заглушаемая по временамъ непріятельской и нашей канонадою, которая становилась часъ отъ часу сильнѣе.

— « Ну, видно мы сегодня поработаемъ! » замѣтилъ Зарядьевъ. « Посмотрите-ка впередъ, какія тянутся густыя колонны по большой дорогѣ. »

— « Здравствуй, Александръ! » сказалъ Рославлевъ, подъѣхавъ къ Зарѣцкому. « Что ты здѣсь дѣлаешь ? »

— « Да такъ, братецъ! пришелъ посмотрѣть. Мой эскадронъ стоитъ вонъ тамъ, подлѣ лѣса, откуда ничего невидно. А ты какъ сюда попалъ ? »

— « Ѣздилъ съ приказаніями на правой флангъ. Кажется, дѣло будетъ не на шутку. »

— « А что ? »

— « Приказано не только удерживать позицію , но перебросить черезъ рѣчку нашихъ стрѣлковъ, и стараться всячески опрокинуть первую непріятельскую линію. »

— « Слава Богу! наслу-то и мы будемъ атаковать. А то , повѣришь ли , какъ надоѣло? Toujours sur la défensive — тоска да и только. Ого!... кажется, приказаніе ужъ исполняется?.. Видишь, какъ подбавляютъ у насъ стрѣлковъ?.. Чортъ возьми! да это батальный огонь, а не перестрѣлка. Чтожъ это Французы не усиливаютъ своей цѣпи?... Смотри , смотри !... ихъ сбили.... они бѣгутъ.... вонъ ужъ наши на той сторонѣ... Ай да молодцы!.. »

— « Вся колонна впередъ — маршъ! » скомандовалъ Полковникъ.

— « Ну , прощай покамѣстъ , Александръ ! » сказалъ Рославлевъ.

— « Что за прощай , братецъ ! До свиданья ! Куда ты ? »

— « На лѣвой флангъ къ моему Генералу. »

Вся наша передовая линія подалась впередъ; батареи также подвинули, и сраженіе закипѣло съ новой силою.

— « Ну, какая идетъ тамъ жарня! » сказалъ Зарядьевъ, смотря на противуположный берегъ рѣчки, подернутый густымъ дымомъ, сквозь котораго прорывались безпрестанно яркія огоньки. « Не надолго нашихъ двухъ ротъ станетъ. Да что съ тобой, Сицкой, сдѣлалось? » продолжалъ онъ, обращаясь къ одному молодому Прапорщику. « На тебѣ лица нѣтъ! Помилуй, развѣ ты въ первый разъ въ дѣлѣ? »

— « Мой братъ въ стрѣлкахъ! » отвѣчалъ молодой Офицеръ.

— « Такъ чтожъ? »

— « А наша рота еще нейдетъ. »

— « Не безпокойся, дойдетъ дѣло и до вашей роты. »

— « Но, братъ мой!.. »

— « И, Сицкой! Богъ милостивъ — воротится. »

— « Врядъ ли воротится, » перервалъ грубымъ голосомъ одинъ высокой Офицеръ, съ непріятной и даже отвратительной физіономіею. « Тамъ что-то больно жарко. »

— « Въ самомъ дѣлѣ? Вы думаете?... спросилъ съ безпокойствомъ молодой Офицеръ.

— « Да что за диковинка? Натурально, его убьютъ скорѣе въ стрѣлкахъ, чѣмъ меня, здѣсь въ колоннѣ. »

— « Какъ тебѣ не стыдно! » сказалъ въ полголоса Зарядьевъ. « Ты знаешь, какъ онъ любитъ своего брата. »

— « Вотъ еще какія нѣжности!... У меня и двухъ братьевъ убили, да я... »

Высокой Офицеръ не докончилъ начатой фразы: непріятельское ядро, вырвавъ два ряда солдатъ, раздробило ему черепъ.

— « Сомкнись! » скомандовалъ Зарядьевъ. Солдаты придвинулись другъ къ

другу. Еще нѣсколько ядеръ пролетѣло черезъ колонну.

— « Эй, вы ! » закричалъ Зарядьевъ : «стоять смирно! Ну! начали кланяться, дурачье ! Тотчасъ узнаешь рекрутъ , » продолжалъ онъ, обращаясь къ Зарѣцкому. «Обстрѣленный солдатъ отъ ядра не пошевелится... Кто тамъ еще отвѣсилъ поклонъ?»

— « Нефедьевъ , Ваше Благородіе ! » отвѣчалъ Унтеръ-Офицеръ.

— « Такъ и есть — рекрутъ ! Эй ты, Нефедьевъ! за чѣмъ нагибаешь голову?»

— « Ядро, Ваше Благородіе.»

— « А какое тебѣ до него дѣло, болванъ ? Чего ты боишься.»

— « Убьетъ, Ваше Благородіе!»

— « Убьетъ, дуралей! Слушай команды , а убьетъ — не твоя бѣда. Ахти ! никакъ это ведутъ Капитана третьей роты ? Ну, видно его порядкомъ зацѣпило ! »

Два солдата подвели къ колонѣ Офицера, обрызганнаго кровью ; онъ едва

могъ переступать, и переводилъ духъ съ усиліемъ.

— « Вы ранены? » сказалъ Полковникъ.

— « И, кажется, смертельно!» отвѣчалъ едва слышнымъ голосомъ Капитанъ.

— « Прикажите подкрѣпить нашихъ стрѣлковъ: Французы одолѣваютъ. »

— « А что Маіоръ?»

— « Убитъ.»

— « А Капитанъ Бѣловъ?»

— « Убитъ.»

— « А братъ мой? » спросилъ робко Сицкой.

— « Убитъ.»

— « Убитъ!» повторилъ молодой Офицеръ, поблѣднѣвъ какъ смерть. Съ полминуты онъ молчалъ; потомъ вдругъ глаза его засверкали, румянецъ заигралъ въ щекахъ; онъ оборотился къ Полковнику и сказалъ: Степанъ Николаевичъ! сдѣлайте милость — Бога ради! позвольте мнѣ въ стрѣлки.»

— « Хорошо, ступайте съ первой ротою, » сказалъ Полковникъ, взглянувъ съ примѣтнымъ состраданіемъ на молодаго Офицера. « Вторая и первая рота въ стрѣлки! — Зарядьевъ! вы примите команду надъ всей нашей цѣпью.... Барабанщикъ — походъ! »

— « Становись! » скомандовалъ Зарядьевъ. « Да, смотри, у меня въ воробьевъ не стрѣлять! Мѣтить въ полчеловѣка! Перекрестись! Ну, ребята, съ Богомъ — маршъ!—Прощай, Зарѣцкой! »

— « Прощай, братецъ! Я также отправляюсь къ моему эскадрону. Можетъ быть, и до насъ дѣло скоро дойдетъ. »

Уже болѣе пяти часовъ продолжалось сраженіе; нѣсколько разъ стрѣлки наши, то сбивали непріятельскую цѣпь и дрались на противуположномъ берегу рѣчки; то, прогоняемые на нашу сторону, продолжали перестрѣлку въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колоннъ своихъ. Канонада не умолкала ни на минуту съ обѣихъ

сторонъ ; но наша и непріятельская конница оставались въ бездѣйствіи. Въ то самое время , какъ Зарѣцкой начиналъ думать , что на этотъ разъ эскадронъ его не будетъ въ дѣлѣ , которое, повидимому, не могло долго продолжаться , подскакалъ къ нему Рославлевъ. « Ну , Александръ ! » сказалъ онъ , « съ Богомъ ! Тебѣ велѣно переправиться черезъ рѣчку и атаковать съ фланга непріятельскихъ стрѣлковъ. »

— « Насилу о насъ вспомнили ! . . . Фланкеры! осмотрѣть пистолеты! Сабли вонъ. »

— « Ты долженъ прикрывать отступленіе стрѣлковъ третьей колонны, » продолжалъ Рославлевъ. « Имъ становится ужъ больно тяжело. Бѣдняжки дерутся часовъ пять сряду. »

— « Живъ ли нашъ пріятель Зарядьевъ ? Вѣдь онъ, кажется, ими командуетъ ? »

— « А вотъ сей часъ узнаю : я ѣду къ нему съ приказаніемъ , чтобъ онъ

понемногу отступалъ къ нашей передовой линіи. Смотри, Александръ, налети соколомъ, чтобъ эти Французы не успѣли опомниться и дали время Зарядьеву убраться по-добру по-здорову на нашу сторону.»

— « А вотъ, что Богъ дастъ. По три на лѣво заѣзжай — рысью — маршъ ! »

Зарѣцкой съ своимъ эскадрономъ принялъ направо, а Рославлевъ пустился прямо черезъ плотину, вдоль которой свистѣли непріятельскія пули. Подъѣхавъ къ мѣльницѣ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что между ею и мучнымъ амбаромъ построеннымъ также на плотинѣ, прижавшись къ стѣнкѣ, стоялъ какой-то Кавалерійской Офицеръ на вороной лошади. Удивленіе его исчезло, когда онъ узналъ въ этомъ храбромъ воинѣ — Князя Блесткина.

— « Что вы, сударь, здѣсь дѣлаете?» спросилъ Рославлевъ, остановя свою лошадь.

— « Ахъ! это вы?» вскричалъ Блесткинъ съ самой вѣжливой улыбкою.

— « Да, сударь, это я. А вы зачѣмъ здѣсь?»

— « Меня послалъ Генералъ взглянуть что дѣлается въ передовой цѣпи.»

— « И вы для этаго спрятались за этотъ амбаръ? Не много вы отсюда увидите.»

— « Чтожъ мнѣ дѣлать съ этой проклятой лошадью ?» сказалъ Блесткинъ. « Она не хочетъ ни впередъ идти , ни стоять на плотинѣ.»

Онъ далъ шпоры своему Англійскому жеребцу, который въ самомъ дѣлѣ запрыгалъ на одномъ мѣстѣ, и, казалось, не хотѣлъ никакъ отойти отъ стѣны.

— « Ну вотъ видите ?»

— « Да, я вижу,» перервалъ Рославлевъ, «что вы изо всей силы тянете ее за мундштукъ; но дѣло не въ томъ: я очень радъ , что васъ встрѣтилъ. Вы , кажется , вчера вызывали меня на дуель ? »

— « Неужели ?... Можетъ быть, я погорячился.... но я, право не помню. »

— « Да я не забылъ. Выѣзжайте, сударь, на плотину. »

— « Помилуйте ! что вы хотите дѣлать ? »

— « Ничего. Я хочу вамъ показать, какого рода дуели позволительны въ военное время. Ну, чтожъ ? долго ли мнѣ дожидаться ? Да ослабьте поводья, сударь ! она пойдетъ.... Послушайте, Блесткинъ ! Если ваша лошадь не перестанетъ упрямиться, то я сегодня же скажу Генералу, какъ вы исполняете его приказанія. »

— « Однакожъ, господинъ Рославлевъ, » сказалъ Блесткинъ, выѣхавъ на плотину, « позвольте вамъ замѣтить: этотъ начальническій тонъ.... »

— « Не о тонѣ рѣчь, сударь. Вы посланы къ стрѣлкамъ, я также: не угодно ли вамъ прогуляться со мною по нашей цѣпи. »

— « Помилуйте ! мы оба верхами. »

— « Такъ чтожъ? »

— « Всѣ непріятельскіе стрѣлки станутъ въ насъ мѣтить. »

— « Въ томъ-то и дѣло. Вѣдь вы сами вызвали меня на дуель. Правда мы не будемъ стрѣлять другъ въ друга; но это ничего: за насъ постараются Французы. »

— « Помилуйте, что это за дуель? »

— « Мнѣ нѣкогда вамъ доказывать, что этотъ поединокъ стоитъ того, который вы мнѣ вчера предлагали. Извольте ѣхать. »

— « Но, господинъ Рославлевъ.... »

— « Ни слова болѣе! или я стану вездѣ и при всѣхъ называть васъ трусомъ. Мнѣ кажется, ваша лошадь не очень боится шпоръ. Позвольте! » Рославлевъ ударилъ нагайкою лошадь Блесткина, и выскакалъ вмѣстѣ съ нимъ на другой берегъ рѣчьки.

Передъ ними открылось обширное поле, усыпанное Французскими и нашими стрѣлками; густыя облака ды-

ма стлались по землѣ; вдали на возвышенныхъ мѣстахъ, двигались непріятельскія колонны. Пули летали по всѣмъ направленіямъ, жужжали какъ пчелы, и не прошло полминуты, одна пробила на вылетъ фуражку Рославлева, другая оторвала часть воротника Блесткиной шинели.

— « Впередъ, сударь, впередъ!» кричалъ Рославлевъ, понукая нагайкою лошадь несчастнаго Князя, который, блѣдный какъ полотно, тянулъ изо всей силы за мундштукъ. « Прошу не отставать; вотъ и наша цѣпь. Эй, служба!» продолжалъ онъ, подзывая къ себѣ солдата, который заряжалъ ружье, « гдѣ Капитанъ Зарядьевъ? »

— « Вонъ въ этихъ кустахъ, Ваше Благородіе! »

— « Позови его сюда. А мы съ вами, господинъ Блестникъ, остановимся здѣсь, на этомъ бугоркѣ; отсюда и мы будемъ примѣтнѣе, и намъ будетъ все виднѣе. »

— « Помилуйте, Рославлевъ! » вскри-

чалъ отчаянным голосомъ Блесткинъ, « за что же вы хотите сдѣлать изъ насъ цѣль для Французовъ ? »

— « Ого, господинъ дуелистъ! вы трусите ? Постойте, я васъ отучу храбриться не кстати. Куда, сударь, куда ? » продолжалъ Рославлевъ, схвативъ за поводъ лошадь Блестника. « Я не отпущу васъ, пока не заставлю согласиться со мною, что одни ничтожные фанфароны говорятъ о дуеляхъ въ военное время. »

— « Я не спорю.... можетъ быть.... »

— « Нѣтъ, постойте! не можетъ быть; я вамъ докажу это. »

— « Боже мой ! посмотрите, въ насъ цѣлятъ. »

— Такъ чтожъ ? Пускай цѣлятъ. Не правда ли, что порядочный человѣкъ и храбрый Офицеръ постыдится вызывать на поединокъ своего товарища въ то время, когда быть раненымъ на дуели есть безчестіе ?... »

— « Ну, хорошо, положимъ, что правда.... »

— « Постойте! Не правда ли, что одному только фанфарону, не понимающему, что такое истинная храбрость, позволительно насмѣхаться надъ тѣмъ, кто отказывается отъ дуели за нѣсколько часовъ до сраженія? »

— « Конечно, конечно... я согласенъ... Боже мой! что это?... »

— « Ничего, это рикошетное ядро. Согласитесь, что тотъ, кто боится умереть въ дѣлѣ противъ непріятеля, ищетъ случая быть раненымъ на дуели для того, чтобъ пролежать спокойно въ обозѣ во время сраженія.... »

Вдругъ, шагахъ въ пяти отъ нихъ, раздался пронзительный свистъ; что-то запрыгало по пенькамъ и кочкамъ, и обрызгало грязью обоихъ Офицеровъ.

— « Это что такое? » вскричалъ съ ужасомъ Блесткинъ.

— « Ничего, это картечь. Согласитесь, что Зарѣцкой долженъ былъ от-

вѣчать однимъ презрѣніемъ на вашъ вызовъ, что ему вовсе не нужно.... »

— « Ахъ, Боже мой! я раненъ! » вскричалъ Блесткинъ.

— « Ничего. Вамъ оцарапало только щеку и оторвало половину уха. Согласитесь, что Зарѣцкому вовсе не нужно было доказывать надъ вами свою храбрость; что онъ.... »

— « Ради Бога, Рославлевъ!... Я на все согласенъ.... »

— « Вотъ, кажется, идетъ Зарядьевъ? Ну, теперь вы можете ѣхать, только постарайтесь встрѣчаться со мною какъ можно рѣже. Я вамъ скажу откровенно: вы мнѣ гадки. Прощайте! »

Рославлевъ выпустилъ изъ рукъ поводья; Блесткинъ пришпорилъ свою лошадь и помчался, какъ изъ лука стрѣла, къ нашимъ резервамъ.

— « Эге! » сказалъ Зарядьевъ, подойдя къ Рославлеву; « кто это далъ отсюда такого стречка? Посмотри-ка, словно птица летитъ. »

— « Это Блестникъ. »

— « Нѣтъ, шутишь? И онъ здѣсь былъ, вмѣстѣ съ тобою? Да развѣ его на арканѣ сюда притащили? »

— « Разумѣется по неволѣ. Я разскажу тебѣ объ этомъ на просторѣ, а теперь изволь-ка убираться отсюда съ своими стрѣлками. »

— « Да, нечего сказать, пора! Насъ порядкомъ поубавилось. Эй! барабанщикъ, сборъ! »

— « Много убито офицеровъ? »

— « Да не осталось и половины. »

— « А что этотъ молодой Прапорщикъ?... Какъ бишь его зовутъ?... Такой милый — скромный.... »

— « Сицкой? »

— « Да. »

— « Вотъ здѣсь въ кустахъ, лежитъ рядышкомъ съ своимъ братомъ.

— « Убитъ? Какъ жаль! »

— « Ну, братецъ, какъ-то Богъ и остальныхъ вынесетъ. Вѣдь какъ мы

начнемъ ретироваться, такъ Французы намъ кланяться не станутъ; посмотри, какіе будутъ проводы. »

— « Не безпокойся! Зарѣцкой съ своимъ эскадрономъ сдѣлаетъ диверсію, и станетъ прикрывать ваше отступленіе.... Вонъ видишь? Онъ заѣзжаетъ во флангъ Французскимъ стрѣлкамъ. »

— « Вижу. А видишь ли ты — немного полѣвѣе?... »

— « Что это? Никакъ непріятельская конница? »

— « Да кажется, что такъ. Нѣтъ, братецъ! Зарѣцкому будетъ не до меня. Дѣлать нечего, пришлось одному отгрызаться. »

Разсыпанные межъ кустовъ и по полю стрѣлки стали сбираться вокругъ барабанщика, и Зарядьевъ, не смотря на сильный непріятельской огонь, командуя какъ на ученьи, свернулъ человѣкъ четыреста оставшихся солдатъ въ небольшую колонну.

« Смотрите, » сказалъ онъ, « слушать команду, равняться, идти въ ногу, а пуще всего не прибавлять шагу. Тихимъ шагомъ — маршъ ! »

Рославлевъ, который ѣхалъ въ головѣ ретирующейся колонны, не спускалъ глазъ съ эскадрона Зарѣцкаго. « Ну, Зарядьевъ ! » сказалъ онъ ; « помоги Богъ нашему пріятелю ! Смотри, смотри ! Вонъ несутся на него Французскіе латники. Боже мой ! да ихъ, кажется, эскадрона два или три ! »

— « Не бойся, братецъ ! бой будетъ равный. Видишь, одинъ эскадронъ принимаетъ направо, прямехонько на насъ. Милости просимъ, господа ! мы васъ поподчиваемъ ! Смотри, ребята ! безъ приказа не стрѣлять ; заднимъ ширенгамъ передавать передней заряженныя ружья ; не торопиться и слушать команды. Господа офицеры ! прошу быть внимательными ! По первому взводу строй каре ! »

Въ одну минуту изъ небольшой гус-

той колонны составилось порядочное каре, которое продолжало медленно подвигаться впередъ. Межъ тѣмъ непріятельская конница, какъ громовая туча, приближалась къ отступающимъ. Не доѣхавъ шаговъ полутораста до каре, она остановилась; раздалась громкая команда Французскихъ Офицеровъ, и весь эскадронъ латниковъ, подобно бурному потоку, ринулся на небольшую толпу безстрашныхъ Русскихъ воиновъ.

— « Погодите, голубчики! » сказалъ Зарядьевъ, « мы васъ шарахнемъ! Каре стой! Въ полъ-оборота налѣво.... первый плутонгъ — клацъ-пли! »

Густое облако дыма скрыло на минуту непріятельскую кавалерію; но, по-видимому, этотъ первый залпъ не очень ее разстроилъ, и когда дымъ разсѣялся, то Французскіе латники были уже не далѣе пятидесяти шаговъ отъ каре. « Третій плутонгъ, » скомандовалъ Зарядьевъ, « клацъ-пли! Пятой плутонгъ клацъ-пли! Я думаю, » продолжалъ онъ, « этаго будетъ съ нихъ довольно. »

Въ самомъ дѣлѣ, когда можно стало различать сквозь дымъ окружные предметы, Рославлевъ увидѣлъ, что непріятельской эскадронъ, совершенно разстроенный, принялъ направо, оставивъ на одномъ мѣстѣ болѣе пятидесяти убитыхъ лошадей и солдатъ.

— « Ну, это дѣло кончено! » сказалъ Зарядьевъ. « Теперь впередъ. Во фрунтъ — маршъ! »

— « Ай-да молодецъ! » вскричалъ Рославлевъ. « Славно отдѣлался! »

— « Отдѣлался, да не совсѣмъ, » перервалъ Капитанъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. « Посмотри-ка! кто это заѣзжаетъ къ намъ въ тылъ. »

— « Еще конница? »

— « То-то и дѣло, что нѣтъ — провалъ бы ее взялъ проклятую! Такъ и есть! конная артиллерія. Слушайте, ребята! если кто хоть на волосъ высунется впередъ — Боже сохрани! Тихимъ шагомъ!... Господа Офицеры!

идти въ ногу!... Лѣвой, правой!... разъ, два!... »

Три ядра, одно за другимъ, прогудѣли надъ головами солдатъ; четвертое попало въ самую средину каре. «Не прибавляй шагу!» закричалъ Зарядьевъ. «Примкни! Передній фасъ ровняйся!... Въ ногу!... Заболтали!... Вотъ я васъ.... Стой!»

Каре остановилось; еще нѣсколько ядеръ выхватило человѣкъ пять изъ задняго фронта, который примѣтнымъ образомъ началъ колебаться. «Не шевелиться!» закричалъ громовымъ голосомъ Зарядьевъ; «а не то два часа продержу подъ ядрами. Унтеръ-Офицеры на линію!... Впередъ—ровняйся! Стой!... Тихимъ шагомъ — маршъ!»

— «Послушай, Зарядьевъ!» сказалъ въ полголоса Рославлевъ, «ты, конечно, хочешь показать свою неустрашимость: это хорошо; но заставлять идти въ ногу, выравнивать фронтъ, дѣлать почти ученье подъ выстрѣлами непрі-

ятельской батареи!... Я не назову это фанфаронствомъ, потому-что ты не фанфаронъ; но, воля твоя, это такой безчеловѣчной педантизмъ....

— « Эхъ, братецъ! убирайся къ чорту съ своими Французскими словами! Я знаю, что дѣлаю. То-то, любезный, ты еще молоденекъ! Когда солдатъ думаетъ о томъ, чтобъ идти въ ногу, да ровняться, такъ не думаетъ о непріятельскихъ ядрахъ. »

— « Положимъ, что такъ; но для чего вести ихъ тихимъ шагомъ? »

— « А ты бы, чай, повелъ скорымъ? Нѣтъ, душенька! отъ скораго шагу до бѣготни не далеко; а какъ побѣгутъ, да нагрянетъ конница, такъ тогда уже поздно будетъ командовать. Однакожъ, взгляни-ка на лѣво: кажется, нашъ пріятель Зарѣцкой дѣлаетъ тоже, что мы. »

Въ самомъ дѣлѣ, Зарѣцкой, атакованный двумя эскадронами латниковъ, послѣ жаркой схватки скомандовалъ

уже : « по три на лѣво кругомъ — заѣзжай ! » какъ дивизіонъ Русскихъ Уланъ подоспѣлъ къ нему на помощь. Въ нѣсколько минутъ непріятельская кавалерія была опрокинута ; но въ тоже самое время, Рославлевъ увидѣлъ, что одинъ Русской Офицеръ, убитый, или раненый, упалъ съ лошади. « Боже мой ! » вскричалъ онъ, « это, кажется Зарѣцкой ? Такъ точно, это его сѣрая лошадь !... »

— « И, братецъ ! » перервалъ Зарядьевъ, « мало ли сѣрыхъ лошадей.... Да постой, куда ты ? »

Но Рославлевъ, не слушая его словъ приударилъ нагайкою свою лошадь и полетѣлъ въ ту сторону, гдѣ происходило кавалерійское дѣло.

Когда Рославлевъ сталъ приближаться къ нашей конницѣ, то непріятельская, подкрѣпленная свѣжими войсками, построилась снова въ боевой порядокъ, и между обѣихъ кавалерійскихъ колоннъ начали разъѣзжать и показывать

свое удальство фланкеры обѣихъ сторонъ. Одинъ Французской конной Егерь, сшибя съ лошади сабельнымъ ударомъ Русскаго Гусара, подскакалъ шаговъ на десять къ Рославлеву и выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета. Сгоряча Рославлевъ едва почувствовалъ, что ему какъ будто-бы обожгло лѣвую руку; онъ подъѣхалъ къ Гусарамъ, и первый Офицеръ, его встрѣтившій, былъ Зарѣцкой.

— « Слава Богу! » вскричалъ Рославлевъ, « ты живъ! А мнѣ показалось издали.... »

— « Да, Владиміръ! я живъ и даже не раненъ; но Поручика моего Французы отправили на тотъ свѣтъ. Жаль! славной былъ малой. Да постой-ка: что у тебя рука? Ты раненъ. »

— « Раненъ? неужели? »

— « Да, и кажется, не на шутку; надобно скорѣй перевязать твою руку. »

— « Сей-часъ прискакалъ съ приказомъ Адъютантъ, » сказалъ Уланской

Ротмистръ, подъѣхавъ къ Гусарамъ. « Намъ велѣно отретироваться за передовую нашу линію. »

— « Эй, Трощенко ! » закричалъ Зарѣцкой, « труби аппель ! Да, кажется, и Французы устали ужъ драться, » продолжалъ онъ, посматривая впередъ ; « ихъ цѣпь начинаетъ очень рѣдѣть, и канонада почти совсѣмъ утихла. »

— « На нашемъ флангѣ утихла, » прибавилъ Уланъ ; « а слышете ли на лѣвомъ какая еще идетъ жарня ? »

Гусарской эскадронъ, примкнулъ къ Уланамъ, переправился, не будучи преслѣдуемъ непріятелемъ, черезъ рѣчку, въ то самое время, какъ Зарядьевъ, потерявъ еще нѣсколько солдатъ, присоединился благополучно къ своей колоннѣ. Зарѣцкой, сдавъ на нѣсколько времени команду старшему по себѣ, проводилъ Рославлева до обоза, расположеннаго въ полуверстѣ отъ нашихъ резервовъ. На каждомъ шагу встрѣчались имъ раненые ; всѣ лѣкаря были

заняты. Прождавъ около четверти часа подлѣ огонька, разложеннаго между фуръ, Зарѣцкой вскричалъ наконецъ съ нетерпѣніемъ: « Да чтожъ это до сихъ поръ не отыщутъ нашего полковаго Лѣкаря? Я боюсь, не раздроблена ли у тебя кость! »

— « А вотъ увидимъ-съ, « сказалъ, подходя къ нимъ, человѣкъ небольшаго роста, съ широкимъ краснымъ лицемъ и прищуренными глазами. « Позвольте-съ! »

— « Насилу пришелъ! » сказалъ Зарѣцкой. « Мы сполчаса тебя дожидаемся. »

— « Сей-часъ, сударь, сей-часъ! Что, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ, и васъ зацѣпило? Эге-ге!... Подлѣ самаго локтя!... Постойте-ка.... Ого-го!... на вылетъ! Ну, изрядно-съ! Да не извольте скидать сюртука; мы лучше распоримъ рукавъ. Эй, Швалевъ! » продолжалъ онъ, обращаясь къ полковому фельдшеру, который стоялъ позa-

ди его съ перевязками, « разрѣжь рукавъ, а я межъ тѣмъ приготовлю инструменты. »

— « А что? » спросилъ Зарѣцкой, развѣ ты думаешь, что надобно будетъ?... »

— « Не могу доложить-съ, » отвѣчалъ лѣкарь, перебирая свой хирургическій портфель; « а врядъ ли дѣло обойдется безъ ампутаціи! Да не безпокойтесь, я взялъ новые инструменты: это минутное дѣло. »

— « Помилуй, братецъ! » вскричалъ Зарѣцкой « что у тебя за страсть рѣзать руки? » Будетъ съ тебя: я думаю, сегодня ты ихъ съ полдюжины отрѣзалъ. »

— « Съ полдюжины?... Нѣтъ, сударь! прошу не прогнѣваться, » возразилъ съ гордостію обиженный Хирургъ; « побольше будетъ полдюжины! Шваленъ! сколько мы сегодня отпилили рукъ? »

— « Одиннадцать, Ваше Благородіе! »

— « Врешь, дуракъ! Двѣнадцать рукъ и три ноги; всего пятнадцать операцій въ одинъ день. Нечего сказать, славная практика-съ! Ну, Владиміръ Сергѣевичь, позвольте теперь. Да не бойтесь,. я хочу только сондировать вашу рану. »

Послѣ минутнаго молчанія, въ продолженіи котораго Зарѣцкой не спускалъ глазъ съ своего друга, лѣкарь объявилъ, что повидимому пуля не сдѣлала никакого важнаго поврежденія. » Ну, Владиміръ Сергѣевичъ, « прибавилъ онъ, » поздравляю васъ! Кажется, вы останетесь съ рукою, а еслибъ на волосокъ пониже, то пришлось бы пилить.... Впрочемъ, это было бы короче — минутное дѣло; да оно же и вѣрнѣе. »

— « Спасибо, Иванъ Ивановичь! » сказалъ улыбаясь Рославлевъ. « Такъ и быть, я ужъ рискну остаться съ рукою. »

— « Какъ угодно-съ. Только я совѣ-

тую вамъ отсюда уѣхать. Во всякомъ случаѣ рана ваша требуетъ частой перевязки, а мы двухъ дней не постоимъ на одномъ мѣстѣ, такъ трудненько будетъ-съ наблюсти акуратность. »

— « Въ самомъ дѣлѣ, » сказалъ Зарѣцкой, « ступай лѣчиться къ своей невѣстѣ. Видишь ли, мое предсказаніе сбылось: ты явишься къ ней съ Георгіевскимъ крестомъ и съ подвязанной рукою. Куда ты счастливъ, разбойникъ! Ну, что за прибыль, если меня ранятъ? Къ кому явлюсь я съ распораннымъ рукавомъ? Передъ кѣмъ стану интересничать? Передъ кузинами и почтенной моей тетушкой? Большая радость!... Но вотъ, кажется, и на лѣвомъ флангѣ угомонились. Пора: черезъ полчаса въ пяти шагахъ ничего не будетъ видно. »

Сраженье прекратилось, и нашъ аріергардъ, отступя версты двѣ, расположился на бивакахъ. На другой день Рославлевъ получилъ увольненіе отъ

своего Генерала, и найдя почтовыхъ лошадей въ Вязьмѣ, доѣхалъ благополучно до Серпухова ; но тутъ онъ долженъ былъ по неволѣ остановиться : рука его такъ разболѣлась, что онъ не прежде двухъ недѣль могъ отправиться далѣе, и наконецъ 26-го Августа, въ день знаменитаго Бородинскаго сраженія, Рославлевъ перемѣнилъ въ послѣдній разъ лошадей, не доѣзжая тридцати верстъ до села Утѣшина.

ГЛАВА V.

Размытая проливными дождями проселочная дорога, по которой ѣхалъ Рославлевъ вмѣстѣ съ своимъ слугою, становилась часъ-отъ-часу тяжелѣ, и не

смотря на то, что они ѣхали въ легкой почтовой телѣжкѣ, усталыя лошади съ трудомъ тащились шагомъ. Солнце уже садилось, послѣдніе лучи его, догорая на ясныхъ небесахъ, золотили верхи холмовъ, покрытыхъ желтой нивою. Позади нашихъ путешественниковъ, и надъ ихъ головами, не было замѣтно ни одного облачка; но душный воздухъ стѣснялъ дыханіе, и впереди, изъ-за густаго лѣса, подымались черныя тучи.

— « Ну, сударь, будетъ гроза! » сказалъ Егоръ, поглядывая робко впередъ. « Посмотрите, какія оттуда лѣзутъ тучи.... Ухъ, батюшки!... одна другой страшнѣе! »

— « Не даромъ сегодня такъ парило, » примолвилъ извощикъ. « Вонъ и ласточки низко летаютъ—быть грозѣ! »

— « А далеко ли еще до Утѣшина? » спросилъ Рославлевъ.

— « Верстъ пятнадцать — поболѣ будетъ. »

— « Только-то? » сказалъ Егоръ.

« Такъ ступай скорѣе: долго ли промахнуть пятнадцать верстъ. »

— « И радъ бы ѣхать, да вишь дорога-то какая. Чему и быть: ужъ съ недѣлю мѣста, дождикъ такъ ливмя и льетъ. »

— « Можетъ быть впереди дорога лучше. »

— « Куда лучше! Версты за три до села, слышь ты, такъ благо, что вовсе проѣзда нѣтъ. »

— « Да нѣтъ ли другой дороги? » спросилъ Рославлевъ.

— « Баютъ, что лѣсомъ есть объѣздъ. Кабы было у кого поспрошать, такъ можно бы; а то дѣло къ ночи: запропастишься такъ, что животу не радъ будешь. »

— « Постой! » вскричалъ Егоръ. « Вонъ тамъ, подлѣ лѣса, ѣдетъ кто-то верхомъ, Догоняй-ка его: можетъ статься онъ здѣшній. »

Ямщикъ приударилъ лошадей, и черезъ нѣсколько минутъ, подъѣхавъ къ ча-

стому сосновому бору, они догнали верхового, который, въ провожаніи двухъ борзыхъ собакъ, ѣхалъ потихоньку опушкой лѣса. « Владиміръ Сергѣичъ! » сказалъ Егоръ, « да это никакъ ловчій Николая Степановича Ижорскаго? Ну, такъ и есть, онъ! Эй, Шурловъ! здравствуй, любезный! »

Охотникъ оглянулся, повернулъ свою лошадь и, подъѣхавъ къ телѣгѣ, вскрикнулъ: « Что это? Ахъ, батюшка, Владиміръ Сергѣичъ, это вы? »

— « Какъ ты сюда заѣхалъ, Архипычъ? за чѣмъ? » спросилъ Егоръ.

— « А вотъ видишь за чѣмъ, » отвѣчалъ Шурловъ, показывая на двухъ зайцовъ, которые висѣли у него въ *торокахъ*. »

— « Ну что, братецъ, все ли у васъ благополучно? » спросилъ съ примѣтной робостію Рославлевъ. « Всѣ ли здоровы?... »

— « Всѣ, слава Богу! батюшка; то есть, Прасковья Степановна и обѣ ба-

рышни; а объ нашемъ баринѣ мы ничего не знаемъ. Онъ изволилъ пойдти въ ополченіе; да и всѣ наши сосѣди — кто уѣхалъ въ дальнія деревни, кто также пошолъ въ ополченіе. Ну, повѣрите-ль, Владиміръ Сергѣичъ, весь уѣздъ такъ опустѣлъ, что хоть шаромъ покати. А осень-та, кажется, будетъ знатная! да такъ — ни за копѣйку пропадетъ: и поохотиться некому. »

— « Послушай, братъ, » перервалъ Егоръ, « гдѣ у васъ объѣздъ лѣсомъ? А то, говорятъ, дорога-то къ селу больно плоха. »

— « Да такъ-то плоха, что и сказать нельзя. Объѣздомъ лучше; а все, какъ станете подъѣзжать къ селу, такъ — не роди мать на свѣтѣ!,.. грязь по ступицу. Вотъ я поѣду подлѣ васъ, да укажу, гдѣ нада своротить съ дороги. »

Ямщикъ тронулъ лошадей, и наши путешественники потащились шагомъ впередъ.

— « Ну, сударь » продолжалъ Шурловъ, « не чаяли мы такъ скоро васъ видѣть. Да что это? никакъ у васъ рука подвязана? »

— « Да: я раненъ. »

— « Слава Богу, что еще въ руку, батюшка. А чай сколько головъ легло подъ однимъ Смоленскомъ? Ну, сударь, прогнѣвался на насъ Господь! Тяжкія времена! Вотъ, хоть черезъ нашъ уѣздъ, ужь ѣхало, ѣхало Смоленскихъ обывателей. Сердечные! въ раззоръ раззорены! Поглядишь на инаго помѣщика: ѣдетъ, родимый, съ женой, да съ дѣтьми, а куда? и самъ не знаетъ. Вѣрите-ль Богу, сердце изныло, глядя на ихъ слезы; и, какъ гоняютъ мимо насъ этихъ плѣнныхъ Французовъ, то вотъ такъ бы ихъ, разбойниковъ, и съѣлъ! Эхъ, сударь!... А Прасковья-то Степановна.... Богъ ей судья!...

— « Что такое?... »

— « Не вамъ бы слушать и не мнѣ бы говорить! Вѣдь она родная сестри-

[illegible]

ми плѣнными! Какъ будто-бы у насъ въ городѣ и острога нѣтъ.... »

— « А, это тотъ ранепый Полковникъ.... »

— « А чортъ его знаетъ — Полковникъ ли онъ, или нѣтъ! Они всѣ межъ собой за панибрата; платьемъ пообносились, такъ не узнаешь, кто Капралъ, кто Генералъ. Да это бы еще ничего; отвелибъ ему Фатеру гдѣ нибудь на селѣ — въ людской, или въ передбанникѣ, а то — помилуйте!... забрался въ барскія хоромы, да захватилъ подъ себя всю половину покойнаго мужа Прасковьи Степановны. Ну, пусть онъ Полковникъ, сударь; а все таки Французъ, все пилъ кровь нашу; такъ какой складъ Русской барынѣ водить съ нимъ компанію? »

— « Послушай, Шурловъ: и Богъ велитъ безоружнаго врага миловать, а особливо, когда онъ болѣнъ. »

— « Да ужъ онъ, сударь, давнымъ-давно выздоровѣлъ. И посмотрите, какъ

отъѣлся; какой сталъ гладкой — пострѣлъ бы его взялъ! Быкъ быкомъ! И это бы не бѣда: пусть бы онъ себѣ трескалъ, проклятый, да жирѣлъ въ волю — чортъ съ нимъ! Да знай свернокъ свой шестокъ; а то срамота-то какая!... Вѣдь онъ ни дать, ни взять, сталъ нашимъ помѣщикомъ.»

— «Какъ, помѣщикомъ?»

— «Да также! Расхаживаетъ себѣ по хоромамъ, изъ комнаты въ комнату, куритъ изъ господской пѣнковой трубки, которую покойникъ берегъ пуще своего глаза. Подавай ему того, другаго; да какъ покрикиваетъ на людей — словно баринъ какой! А какъ пойдетъ гулять по саду съ барыней, такъ — Господи Боже мой! подбоченится, закинетъ голову.... Ну чортъ ему не братъ! Я старикъ, а и во мнѣ кровь закипитъ всякой разъ, какъ съ нимъ повстрѣчаюсь — такъ руки и зудятъ! Ухъ, батюшки!... Кабы воля да воля, хватилъ бы его рожномъ по боку, такъ пере-

сталъ-бы кочевряжиться! Подумаешь, сколько, чай, сгубилъ онъ православныхъ; а Русская барыня на рукахъ его носитъ!»

— «Полно, Шурловъ, не сердись. Если онъ выздоровѣлъ, то конечно должно его отправить въ городъ; я поговорю объ этомъ.»

— «Поговорите, батюшка, а то, знаете ли? не ладно, видитъ Богъ, не ладно! На селѣ всѣ мужички стали межъ собой калякать: «Что дискать это? Ужъ барыня-то наша не измѣнница ли какая? Поитъ и кормитъ злодѣевъ нашихъ.» И анагдась такъ было разшумаркались, что и прикащикъ мѣста не нашелъ. «Что дискать этому нехристю смотрѣть въ зубы? въ колья его, ребята!» Ужъ кое-какъ уговорилъ ихъ батька Василій. Правда, съ тѣхъ поръ Французъ и носу не смѣетъ на улицу показывать; а барыня стала такая ласковая съ отцомъ Васильемъ: въ недѣлю-то разъ пять онъ обѣдаетъ на господскомъ дво-

рѣ. Охъ, батюшка! не даромъ это! Знаете ли, какой слухъ не давно прошолъ въ народѣ?... Страшно вымолвить! »

— « А что такое? »

— « Говорятъ.... не дай Господи согрѣшить напрасно! » продолжалъ Шурловъ понизить голосъ. « Говорятъ будто бы старая-то барыня хочетъ выдти замужъ за этаго Француза. »

— « Какой вздоръ! »

— « Можетъ статься и вздоръ, батюшка; да вѣдь глотки ни кому не заткнешь; и власть ваша, а дѣло на то походитъ. Палагея Николавна — невѣста ваша, да она недавно куда-жь больна была, сердечная! »

— « Что ты говоришь? »

— « Да, сударь, захворала было не на шутку; но теперь, говорятъ, слава Богу, оправилась и стала повеселѣй. Ольга Николавна, какъ слышно, не очень изволитъ жаловать этаго Француза: такъ на кого и подумать, какъ не на старую

барыню. А она же, какъ говорятъ, ни пяди отъ него не отстаетъ, и по Французскому вотъ такъ и сыпитъ; день деньской только и слышутъ люди: мусьё да мусьё, мадамъ да мадамъ, шушуканье да шепотня съ утра до вечера. Ну воля ваша, а это все не къ добру! Вѣдь бѣсъ-то силенъ, батюшка! долголь до грѣха! Да и проклятый Французъ... такая диковинка!.. Видали мы всякихъ мусьёвъ и учителей: все народъ плюгавый, гроша не стоитъ; а этотъ пострѣлъ, кажется Французъ, а какой бравый дѣтина!.. что грѣхъ таить, батюшка, стоитъ Русскаго молодца. Вотъ вы смѣетесь, Владиміръ Сергѣичь? А смотрите, чтобъ не пришлось намъ всѣмъ плакать.»

— « Не бойся, Шурловъ; ты не знаешь, почему Прасковья Степановна такъ ласкова съ этимъ Французомъ: вѣдь они давно уже знакомы.»

— « Вотъ что?.. Ну это, какъ будто бы, полегче; а все лучше, если бы его отправили къ командѣ. Не то время,

Владиміръ Сергѣичь! Чай слыхали пословицу: дружба дружбой, а служба службой! А вѣдь чѣмъ же намъ и послужить теперь Государю, какъ не тѣмъ, чтобъ бить наповалъ эту саранчу заморскую. Былъ, батюшка, и на ихъ улицѣ праздникъ: поили ихъ, кормили, приголубливали, а теперь пора и въ дубьѐ принять. Ну вотъ, Владиміръ Сергѣичъ, и поворотъ,» продолжалъ старый ловчій, остановивъ свою лошадь. « Извольте ѣхать прямо по этой просѣкѣ, до Песочнаго врага; держитесь все правой руки, а тамъ пойдетъ дорога на лѣво; какъ поровняетесь съ деревяннымъ крестомъ — изволите знать, что въ сосновой рощѣ?»

— « Какъ не знать! » подхватилъ Егоръ. « Вѣдь ты говоришь про тотъ крестъ, что поставленъ надъ могилою прикащика Терентьича, котораго еще въ Пугачевщину на этомъ самомъ мѣстѣ извели Козаки?»

— « Ну, да.»

— « Эхъ, братъ ! мѣсто-то неловкое. Говорятъ, будто бы по ночамъ видали, что передъ крестомъ теплится свѣчка и сидитъ самъ покойникъ. »

— « Слыхать-то объ этомъ и я слыхалъ, а самъ не видывалъ. Отъ креста вы проѣдете еще версты полторы, а тамъ выѣдете на кладбище; вотъ тутъ пойдетъ опять плохая дорога, а противъ самой кладбищенской церкви — такая трясина, что и Боже упаси ! Забирайте ужь лучше правѣе ; по пашнѣ хоть и бойко, да за то не увязнете. Ну, прощайте, батюшка Владиміръ Сергѣичъ! »

— « А ты куда Шурловъ? »

— « Я не подалеку отсюда переночую у пріятеля на пчельникѣ. Хочется завтра пообшарить всю эту сторону; говорятъ, будто бы здѣсь третьяго дня волка видѣли. Прощайте, батюшка! съ Богомъ! Да поторапливайтесь, а не то гроза васъ застигнетъ. Посмотрите-ка, сударь, съ полуденъ какія тучи напираютъ ! »

Въ самомъ дѣлѣ, впереди все небо подернулось черными тучами, изрѣдка сверкала молнія, и хотя отдаленный громъ едва былъ слышенъ, но листья шевелились на деревьяхъ и воздухъ становился часъ отъ часу душнѣе. Шурловъ повернулъ свою лошадь, подкликалъ собакъ и пустился рысью назадъ по дорогѣ; а наши путешественники въѣхали въ узкую просѣку, которая шла въ самую средину лѣса. Казалось, съ каждымъ шагомъ впередъ, лѣсъ становился все темнѣе; кругомъ царствовала мертвая тишина. Нѣсколько минутъ ничто не нарушало торжественнаго безмолвія ночи; путешественники молчали, колеса катились безъ шума по мягкой дорогѣ, и только, отъ времени до времени, сухой валежникъ хрустѣлъ подъ ногами лошадей и раздавался легкой шорохъ, отъ перебѣгающаго черезъ дорогу зайца.

— «Эка ночка!» сказалъ наконецъ Егоръ. «Ну, сударь, дай Богъ намъ

доѣхать благополучно. Не знаю, какъ вы, а я начинаю побаиваться. Ну, если мы заплутаемся? »

Рославлевъ не отвѣчалъ ни слова.

— « Охъ эти объѣзды! » продолжалъ въ полголоса Егоръ, посматривая робко во всѣ стороны: « терпѣть ихъ не могу: того и гляди, заѣдешь туда, куда воронъ и костей не заносилъ. Здѣсь, чай, и днемъ-то всегда сумерки; а теперь.... » онъ поднялъ глаза къ верху — ни одной звѣздочки на небѣ; поглядѣлъ кругомъ — все темно: на право и на лѣво сплошная стѣна изъ черныхъ сосенъ, и кой-гдѣ высокія березы, которыя, не смотря на темноту, бѣлѣлись какъ мертвецы въ саванахъ. Прошло еще нѣсколько минутъ, послѣдній свѣтъ отъ потухающей зари исчезъ на мрачныхъ небесахъ, покрытыхъ густыми облаками, и наступила совершенная темнота. Ямщикъ слѣзъ съ телѣги и пошелъ пѣшкомъ подлѣ лошадей, которыя робко передвигая ноги, едва по-

давались впередъ. Слишкомъ часъ наши путешественники тащились шагомъ. Рославлевъ молчалъ; а Егоръ, чтобъ ободрять себя, посвистывалъ и понукалъ лошадей. » Ну, чтожъ ты заснулъ, братецъ! « сказалъ онъ наконецъ ямщику. « Садись, да погоняй лошадей-та! »

— « Да, погоняй!... А какъ наѣдешь на колоду. Вишь темнять какая! »

— « Такъ затяни пѣсенку: все таки будетъ повеселѣе. »

— « Коль ты охочь до пѣсенъ, такъ пой самъ. »

— « А ты что? »

— « Да!... слышь ты, парень, до пѣсенъ теперь! Только вынеси Господь!.. Туда ли еще ѣдемъ. »

— « Чтожъ ты за ямщикъ, коли не знаешь, куда ѣдешь? Смотри, братъ! Если ты завезешь насъ въ какую нибудь трущобу, такъ добромъ со мной не раздѣлаешься. »

— « Ой ли? Грози, братъ, богатому — денежку дастъ, а съ меня взятки-та

гладки. Вѣдь я вамъ баилъ, что объѣзда не знаю. »

— « Въ самомъ дѣлѣ не заплутались ли мы? » спросилъ Рославлевъ.

— « Небось, баринъ! Богъ милостивъ; авось какъ нибудь выберемся изъ лѣса. Только гроза-та насъ застигнетъ; вонъ и дождикъ сталъ накрапывать. »

Крупныя дождевыя капли зашумѣли межъ листьевъ; заколебались вершины деревьевъ; вѣтеръ завылъ, и вдругъ все небо освѣтилось.

— « Господи помилуй! » сказалъ перекрестясь Егоръ. « Экая молнія, такъ и палитъ! »

Сильный ударъ грома потрясъ всѣ окрестности, и проливной дождь, вмѣстѣ съ вихремъ, заревѣлъ по лѣсу. Высокія сосны гнулись какъ тростникъ, съ трескомъ ломались сучья; глухой гулъ отъ падающаго рѣкой дождя, пронзительный свистъ и вой вѣтра сливались съ безпрерывными ударами грома. Наши путешественники, при блескѣ

ежеминутной молніи, которая освѣщала имъ дорогу, продолжали медленно подвигаться впередъ.

— « Постой – ка, » сказалъ ямщикъ Егору; « ужь не оврагъ ли это? Придержи-ка, братъ, лошадей, а я пойду, посмотрю. » Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ межъ частаго кустарника, и закричалъ: « Ну такъ и есть—оврагъ! »

— « Посмотри, Егоръ! » сказалъ Рославлевъ; « мнѣ показалось, что молнія освѣтила, вонъ тамъ въ сторонѣ, деревянный крестъ. Это должна быть могила Терентьича — видишь? прямо за этой сосной? »

— « Вижу, сударь, вижу!... отвѣчалъ Егоръ прерывающимся отъ страха голосомъ. « А видите ли вы?... »

— « Что такое?...

— « Посмотрите, посмотрите!... вонъ опять!... Господи помилуй насъ грѣшныхъ!... »

Молнія снова освѣтила крестъ, и Рославлеву показалось, что кто-то въ бѣ-

ломъ сидитъ на могилѣ и покачивается изъ стороны въ сторону. « Чтобъ это значило ? » спросилъ онъ слѣзая съ телѣги. « Надобно подойти поближе. »

— « Что вы ? Христосъ съ вами ! » вскричалъ Егоръ, схвативъ за руку своего Господина. « Развѣ не видите, что это самъ покойникъ въ саванѣ.

Въ продолженіи этого короткаго разговора все утихло: дождь пересталъ идти и вѣтеръ замолкъ. Съ полминуты продолжалась эта грозная тишина, и вдругъ ослѣпительная молнія, прорѣзавъ черныя тучи, разсыпалась почти надъ головами нашихъ путешественниковъ. Рославлевъ и Егоръ, оглушенные ужаснымъ трескомъ, едва устояли на ногахъ, а лошади упали на колѣни. Въ двадцати шагахъ отъ нихъ, противъ самаго креста, задымилась сосна ; тысячи огненныхъ змѣекъ пробѣжали по ея сучьямъ ; она вспыхнула, и яркое пламя освѣтило всю окружность. Дождь снова полился и вѣтеръ забушевалъ меж-

ду деревьями. Не смотря на просьбы своего слуги Рославлевъ подошелъ къ могилѣ: ни на ней, ни подлѣ нее никого не было; но что-то, похожее на человѣческой хохотъ, сливалось вдали съ воемъ вѣтра. Когда онъ возвратился къ телѣгѣ, ямщикъ стоялъ возлѣ лошадей, которыя дрожали, форкали и жались одна къ другой. « Что дѣлать, батюшка? » сказалъ ямщикъ; « лошадки-то больно напугались. Смотри-ка, сердечныя, такъ дрожкой и дрожатъ. Ужъ не переждать ли намъ здѣсь? А то, сохрани Господи, шарахнутся, да понесутъ по лѣсу, такъ косточекъ не сберешь. »

— « Пожалуй, переждемъ, » сказалъ Рославлевъ. « Кажется, гроза начинаетъ утихать. »

— « Ну что, сударь? » спросилъ Егоръ: « вы подходили къ могилѣ? »

— « Тамъ никого нѣтъ. »

— « Помилуйте! да развѣ мы не видали? »

— « Намъ это показалось, или можетъ быть... но въ такую грозу..,. среди лѣса.... Нѣтъ; мы вѣрно приняли какой-нибудь березовый пенекъ за человѣка. »

Егоръ покачалъ головою и не отвѣчалъ ничего. Болѣе получаса продолжалась гроза; наконецъ все стало утихать; но впереди сверкала молнія и сбирались новыя тучи. Путешественники двинулись впередъ. Узкая, извивистая дорога, по которой и днемъ не безъ труда можно было ѣхать, заставляла ихъ почти на каждомъ шагѣ останавливаться; колеса поминутно цѣплялись за деревья, упряжъ рвалась, и ямщикъ сталъ уже громко поговаривать, что въ село Утѣшино нѣтъ почтовой дороги, что въ другой разъ онъ не повезетъ никого за казенные прогоны, и даже обѣщанный рубль на водку утѣшилъ его не прежде, какъ они выѣхали совсѣмъ изъ лѣса.

— » Вотъ, кажется, кладбищная цер-

ковъ? « сказалъ Рославлевъ, указывая на бѣлое зданіе, которое, при свѣтѣ блеснувшей молніи, отдѣлилось отъ группы деревьевъ, его окружающихъ.

— » А занимъ по лѣвѣе, « перервалъ Егоръ,» должно быть село. Вѣрно всѣ спятъ! Ни одпаго огонька не видно. Я думаю, ужъ поздно, сударь? »

Рославлевъ вынулъ часы, подавилъ репетицію; она пробила одиннадцать часовъ и три четверти.

— « Скоро полночь. »

— « Такъ вѣрно теперь и на барскомъ дворѣ почиваютъ. Не проѣхать ли намъ, сударь, въ домъ къ Николаю Степановичу? »

— « Нѣтъ: можетъ быть, они еще не ложились. Эй, ямщикъ! ступай скорѣй! Я дамъ еще рубль на водку. »

Ямщикъ погналъ лошадей; но онѣ едва могли бѣжать рысью по грязной дорогѣ, которая съ каждымъ шагомъ становилась хуже. Вотъ наконецъ пу-

тешественники доѣхали до кладбища. Поровнявшись тъ группою деревьевъ, которая съ трехъ сторонъ закрывала церковь, извощикъ позабылъ о томъ, что совѣтывалъ имъ старый ловчій, не свернулъ съ дороги: колеса телѣги увязли по самую ступицу въ грязь, и не смотря на его крики и удары, лошади стали. Пробившись съ четверть часа на одномъ мѣстѣ, онъ объявилъ рѣшительно, что безъ посторонней помощи они никакъ не выдерутся изъ грязи.

— « Дѣлать нечего, сударь! » сказалъ Егоръ; « оставайтесь здѣсь, а я сбѣгаю за народомъ. »

— « Ступай на мѣльницу: она въ двухъ шагахъ отъ сюда. »

— « Въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь на ней живетъ вся семья Архипа мѣльника. Подождите, сударь, мигомъ слетаю. »

У насъ въ Россіи, почти каждая деревня имѣетъ свои изустныя преданія

о колдунахъ, мертвецахъ и привидѣніяхъ, и тотъ, кто будучи еще ребенкомъ, живалъ въ деревнѣ, вѣрно слыхалъ отъ своей кормилицы, мамушки, или стараго дядьки, какъ страшно проходить ночью мимо кладбища, а особливо когда при немъ есть церковь. Русской крестьянинъ, надѣвъ солдатскую суму, встрѣчаетъ беззаботно смерть на непріятельской батареѣ, или, не будучи солдатомъ, изъ одного удальства пробѣжитъ по льду, который гнется подъ его ногами; но добровольно никакъ не рѣшится пройдти ночью мимо кладбищной церкви; а посему весьма натурально, что ямщикъ, оставшись одинъ подлѣ молчаливаго барина, съ примѣтнымъ безпокойствомъ посматривалъ на кладбище, которое расположено было шагахъ въ пятидесяти отъ большой дороги.

Рославлевъ не понималъ самъ, что происходило въ душѣ его; онъ не могъ думать безъ восторга о своемъ счастіи,

и въ то же время какая-то непонятная тоска сжимала его сердце; горѣлъ нетерпѣніемъ прижать къ груди своей Полину, и почти радовался безпрестаннымъ остановкамъ, отдалявшимъ минуту блаженства, о которой недѣли двѣ тому назадъ, онъ едва смѣлъ мечтать, ситя передъ огнемъ своего бивака. Мы всѣ любимъ предаваться надеждѣ, вѣримъ слѣпо ея обѣщаніямъ, и почти всегда въ ту самую минуту, когда она готова превратиться въ существенность, боязнь и сомнѣніе отравляютъ нашу радость. Не эту ли самую недовѣрчивость души къ земному нашему счастію, мы называемъ предчувствіемъ, разумѣется, если послѣдствія его оправдаютъ? Въ противномъ случаѣ, мы тотчасъ забываемъ, что сердце предсказывало намъ горе, и что это предвѣщаніе не сбылось. Погруженный въ глубокую задумчивость Рославлевъ не замѣчалъ, что нѣсколько уже минутъ ямщикъ стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ,

и дрожа всѣмъ тѣломъ, смотрѣлъ на кладбищную церковь. « Баринъ ! а, баринъ !... » прошепталъ онъ наконецъ трепещущимъ голосомъ ; « что это такое ?... »

— « Что ты, братецъ ? » спросилъ Рославлевъ.

— « Да неуже-ли, батюшка, не слышите ? Чу !... Наше мѣсто свято !... »

— « Постой !... въ самомъ дѣлѣ.... церковное пѣніе. . . . Гдѣ-жъ это поютъ ?... »

— « Какъ гдѣ ? На кладбищѣ. Вонъ опять !... Съ нами крестная сила !... Охъ, неловко, кормилецъ !... »

— Можетъ быть похороны ?...

— « Да развѣ, батюшка, по ночамъ кого отпѣваютъ ? »

— « Это въ самомъ дѣлѣ странно !... Побудь у лошадей ! » сказалъ Рославлевъ слѣзая съ телѣги и взявъ подъ плечо свою саблю.

— « Ахъ, батюшка — баринъ !... да какъ же я останусь-то одинъ ? »

— « Небось, братецъ : мертвецы черезъ дорогу не перебѣгаютъ, » сказалъ съ улыбкою Рославлевъ.

— « Глядь-ка, баринъ !... » закричалъ ямщикъ ; « глядь ! вонъ и огонёкъ въ окнѣ показался—святъ, святъ!... Ухъ, батюшки !... Ажно морозъ по кожѣ подираетъ !... Куда это нелегкая его понесла ? » продолжалъ онъ, глядя въ слѣдъ за уходящимъ Рославлевымъ. « Ну, не сдобровать ему !... Экой угаръ, подумаешь !... И молитвы не творитъ !... »

Рославлевъ перелѣзъ черезъ плетень, которымъ обнесено было кладбище. Съ трудомъ пробираясь между могилъ, онъ не слышалъ уже пѣнія, но видѣлъ ясно, что внутренность церкви освѣщена ; ему показалось даже, что въ одномъ углу церковнаго погоста что-то чернѣлось, и раздавался шорохъ, похожій на топотъ лошадей, которыя не стоятъ смирно на одномъ мѣстѣ. Чтобъ заглянуть во внутренность церкви, на-

добно было непремѣнно взойдти на высокую паперть по крутой и узкой лѣстницѣ. Едва онъ успѣлъ шагнуть на первую ступеньку, какъ вдругъ, у самыхъ ногъ его, кто-то прохрипѣлъ дикимъ голосомъ: « Тише ты! Не дави живыхъ людей; я еще не умерла. » Рославлевъ невольно отскочилъ назадъ и схватился за рукоятку своей сабли; но въ ту же самую минуту блеснула молнія и освѣтила сидящую на лѣстницѣ женщину въ бѣломъ сарафанѣ, съ распущенными по плечамъ волосами. Она щелкала зубами, и глаза ея сверкали ужаснымъ образомъ.

— « Это ты, Ѳедора? » сказалъ Рославлевъ, узнавъ сумасшедшую. « Что ты здѣсь дѣлаешь? »

— « Вѣстимо что: пришла на похороны. »

— « Какія похороны?... »

— « Погляди въ окно, такъ самъ увидишь. Чу!... слышишь? Поютъ: со святыми упокой. »

— « Да, точно поютъ ! Но это совсѣмъ не похоронный напѣвъ.... напротивъ.... мнѣ кажется.... » Рославлевъ не могъ кончить : невольный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ. Такъ, онъ не ошибается.... до его слуха долетѣли звуки и слова, не оставляющія никакого сомнѣнія.... « Боже мой ! » вскричалъ онъ, « это вѣнчальный обрядъ.... на кладбищѣ.... въ полночь !... И такъ, Шурловъ говорилъ правду.... Несчастная ! что она дѣлаетъ !... »

— « Тсъ !... тише !... » перервала безумная. « Не кричи ! помѣшаешь отпѣвать !... Чу ! слышишь, затянули вѣчную память !... Да постой ! куда ты ? » продолжала она, схвативъ за руку Рославлева. « Подождемъ здѣсь ; какъ вынесутъ, такъ мы проводимъ ее до могилы. »

Рославлевъ, отъ котораго сумасшедшая не отставала, вбѣжалъ на паперть и остановился у перваго окна. Внут-

ренность церкви была слабо освѣщена нѣсколькими свѣчами, поставленными въ паникадила; впереди амвона, передъ налоемъ, стоялъ Священникъ въ полномъ облаченіи; противъ него женихъ и невѣста, оба въ вѣнцахъ; а позади, подлѣ самаго окна, двѣ женщины, закутанныя въ салопы. Казалось, одна изъ нихъ горько плакала. Рославлевъ, къ которому онѣ также, какъ невѣста и женихъ стояли спиною, не могъ этого видѣть, но слышалъ ея рыданія. Эти двѣ женщины, безъ сомнѣнія, Полина и Олинька. Въ женихѣ не трудно было узнать, по иностранному мундиру, плѣннаго Французскаго Полковника; но его невѣста?... Она не походитъ на Лидину.... нѣтъ!... эта тонкая талія, эти распущенные по плечамъ локоны!... Боже мой!... неужели Олинька?... Вотъ Священникъ беретъ жениха и невѣсту за руки, чтобъ обвести вокругъ налоя.... они идутъ.... поровнялись съ царскими вратами.... остано-

вились.... вотъ начинаютъ доканчивать кругъ.... свѣтъ отъ лампады, висящей передъ Спасителемъ, падаетъ прямо на лице невѣсты. . . . « Милосердый Боже !... Полина ! ! ! » Въ эту самую минуту яркая молнія освѣтила небеса, ужасный ударъ грома потрясъ всю церковь ; но Рославлевъ не видѣлъ и не слышалъ ничего ; сердце его окаменѣло, дыханье прервалось.... вдругъ вся кровь закипѣла въ его жилахъ ; какъ изступленный, онъ бросился къ церковнымъ дверямъ : онѣ заперты. Въ совершенномъ неистовствѣ, скрежеща зубами, онъ ухватился за желѣзную скобу ; но отъ сильнаго напряженія перевязки лопнули на рукѣ его, кровь хлынула ручьемъ изъ раны, и онъ лишился всѣхъ чувствъ.

Обрядъ вѣнчанья кончился ; церковныя двери отворились. Впереди молодыхъ шелъ Священникъ, въ провожаніи Дьячка, который несъ Фонарь ; онъ поднялъ уже ногу, чтобъ переступить че-

резъ порогъ, и вдругъ съ громкимъ восклицаніемъ отскочилъ назадъ: у самыхъ церковныхъ дверей лежалъ человѣкъ, облитый кровью; въ головахъ у него сидѣла сумасшедшая Ѳедора.

— « Господи, помилуй! Что это такое? » сказалъ Священникъ. « Эй, Филипъ! посвѣти!... Боже мой! » продолжалъ онъ, « Русской Офицеръ! »

— « И весь полъ въ крови » воскликнула Полина.

— « Такъ чтожъ? » сказала Ѳедора, устремивъ сверкающій взоръ на Полину. « Небось, ступай смѣлѣе! Чего тебѣ жалѣть: вѣдь это Русская кровь! »

Дьячекъ нагнулся и освѣтилъ фонаремъ блѣдное лице Рославлева.

— « Праведный Боже!... Рославлевъ!... вскричала Олинька.

— « Рославлевъ! » повторила ужаснымъ голосомъ Полина. « Онъ живъ еще?... »

— « Нѣтъ, умеръ! » прервала безум-

ная. « Милости просимъ на похороны. » И ея дикой хохотъ заглушилъ отчаянный вопль Полины.

ГЛАВА VI.

Часу въ шестомъ утра, въ просторной и свѣтлой комнатѣ, у самаго изголовья постели, на которой лежалъ, не пришедшій еще въ чувство Рославлевъ, сидѣла молодая дѣвушка; глубокая, неизъяснимая горесть изображалась на блѣдномъ лицѣ ея. Подлѣ нея стоялъ знакомый уже намъ домашній Лѣкарь Ижорскаго; онъ держалъ больнаго за руку и смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ на безжизненное лицо его. У дверей комнаты стоялъ Егоръ, и по-

глядывалъ съ безпокойнымъ и вопрошающимъ видомъ на Лѣкаря. « Слава Богу ! » сказалъ сей послѣдній, « пульсъ начинаетъ биться сильнѣе ; вотъ и краска въ лицѣ показалась ; черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ очнуться. »

— « Но какъ вы думаете, » спросила робкимъ голосомъ молодая дѣвушка, « этотъ обморокъ не будетъ ли имѣть опасныхъ послѣдствій ? »

— « Теперь ничего нельзя сказать, Ольга Николаевна ! Если причиною обморока была только одна потеря крови, то нѣсколько дней покоя.... но вотъ, кажется, онъ приходитъ въ себя.... »

— « Я не могу долѣе здѣсь оставаться, » сказала Олинька, вставая ; « но, ради Бога! если онъ будетъ чувствовать себя дурно, пришлите мнѣ сказать.... Несчастный !... » Она закрыла руками лице свое и вышла поспѣшно изъ компаты.

— « Побудь съ своимъ бариномъ, » сказалъ Егору Лѣкарь, уходя въ слѣдъ за Олинькой; « а я сбѣгаю въ аптеку и приготовлю лѣкарство, которое подкрѣпитъ его силы. »

Рославлевъ открылъ глаза, привсталъ, и съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ себя. « Что это?... » спросилъ онъ тихимъ голосомъ. « Гдѣ я? »

— « Въ домѣ у Николая Степановича, сударь! » отвѣчалъ Егоръ, подойдя къ постели.

— « У какого Николая Степановича?... »

— « Ижорскаго, сударь! »

— « Ижорскаго?... » повторялъ Рославлевъ. « Ахъ, да, знаю!... Ижорскаго!... Но зачѣмъ мы здѣсь?... когда пріѣхали?... Я ничего не помню.... Постой!... Мнѣ кажется, вчера я заснулъ въ телѣгѣ!... Да! точно такъ!... гроза.... кладбище.... сумасшедшая Ѳедора.... Боже мой!... сватьба! Ахъ,

Егоръ! какой я видѣлъ страшный сонъ! »

Егоръ поглядѣлъ съ сожалѣніемъ на своего господина, и покачавъ печально головою, сказалъ: « Что объ этомъ говорить, сударь! успокойтесь! Вы не очень здоровы. »

— « Кто? я? Да! я чувствую какую-то слабость.... Но я не могу понять, для чего мы здѣсь, а не тамъ?... Постой! мнѣ помнится, что лошади стали..... ты пошелъ за людьми.... да, да! я не во снѣ это видѣлъ,—и вдругъ мы очутились здѣсь. Да чтожъ ты молчишь? »

— « То-то, сударь! вы изволите смѣяться надъ нашимъ братомъ: и дурачье-то мы, и всякому вздору вѣримъ; а кабы вы сами не ходили вчерась на кладбище.... »

— « Какъ! » вскричалъ Рославлевъ; « такъ я былъ на кладбищѣ?... Я видѣлъ это не во снѣ?... Ну что же?

говори, говори!... » продолжалъ онъ, вскочивъ съ постели; блѣдныя щеки его вспыхнули, глаза сверкали; казалось, всѣ силы его возвратились.

— « Успокойтесь, сударь! » сказалъ Егоръ. « Присядьте! я все вамъ разскажу. »

— « Все? »

— « Да, сударь, все, что знаю. Вчера ночью, противъ самой кладбищной церкви, наши лошади стали, а телѣга такъ завязла въ грязи, что и колесъ было не видно. Я пошелъ на мѣльницу за народомъ, а вы остались на дорогѣ одни съ ямщикомъ. »

— « Да, точно такъ. Говори, говори!... »

— « Я пришелъ на мѣльницу; ужъ стучалъ, стучалъ, насилу достучался; видно Архипъ хватилъ за ужиномъ черезъ край бражки. Я сбирался ужъ выбить окно.... глядь! слава Богу, проснулись. Пока я имъ толковалъ въ чемъ

дѣло, пока вздули огонь и Архипъ съ своими ребятами одѣвался, прошло этакъ съ полчаса времени; Архипъ засвѣтилъ фонарь, и мы вчетверомъ отправились на дорогу. Приходимъ — телѣга стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, а ни васъ, ни ямщика нѣтъ. Что за причина такая?... Мы принялись кричать; смотримъ, лѣзитъ кто-то изъ-за куста.... ямщикъ! лица нѣтъ на парнѣ, дрожкой дрожитъ. «Что ты, братецъ? спросилъ я; гдѣ баринъ?» Вотъ онъ собрался съ духомъ, и сталъ намъ разсказывать; да видно со страстей языкъ-то у него отнялся: ужъ онъ мямлилъ, мямлилъ, насилу поняли, что въ кладбищной церкви мертвецы пѣли всенощную, что вы пошли ихъ слушать, что вдругъ у самой церкви ц закричали и захохотали; потомъ что-то зашумѣло, покатилось, раздался свистъ, гамъ и конской топотъ; что одинъ мертвецъ, весь въ бѣломъ, перелѣзъ черезъ плетень, затянулъ во все горло: со святыми упокой — и побѣжалъ

прямо къ телѣгѣ; что онъ, видя бѣду неминучую, кинулся за кустъ, упалъ ничкомъ на земь, и вплоть до нашего прихода творилъ молитву. Ну, сударь, что грѣхъ таить: отъ этихъ словъ у всѣхъ насъ волосы стали дыбомъ. Что дѣлать? Идти искать васъ на кладбищѣ?... Вчетверомъ я и самаго чорта не испугаюсь; да Архипъ-то сталъ переминаться, ребята его также сробили: нейдутъ да и только! Вотъ я подумалъ, перекрестился, и только что хотѣлъ пуститься одинъ на волю Божью, какъ вдругъ слышимъ кто-то скачетъ къ намъ по дорогѣ. Подскакалъ — гляжу: Иванъ Петровъ, слуга Прасковьи Степановны. Онъ сказалъ намъ, что вы здѣсь, что васъ нашли у кладбищной церкви, что вы лежите безъ памяти; а какъ нашли? кто нашелъ? толку не могъ добиться. Вотъ, сударь, все, что я знаю. »

Въ продолженіи сего разговора, Рославлевъ нѣсколько разъ мѣнялся въ лицѣ. « И такъ....» сказалъ онъ; «и такъ...

дѣло, п[illegible] ... я ви-
своими р[illegible]
съ полч[illegible] ... » спро-
фонарь, [illegible]
на доро[illegible] ... »
на пре[illegible] ... кладбищной
ямщика [illegible] ... стосъ съ вами,
Мы пр[illegible] ... померещилось! »
зитъ к[illegible] ... налоемъ.... »
лица [illegible] ... луй!... Да это де-
бари[illegible] ... »
и ст[illegible] ... слибъ въ самомъ
со с[illegible] ... й духъ.... »
ужъ [illegible] думаете? Вѣдь са-
пон[illegible] ... хоть кого изъ ума
тве[illegible] ... луйте, какъ могли
ихъ [illegible] Николаевну на
кви[illegible] ... на нездорова и ле-
что [illegible] »
сви[illegible] ... ришь?... Почему ты
оди[illegible]
ре[illegible] ... сестрица ея изволи-
гор[illegible] ... ѣкаремъ. »

— « Олинька здѣсь? Гдѣ-жъ она? »

— « Уѣхала домой. Она всю ночь сидѣла подлѣ вашей кровати; а ужъ какъ плакала! Господи, Боже мой!... откуда слезы брались! Она изволила оставить вамъ письмо. »

— « Письмо? Подай, подай!...

Егоръ взялъ со стола запечатанное письмо и подалъ его своему господину.

— « Отъ Полины!... » вскричалъ Рославлевъ. Онъ сорвавъ печать, развернулъ дрожащей рукою письмо. Холодный потъ покрылъ помертвѣвшее лице его, глаза искали словъ.... но сначала онъ не могъ разобрать ничего: всѣ строчки казались перемѣшанными, всѣ буквы не на своихъ мѣстахъ; наконецъ съ величайшимъ трудомъ онъ прочелъ слѣдующее:

« Вы должны ненавидѣть.... нѣтъ! « я недостойна вашей ненависти: это « чувство слишкомъ близко любви; вы « должны, вы имѣете полное право пре« зирать меня. Не смѣю надѣяться,

« что, открывъ вамъ ужасную тайну,
« которую думала унести съ собой въ
« могилу, я заставлю васъ пожалѣть
« обо мнѣ. Я васъ не знала еще, Ро-
« славлевъ, когда полюбила того, кому
« принадлежу теперь навсегда. Онъ лю-
« билъ меня, но тогда онъ не могъ
« еще быть моимъ мужемъ. Я не могла
« даже мечтать, что встрѣчусь съ нимъ
« въ здѣшнемъ мірѣ, и не смотря на
« это, желанія матушки, просьбы се-
« стры моей, ничто не поколебало бы
« моего намѣренія остаться вѣчно сво-
« бодною; но безкорыстная любовь ва-
« ша, ваше терпѣнье, постоянство, же-
« ланіе видѣть счастливымъ человѣка,
« къ которому дружба моя была также
« безпредѣльна, какъ и любовь *къ нему*
« — вотъ что сдѣлало меня виновною.
« Безумная! я обманывала сама себя!
« Я думала, что, видя васъ благопо-
« лучнымъ, менѣе буду несчастлива;
« что, произнеся клятву любить васъ
« одного, при помощи Божіей, я за-

« буду все прошедшее ; что образъ то-
« го , кто преслѣдовалъ меня на яву и
« во снѣ , о комъ я не могла и думать
« безъ преступленія , изгладится навсег-
« да изъ моей памяти. Я согласилась
« принадлежать вамъ и, клянусь Богомъ,
« не измѣнила бы моему обѣщанію ,
« если бы онъ встрѣтился со мною во
« всемъ прежнемъ своемъ блескѣ , бла-
« гополучный , одаренный всѣмъ , чему
« завидуютъ въ свѣтѣ. Но онъ явился
« предо мною покрытый ранами , не-
« счастный , всѣми оставленный и съ
« прежней любовью въ сердцѣ ! Каза-
« лось , сами Небеса желали соединить
« насъ — онъ могъ располагать своей
« рукою , и вы , Рославлевъ , вы сами
« показали ему дорогу въ домъ нашъ!...»

— « Довольно ! » вскричалъ Рослав-
левъ , сжимая съ судорожнымъ движе-
ніемъ въ рукѣ своей измятое письмо.
« Чего еще мнѣ надобно ? — Егоръ !
лошадей ! »

— « Какъ , сударь? Вы хотите ѣхать?»

— « Да ! »

— « Не видѣвъ вашей невѣсты ? »

— « Молчи ! »

— « Помилуйте , сударь ! Какъ вамъ ѣхать сегодня ? »

— « Да ! сегодня.... сей часъ.... сію минуту !... »

— « Но куда , сударь ? Къ намъ въ деревню ? »

— « Нѣтъ ! здѣсь мнѣ душно.... Дальше , дальше ! Туда , гдѣ я могу утонуть въ крови злодѣевъ—Французовъ. »

— « Говорятъ , сударь , что они недалеко отъ Москвы. »

— « Недалеко ? И такъ въ Москву ! »

— « А рана ваша ? »

— « Не бойся ! Я умру не отъ нее. Ступай скорѣе ! Ямщикъ, который насъ привезъ , вѣрно еще не уѣхалъ. Чтобъ чрезъ полчаса насъ здѣсь не было. Ни слова болѣе ! » продолжалъ Рославлевъ, замѣчая , что Егоръ готовился снова возражать ; « я приказываю тебѣ ! Постой ! Вынь изъ шкатулки листъ бума-

ги и чернилицу. Я хочу — я долженъ отвѣчать ей. Теперь ступай за лошадьми, » прибавилъ онъ, когда слуга исполнилъ его приказаніе.

— « Но если ямщикъ попроситъ двойные прогоны ? »

— Дай вчетверо ; но чтобъ чрезъ полчаса насъ здѣсь не было. »

Егоръ вышелъ, а Рославлевъ началъ писать слѣдующее:

« Я не дочиталъ письма вашего. Вы « Графиня Сеникуръ, жена плѣннаго « Француза — на что мнѣ знать остальное ? Не о себѣ хочу я говорить — « моя участь рѣшена: смерть возвратитъ « мнѣ спокойствіе ; она потушитъ адское пламя, которое горитъ теперь « въ груди моей ; но вы !... Слушайте « приговоръ вашъ ! Вы не умрете ни « отъ стыда, ни отъ раскаянія ; проклятіе всѣхъ Русскихъ, которое прогремитъ надъ преступной главой вашей, не убьетъ васъ — нѣтъ! вы станете жить. Прижавъ къ сердцу, оба-

« гренную кровью Русскихъ, кровью « братьевъ вашихъ, руку мужа, вы « пойдете вмѣстѣ съ нимъ по пути, « устланному трупами вашихъ соотече- « ственниковъ. Торжествуйте вмѣстѣ съ « нимъ каждую побѣду злодѣевъ на- « шихъ! Забудьте, что вы Русская, за- « будьте Бога.... Да! вы должны вы- « бирать одно изъ двухъ: или вовсе за- « быть Его, или молить, чтобъ онъ по- « могъ Французамъ погубить Россію. « Въ этой смертной борьбѣ нѣтъ среди- « ны: или мы, или Французы должны « погибнуть; а вы — жена Француза! « Умрите, несчастная, умрите сегодня, « если можно — я желаю этаго. Да, По- « лина, я молю объ этомъ Бога.... Я « чувствую.... да, я чувствую, что еще « люблю васъ!... »

Рославлевъ пересталъ писать; крупныя слезы покатились градомъ по лицу его.

— « А! Владиміръ Сергѣевичъ!» сказалъ Лѣкарь, входя въ комнату; « вы

ужъ и встали? Ну что, какъ вы себя чувствуете!»

Рославлевъ закрылъ платкомъ глаза и не отвѣчалъ ни слова. Лѣкарь взялъ его за руку и, поглядѣвъ на него съ состраданіемъ, повторилъ свой вопросъ.

— «Я здоровъ,» отвѣчалъ Рославлевъ, «и сей-часъ ѣду.»

— «Что вы? Какъ это можно? У васъ жаръ.»

— «Вы ошибаетесь,» перервалъ Рославлевъ, положивъ руку на грудь свою. «Здѣсь холодно, какъ въ могилѣ.»

— «Вамъ надобенъ покой.»

— «Не бойтесь!» сказалъ съ горькой улыбкою Рославлевъ. «Я найду его.»

— «Но, по крайней мѣрѣ, примите это лѣкарство и дайте мнѣ перевязать вашу руку.»

— «И, полноте! на что это? Я могу еще владѣть саблею. Благодаря Бога, правая рука моя цѣла; не бойтесь, она найдетъ еще дорогу къ сердцу каж-

даго Француза. Ну, что? » продолжалъ Рославлевъ, обращаясь къ вошедшему Егору. « Что лошади? »

— « Привелъ, сударь! »

Рославлевъ всталъ и, шатаясь, подошелъ къ Лѣкарю. « Вотъ письмо къ Палагеѣ Николаевнѣ» сказалъ онъ. «Потрудитесь отдать его. Прощайте! »

Лѣкарь взялъ молча письмо, и вышелъ въ слѣдъ за Рославлевымъ на крыльцо. « Прощайте, прощайте!... » повторялъ Рославлевъ, садясь въ телѣгу. « Скажите ей.... Нѣтъ! не говорите ничего!...

— « Я сегодня поутру ее видѣлъ, » сказалъ въ полголоса Лѣкарь; «и еслибъ вы на нее взглянули.... Ахъ, Владиміръ Сергѣевичъ! она несчастнѣе васъ!»

— « Слава Богу! И такъ этотъ Французъ не совсѣмъ еще задушилъ въ ней совѣсть! »

— « Я Лѣкарь, Владиміръ Сергѣевичъ; я привыкъ видѣть горесть и отчаяніе: но, клянусь вамъ Богомъ, въ

жизнь мою не видывалъ ничего ужаснѣе. Она въ полной памяти, а говоритъ безпрестанно о церковной паперти; видитъ вездѣ кровь, сумасшедшую Ѳедору; то хохочетъ, то стонетъ, какъ умирающая; а слезы не льются.... »

— « Ступай! » закричалъ Рославлевъ. Извощикъ тронулъ лошадей. « Нѣтъ, нѣтъ! постой! И такъ, она очень несчастлива? » продолжалъ онъ, обращаясь къ Лѣкарю. « Очень?... Послушайте! скажите ей, что я здоровъ.... что она.... подайте назадъ мое письмо. »

Лѣкарь подалъ ему письмо; Рославлевъ схватилъ его, изорвалъ и закричалъ извощику: « пять рублей на водку, но до самой станціи вскачь — пошолъ! »

Менѣе чѣмъ въ два часа примчались они на первую станцію. Рославлевъ, не смотря на убѣжденія своего слуги, не хотѣлъ отдохнуть; онъ увѣрялъ, что чувствуетъ себя совершенно здоровымъ; но его пылающія щеки, дикой, безпо-

койный взглядъ — все доказывало, что сильная горячка начинаетъ свирѣпствовать въ крови его. Перемѣнивъ лошадей они поскакали далѣе. Не болѣе двадцати верстъ оставалось до Москвы. Они не обогнали никого, но почти на каждой верстѣ встрѣчались съ ними проѣзжіе; не слышно было веселыхъ пѣсенъ извощиковъ; молча, какъ въ похоронномъ ходу, тянулись по большой Московской дорогѣ цѣлые обозы экипажей. Многіе изъ проѣзжающихъ, идя задумчиво подлѣ каретъ своихъ, обращали отъ времени до времени свой тоскливый взглядъ туда, гдѣ позади ихъ осталась опустѣвшая Москва. Быть можетъ, они въ послѣдній разъ простились съ нею. Ихъ пасмурныя лица казались еще грустнѣе отъ противуположности съ веселыми и беззаботными лицами дѣтей, которыя, выглядывая изъ дорожныхъ экипажей, съ шумной радостью любовались открытыми полями и зеленѣющимся лѣсомъ.

— « Что это, баринъ? » сказалъ Егоръ; « никакъ изъ Москвы всѣ выбираются? Посмотрите-ка впередъ — повозокъ-то, каретъ!... видимо не видимо! Охъ, сударь! знать ужъ Французы недалеко отъ Москвы. »

— « Ахъ, какъ бы я желалъ этого! » сказалъ Рославлевъ.

— « Что вы? Христосъ съ вами! Эхъ, баринъ, баринъ! не хороши у васъ глаза: вы точно нездоровы. »

— « И, врешь! я совершенно здоровъ; но мнѣ душно.... здѣсь все такъ тихо, мертво.... Въ Москву, скорѣй въ Москву!... Тамъ наши войска, тамъ скоро будутъ Французы.... тамъ, на развалинахъ ея рѣшится судьба Россіи.... тамъ.... Да, Егоръ! тамъ мнѣ будетъ легче.... Пошолъ!... »

Егоръ покачалъ печально головою. « Послушайте, Владиміръ Сергѣичъ, сказалъ онъ, « не приостановиться ли намъ гдѣ нибудь? Мнѣ кажется, у васъ жаръ. »

— « Да! Мнѣ что-то душно, жарко; здѣсь и воздухъ меня давитъ. »

— « Вотъ ямщикъ будетъ спускать съ горы, а вы пройдитесь пѣшкомъ, сударь; это васъ поосвѣжитъ. »

Рославлевъ слѣзъ съ телѣги, и пройдя нѣсколько шаговъ по дорогѣ, вдругъ остановился. « Слышишь, Егоръ? » сказалъ онъ; « выстрѣлъ, другой!... »

— « Вѣрно кто нибудь охотится. »

— « Еще!... еще!... Нѣтъ, это перестрѣлка!... Гдѣ моя сабля? »

— « Помилуйте, сударь! да здѣсь слыхомъ не слыхать о Французахъ. Не Казаки ли шалятъ?... Говорятъ, здѣсь ихъ цѣлыя партіи разъѣзжаютъ. Ну вотъ, изволите видѣть? Вонъ изъ-за лѣса-то показались, съ пиками. Ну, такъ и есть — Казаки. »

Сполверсты отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Рославлевъ, выѣхали на большую дорогу человѣкъ сто Казаковъ и почти столько же Гусаръ. Впереди от-

ряда ѣхали двое Офицеровъ: одинъ высокаго роста, въ бѣлой кавалерійской фуражкѣ и буркѣ; другой средняго роста, въ кожаномъ картузѣ и зеленомъ спензерѣ, съ чернымъ артиллерійскимъ воротникомъ; сѣдло, мундштукъ и вся сбруя на его лошади были Французскіе. Когда отрядъ поровнялся съ нашими проѣзжими, то Офицеръ въ зеленомъ спензерѣ, взглянувъ на Рославлева, остановилъ лошадь, приподнялъ вѣжливо картузъ и сказалъ: « если не ошибаюсь, мы съ вами не въ первый разъ встрѣчаемся? »

Рославлевъ тотчасъ узналъ въ семъ незнакомцѣ молчаливаго Офицера, съ которымъ мѣсяца три тому назадъ готовъ былъ стрѣляться въ звѣринцѣ Царскаго села; но теперь Рославлевъ съ радостію протянулъ ему руку: онъ вполнѣ раздѣлялъ съ нимъ всю ненависть его къ Французамъ.

— « Ну вотъ, » продолжалъ Артиллерійскій Офицеръ, « предсказаніе мое

сбылось: вы въ мундирѣ, съ подвязанной рукой, и вѣрно теперь не станете стрѣляться со мною, чтобъ спасти не только одного, но цѣлую сотню Французовъ. »

— « О, въ этомъ вы можете быть увѣрены! » отвѣчалъ Рославлевъ, и глаза его заблистали бѣшенствомъ. « Ахъ! еслибъ я могъ утонуть въ крови этихъ изверговъ!... »

Офицеръ улыбнулся. « Вотъ такъ-то лучше! » сказалъ онъ. « Только вы напрасно горячитесь: ихъ должно всѣхъ душить безъ пощады; переводить, какъ мухъ; но сердиться на нихъ.... И, полноте! Сердиться нездорово! Куда вы ѣдете? »

— « Въ Москву. »

— « Если для того, чтобъ лѣчиться, то я совѣтовалъ бы вамъ ѣхать въ другое мѣсто. Близь Можайска было генеральное сраженіе, наши войска отступаютъ и, можетъ быть, дня че-

резъ четыре Французы будутъ у Москвы. »

— « Тѣмъ лучше! Тамъ должна рѣшиться судьба нашего Отечества, и если я не увижу гибели всѣхъ Французовъ, то по-крайней-мѣрѣ умру на развалинахъ Москвы. »

— « А если Москву уступятъ безъ боя? »

— « Безъ боя? Нашу древнюю Столицу? »

— « Чтожъ тутъ удивительнаго? Вѣдь городъ безъ жителей тоже, что тѣло безъ души. Пусть Французы завладѣютъ этимъ трупомъ, лишь только бы намъ удалось похоронить ихъ вмѣстѣ. »

— « Какъ? Вы думаете?... »

— « Да тутъ и думать нечего. Отпоемъ за одинъ разъ вѣчную память и Москвѣ и Французамъ, такъ дѣло и кончено. Мы Русскіе дѣлежа не любимъ: не наше, такъ ни чье! Какъ на про-

щанья зажгутъ со всѣхъ четырехъ концевъ Москву, такъ Французамъ пожива будетъ небольшая; побарятся, поважничаютъ денька три, а тамъ и ѣсть захочется; а для этаго надобно фуражировать. Милости просимъ! .. То-то будетъ потѣха! Они начнутъ рыскать вокругъ Москвы, какъ голодные волки, а мы станемъ охотиться. Чего другаго, а за одно поручиться можно: немного изъ этихъ фуражировъ воротятся во Францію. »

— « И такъ вы полагаете, что партизанская война.... »

— « Не знаю, что впередъ, а теперь это самое лучшее средство поровнять наши силы. Да вотъ, напримѣръ, у меня всего сотни двѣ молодцевъ: а еслибъ вы знали, сколько они передушили Французовъ; до сихъ поръ ужъ человѣкъ по десяти на брата досталось. Правда, народъ-то у меня славный! » прибавилъ Артиллерійской Офицеръ съ ужасной улыбкою; « все ребя-

та безпардонные; сантиментальныхъ нѣтъ! »

— « Неуже-ли вы въ плѣнъ не берете? »

— « Случается. Вотъ третьяго-дня, мы захватили человѣкъ двадцать; хотѣлось было доставить ихъ въ главную квартиру, да надоѣло таскать съ собою. Я бросилъ ихъ на дорогѣ, недалеко отсюда. »

— « Безъ всякаго конвоя? »

— « И что за бѣда! Ихъ приберетъ Земская Полиція. Ну, что? Вы все-таки поѣдете въ Москву? »

— « Непремѣнно. Вы можете думать, что вамъ угодно; но я увѣренъ: ея не отдадутъ безъ боя. Можетъ ли быть, чтобъ эта древняя Столица Царей Русскихъ, этотъ Первопрестольный городъ.... »

— « Первопрестольный городъ!... Такъ чтожъ? Развѣ его никогда не жгли и не грабили то Поляки. то Та-

тары? Пускай потѣшатся и Французы! Прежніе гости дорого за это заплатили, поплатятся и эти. Конечно патріоты вздохнутъ о Кремлѣ, барыни о Кузнецкомъ мостѣ, чувствительные люди о всей Москвѣ—разплачутся, разревутся; а тамъ начнутъ снова строить дома, и черезъ десять лѣтъ Москва будетъ опять Москвою. Да только ужъ въ другой разъ Французы не захотятъ въ ней гостить. Ну, прощайте!... А, право, я совѣтовалъ бы вамъ не ѣздить въ Москву. Вамъ надо полѣчиться: лице у васъ вовсе не хорошо. »

— « Это ничего: два дни покоя, потомъ сраженье подъ Москвой, и я буду совершенно здоровъ. Прощайте! »

Рославлевъ сѣлъ въ телѣгу и отправился далѣе. Съ каждымъ шагомъ впередъ, большая дорога становилась похожѣе на проѣзжую улицу: сотни пѣшеходцевъ пробирались полями и опереживали длинные обозы, которые медленно тащились по большой дорогѣ.

Когда наши путешественники поровнялись съ лѣсомъ, то Егоръ замѣтилъ большую толпу разнаго состоянія проходящихъ, которые, казалось, съ любопытствомъ тѣснились вокругъ одного мѣста, подлѣ самой опушки лѣса. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ внимательно въ эту сторону, вдругъ толпа раздвинулась, и Егоръ вскричалъ съ ужасомъ: « посмотрите-ка, сударь, посмотрите! Французы! »

— « Французы! » повторилъ Рославлевъ, схватясь за рукоятку своей сабли. « Гдѣ?... »

— « Да развѣ не видите, сударь? Вонъ налѣво-то, подлѣ самаго лѣса. »

— « Боже мой! » вскричалъ Рославлевъ, закрывъ рукою глаза. « Боже мой! » повторилъ онъ съ невольнымъ содроганіемъ. « Я самъ.... да, я ненавижу Французовъ; но разстрѣливать хладнокровно беззащитныхъ плѣнныхъ!... Нѣтъ! это ужасно!... »

— « И, баринъ! что объ нихъ жалѣть! » сказалъ ямщикъ; « буяны!.... А кучка порядочная! Посмотрите-ка, сударь, сколько ихъ навалено. »

— « Проѣзжай скорѣй! » закричалъ Рославлевъ. « Пошолъ! »

Извощикъ нехотя погналъ лошадей, и, безпрестанно оглядываясь назадъ, посматривалъ съ удивленіемъ на Русскаго Офицера, который не радовался, а, казалось, горевалъ, видя убитыхъ Французовъ. Рославлевъ слабѣлъ примѣтнымъ образомъ, голова его пылала, дыханье спиралось въ груди; всѣ предметы представлялись въ какомъ-то смѣшанномъ, безпорядочномъ видѣ, и холодный осенній воздухъ казался ему палящимъ зноемъ.

Черезъ часъ сверкнулъ вдали позлащенный крестъ Ивана Великаго, черезъ нѣсколько минутъ показались главы Соборныхъ храмовъ, и древняя Столица, сердце, мать Россіи—Москва, разостлалась широкой скатертью по

необозримой равнинѣ, усѣянной обширными садами. Москва рѣка, извиваясь, текла посреди холмистыхъ береговъ своихъ; но безчисленныя барки, плоты и суда не пестрили ея гладкой поверхности: вѣтеръ не доносилъ до проѣзжающихъ отдаленный гулъ, и невнятный, но исполненный жизни, говоръ многолюднаго города; по большимъ дорогамъ шумѣлъ и толпился народъ; но Москва, какъ жертва обреченная на закланіе, была безмолвна. Изрѣдка, кой-гдѣ дымились трубы, и какъ черный погребальный крепъ, густой туманъ висѣлъ надъ кровлями опустѣвшихъ домовъ. Ахъ, скоро, скоро, кормилица Россіи — Москва, скоро прольются по твоимъ осиротѣвшимъ улицамъ пламенныя рѣки; святотатственная рука враговъ сорветъ крестъ съ твоей соборной колокольни, разрушитъ стѣны священнаго Кремля, осквернитъ твои древніе храмы; но Русскіе всегда возлагали надежду на Господа,

и ты воскреснешь Москва, какъ обновленное, младое солнце, ты снова взойдешь на небеса Россіи; а враги твои.... Ахъ! вы не воскреснете, несчастныя жертвы властолюбія: воины, посѣдѣвшіе въ бояхъ; юноши, краса и надежда Франціи; вы не обнимете родныхъ своихъ! Ваши кости, разсѣянныя по обширнымъ полямъ нашимъ, запашутся сохою, и долго, долго изустная повѣсть объ ужасной смерти вашей будетъ приводить въ трепетъ каждаго иноземца!

ГЛАВА VII.

Рано поутру, на высокомъ и утесистомъ берегу Москвы рѣки, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Драгомиловской мостъ соединяетъ ямскую слободу съ

городомъ, стояли и сидѣли отдѣльными группами человѣкъ пятьдесятъ, разнаго состоянія, людей; внизу весь мостъ былъ усыналъ любопытными, и вплоть до самой Смоленской заставы, по всей слободѣ, какъ на гуляньѣ, шумѣли и пестрѣлись густыя толпы народныя. По Смоленской дорогѣ отступали наши войска, черезъ Смоленскую заставу проѣзжали курьеры съ извѣстіями изъ большой арміи; а посему всѣ оставшіеся жители Московскіе спѣшили къ Драгомиловскому мосту, чтобъ узнать скорѣе объ участи нашего войска. Послѣдствія Бородинскаго сраженія были еще неизвѣстны; но грозные слухи, о приближеніи Французовъ къ Москвѣ, становились съ каждымъ днемъ вѣроподобнѣе. Вотъ, вдали зазвенѣлъ колокольчикъ, раздался шумъ, по слободѣ отъ заставы несется тройка курьерскихъ, народъ зашевелился, закипѣлъ, толпы сдвинулись, и ямщикъ долженъ былъ по неволѣ остановить лошадей. «Что вы,

ребята? » закричалъ курьеръ. « Посторонитесь! »

— « Нѣтъ, нѣтъ! » загремѣли тысячи голосовъ; « скажи прежде, что наши?

— « Вамъ это объявятъ. »

— « Нѣтъ! ты ѣдешь изъ арміи — говори!... Что Свѣтлѣйшій?... что Французы? »

— « Побѣда! ребята, побѣда!... »

— « Побѣда?... » повторилъ народъ. « Слава Тебѣ, Господи!... Къ Иверской, православные! къ Иверской!... Пропустите курьера.... посторонитесь!... Побѣда!... » Толпа отхлынула, и курьеръ помчался далѣе.

Одинъ молодцоватый, съ окладистой темнорусой бородою купецъ, отдѣлясь отъ толпы народа, которая тѣснилась на мосту, взобрался прямой дорогой на крутой берегъ Москвы рѣки, и пройдя мимо нѣсколькихъ щеголевато одѣтыхъ молодыхъ людей, шопотомъ раз-

говаривающихъ межъ собою, подошелъ къ старику, съ сѣдой, какъ снѣгъ, бородою, который, облокотясь на береговыя перила, смотрѣлъ задумчиво на толпу, шумящую внизу подъ его ногами.

— « Слышите ли, Иванъ Архиповичъ, » сказалъ молодой купецъ старику ; « побѣда ? »

— « Слышу, батюшка, Андрей Васьяновичъ ! » отвѣчалъ старикъ ; слышу.— Да точно ли такъ ? »

— « Дай-то Господи !... а что-то не вѣрится. Я самъ слышалъ, какъ курьеръ сказалъ: побѣда! Слова радостныя, да лице-то у него вовсе непраздничное. Кабы въ самомъ дѣлѣ Заступница помогла намъ разгромить этихъ супостатовъ, такъ онъ не сталъ бы говорить сквозь зубы, а крикнулъ бы такъ, что сердце бы у всѣхъ запрыгало отъ радости. Нѣтъ, Иванъ Архипычъ ! видно, худо дѣло !... »

— « Да, батюшка, гнѣвъ Божій !... Мы все твердили, что Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ, а никто не думалъ, что Онъ же и правосуденъ ; грѣшили да грѣшили — вотъ и дождались, что нехотя придетъ каяться. »

— « Конечно, Иванъ Архипычъ, въ грѣхахъ надобно каяться, а все-таки живымъ въ руки даваться не должно ; и если Москву будутъ отстаивать, то я ужъ вѣрно дома не останусь. »

— « И мои сыновья говорятъ то же; да полно будутъ ли ее отстаивать ? Хоть и въ сегоднишней афишкѣ напечатано, что скоро понадобятся молодцы и городскіе и деревенскіе ; а всѣ заставы отперты, и народъ валомъ валитъ вонъ изъ города. Нѣтъ, Андрей Васьяновичъ, не сдобровать матушкѣ Москвѣ : дожили мы опять до Татарскаго погрома. »

— « А можетъ быть и до Мамаева побоища. Эхъ, Иванъ Архиповичъ, унывать не должно ! Да если Господь по—

пустить Французамъ одолѣть насъ теперь, такъ что-жъ? У насъ, благодаря Бога, не такъ, какъ у нихъ — простору довольно. Погоняются, погоняются за нами, да устанутъ; а мы все-таки, рано или поздно, а свое возьмемъ.

— « Такъ ты, батюшка, хочешь, если придетъ бѣда неминучая, уйдти также изъ Москвы? »

— « А что-жъ? или принимать Французовъ съ хлѣбомъ, да съ солью? А вы, Иванъ Архиповичъ? »

— « Эхъ, родимый! куда я потащусь? Старикъ я дряхлой; да и Мавра-та Андревна моя насилу ноги таскаетъ. »

— « Конечно; вотъ я человѣкъ одинокой: котомку за плеча, да и пошолъ, куда глаза глядятъ. »

— « У меня же есть большая забота, Андрей Васьяновичъ! На кого я покину здѣсь моего гостя? »

— « Гостя? какого гостя? »

— « А вотъ изволишь видѣть: вчерась я шелъ отъ свата Савельича, такъ около сумерекъ; глядь — у самыхъ Серпуховскихъ воротъ стоитъ тройка почтовыхъ; на телѣгѣ лежитъ раненый Русской Офицеръ, и слуга около него что-то больно суетится. Смотрю, лице у слуги какъ-будто бы знакомое; я подошелъ, и лишь только взглянулъ на Офицера, такъ сердце у меня и замерло! Сердечный! въ горячкѣ, безъ памяти, и кто-жъ?... Помнишь, Андрей Васьяновичъ, мѣсяца три тому назадъ, мы догнали въ селѣ Завидовѣ проѣзжаго Офицера? »

— « Которой довезъ васъ до Москвы въ своей коляскѣ? Какъ не помнить; я и фамилію его не забылъ. Кажется, Рославлевъ?... »

— « Да, онъ и есть! Гляжу, слуга его чуть не плачетъ, баринъ безъ памяти, а онъ самъ не знаетъ куда ѣхать. Я обрадовался, что Господь привелъ меня, хоть чѣмъ нибудь возблагодарить

моего благодѣтеля. Велѣлъ ямщику ѣхать ко мнѣ, и отвелъ больному лучшую комнату въ моемъ домѣ. Нашъ частной Лѣкарь прописалъ лѣкарство, и ему теперь какъ будто бы полегче; а все еще въ память не приходитъ. »

— « Что-жъ вы будете дѣлать, если Французы войдутъ въ Москву? Вѣдь его, какъ плѣннаго Офицера, у васъ не оставятъ. »

— « Ужъ я сбо всемъ съ домашними условился: мундиръ его припрячемъ подалѣ, и если до чего дойдетъ, такъ я назову его моимъ сыномъ. Сосѣдъ мой, золотыхъ дѣлъ мастеръ, Францъ Иванычъ, сталъ было мнѣ отсовѣтывать, и говорилъ, что мы этакъ бѣду наживемъ; что если Французы дознаются, что мы скрываемъ у себя подъ чужимъ именемъ Русскаго Офицера, то пожалуй, разстрѣляютъ насъ, какъ шпіоновъ; но не только я, да и старуха моя слышать объ этомъ не хочетъ. Что будетъ,

то и будетъ, а благодѣтеля нашего не выдадимъ. »

— « Сохрани Боже, выдать! Только напрасно объ этомъ сосѣдъ-то вашъ знаетъ. Смотрите, чтобъ этотъ Францъ Иванычъ.... »

— « Нѣтъ, Андрей Васьяновичъ! Конечно, самъ онъ отъ непріятеля не станетъ прятать Русскаго Офицера, да и на насъ не донесетъ; вѣдь онъ не Французъ, а Нѣмецъ; и надобно сказать правду — честная душа! А подумаешь, куда тяжко будетъ, если Господь насъ не помилуетъ. Ты уйдешь, Андрей Васьяновичъ, а каково-то будетъ мнѣ смотрѣть, какъ эти злодѣи станутъ владѣть Москвою, раззорять храмы Господни, жечь домы наши.... »

— « Моихъ Замоскворѣцкихъ домовъ не сожгутъ, Иванъ Архиповичъ! »

— « А почему такъ? »

— « Да потому, что прежде чѣмъ Французская нога переступитъ черезъ мой порогъ, я запалю ихъ самъ своей

рукою; я ужъ, на всякой случай, и смоляныхъ бочекъ припасъ. Вчера разговорились со мной объ этомъ молодцы изъ Каретнаго ряда: и они тоже поютъ. Не много Французовъ станетъ разъѣзжать въ Русскихъ каретахъ, и если подлинно Москвы отстаивать не будутъ, хоть то порадуетъ наше сердце, что этотъ Бонапартій грибъ съѣстъ. Чай, онъ теперь разсуждаетъ съ своими Генералами, какая встрѣча ему будетъ; дѣлаетъ разкладку, да подводитъ итоги, сколько надо собрать съ насъ контрибуціи. Дожидайся, голубчикъ! много возьмешь! поднесемъ мы тебѣ хлѣбъ съ солью! Развѣ одинъ Кузнецкой мостъ выдетъ къ тебѣ на встрѣчу, да съ полсотни такихъ же шалобаевъ, какъ эти молокососы, » прибавилъ купецъ, указывая на троихъ молодыхъ людей, которые въ полголоса разговаривали межъ собою. « Слышите-ль, Иванъ Архиповичъ? вѣдь они по Французски говорятъ. »

— И, батюшка, какос намъ до этого дѣло? Видно магазинщики съ Кузнецкаго моста, такъ и говорятъ по своему. »

— « Нѣтъ, Иванъ Архиповичъ! одинъ-то изъ нихъ Русской и нашъ братъ купецъ — вонъ что въ синемъ сюртукѣ. Я ужъ не въ первый разъ его вижу. Не знаю, чѣмъ онъ торговалъ прежде, а теперь, кажется, за дурной всялся промыселъ. Ну то ли время, чтобъ Русскому якшаться съ Французами? А у него другой компаніи нѣтъ. Слышите ли, какъ онъ имъ напѣваетъ? и вѣрно что нибудь благое. Отъ чего они такъ робко вокругъ себя посматриваютъ? Для чего говорятъ въ полголоса? Глядите!... Вытащилъ изъ кармана бумагу.... читаетъ имъ.... Хоть сей часъ голову на плаху, а тутъ есть что нибудь недоброе!... Видите ли, какъ у этихъ Французовъ рожи расцвѣли — такъ и ухмыляются!... Эхъ, еслибъ вывѣдать какъ нибудь!... Постойте-ка, авось удастся!...

Купецъ подошелъ къ молодому человѣку въ синемъ сюртукѣ и, поклонясь ему вѣжливо, сказалъ въ полголоса: « Позвольте мнѣ васъ предостеречь, батюшка. Вы, кажется, Русской. »

Молодой человѣкъ спряталъ поспѣшно въ карманъ бумагу, которую читалъ своимъ товарищамъ, и взглянувъ недовѣрчиво на купца, отвѣчалъ отрывистымъ голосомъ: « да, сударь!... Что вамъ угодно! »

— « А эти господа, кажется, Французы?

— « Ну да! Такъ что-жъ »

— « Да такъ, батюшка; вы съ ними говорите по Французски, стоите вмѣстѣ.... »

— Такъ чтожъ? » повторилъ молодой человѣкъ. « Развѣ это уголовное преступленіе? Они мои пріятели. »

— « И можетъ быть пречестные люди, да время-то не то, батюшка. »

— « Я во всякое время вправѣ гово-

рить съ моими пріятелями, и желалъ бы знать, кто можетъ запретить мнѣ?...»

— « Ужъ конечно не я. По мнѣ тутъ нѣтъ ничего худаго; а еще, можетъ быть, это знакомство и очень вамъ пригодится. Да простой-то народъ глупъ, батюшка! Пожалуй, сочтутъ васъ шпіономъ. Поди толкуй имъ, что не ихъ дѣло въ это мѣшаться, что мы люди не военные, что въ чужихъ земляхъ войска дерутся, а обыватели сидятъ смирно по домамъ; и если непріятель войдетъ въ городъ, такъ для сохраненія своихъ имуществъ, принимаютъ его съ честію. Что, въ самомъ дѣлѣ! не нами свѣтъ начался, не нами кончится. Когда вездѣ ужъ такъ заведено, такъ намъ-то къ чему быть выскочками? »

Молодой человѣкъ улыбнулся съ удовольствіемъ, и поглядѣвъ пристально на купца, сказалъ: « Я вижу, что вы, не смотря на вашъ костюмъ, человѣкъ просвѣщенный, и не убѣжите изъ Москвы, когда Наполеонъ войдетъ въ нее побѣдителемъ. »

— « Нѣтъ, батюшка !... У меня здѣсь два дома и три лавки, такъ слуга покорный, Если будутъ какіе поборы, такъ что-жъ ? лучше отдать половину чѣмъ все потерять. »

— « Половину? Да кто вамъ сказалъ, что вы отдадите что нибудь? Съ чего вы взяли, что Французы грабители? Я вижу, вы человѣкъ умный; неужели вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите тому, въ чемъ насъ стараются увѣрить? Пора кажется намъ перестать быть варварами, и хотя нѣсколько походить на другихъ Европейцевъ. Помилуйте ! бѣжать вонъ изъ города !... Да развѣ Французы Татары ? Французы самая великодушная и благородная нація въ Европѣ. Знаете ли чего боится наше Правительство? Не Французовъ, а просвѣщенія, которое они принесутъ вмѣстѣ съ собою. Повѣрьте мнѣ, еслибъ Московскіе жители встрѣтили Наполеона съ должной почестью.... »

— « Эхъ, батюшка ! за этимъ бы дѣ-

ло не стало, да вѣдь Богъ вѣсть! Ну какъ въ самомъ дѣлѣ онъ примется разорять насъ? Кто знаетъ, что у него на умѣ?»

— « Кто знаетъ? Многіе это знаютъ. И если хотите, » прибавилъ молодой человѣкъ, почти шопотомъ, « и вы будете это знать. »

— « Какъ не хотѣть, батюшка. Какъ знаешь, чего ждать, такъ все таки куражнѣе. А развѣ вамъ что нибудь извѣстно? »

— « Да!... но говорите тише. У меня есть прокламація Наполеона къ Московскимъ жителямъ. »

— « Прокламація?... »

— « То есть, воззваніе, манифестъ.»

— « Въ самомъ дѣлѣ, » вскричалъ купецъ съ живостію; но вдругъ понизивъ голосъ, продолжалъ: « Прокламація, сирѣчь манифестъ? Понимаю, батюшка! Эхъ, жаль!... Чай писано по Французски? »

— « У меня есть и переводъ. »

— « Переводъ ? Покажите-ка , отецъ родной ! Да кто это добрый человѣкъ потрудился перевести ? Ужъ не вы ли, батюшка ? »

— « Я , или не я, какое вамъ до этого дѣло ; только переводъ не дуренъ , за это я вамъ ручаюсь , » прибавилъ съ гордой улыбкою краснорѣчивый незнакомецъ, вынимая изъ кармана исписанную кругомъ бумагу. Купецъ протянулъ руку ; но въ ту самую минуту молодой человѣкъ поднялъ глаза и — взоры ихъ встрѣтились. Кипящій гнѣвомъ и , исполненный презрѣнія взглядъ купца , который не могъ уже долѣе скрывать своего негодованія , поразилъ измѣнника ; онъ поспѣшилъ спрятать бумагу опять въ карманъ , и отступилъ шагъ назадъ. « Ни-съ-мѣста , предатель ! » закричалъ купецъ схвативъ его за воротъ. « Подай бумагу ! » Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ какъ смерть, рванулся изъ всей силы , и оставивъ въ

рукѣ купца лоскутъ своего сюртука, ударился бѣжать. « Держите ! » закричалъ купецъ ; « православные , держите! Это шпіонъ, измѣнникъ !... Но вдругъ изъ толпы, которая стояла подъ горою , раздался громкой крикъ. « Солдаты, солдаты!Французскіе солдаты!... » закричало нѣсколько голосовъ. Весь народъ взволновался ; передніе кинулись назадъ ; задніе побѣжали впередъ, и въ одну минуту улица , идущая въ гору , покрылась народомъ. Молодой человѣкъ, пользуясь этимъ минутнымъ смятеніемъ, бросился въ толпу и исчезъ изъ глазъ купца. « Ушелъ , разбойникъ ! » сказалъ онъ , скрыпя отъ бѣшенства зубами. « Да не сдобровать же тебѣ, Іуда предатель ! Господи , Боже мой, до чего мы дожили ! Русской купецъ — и можетъ быть , сынъ благочестивыхъ родителей !... »

Межъ тѣмъ небольшой отрядъ , надѣлавшій такъ много тревоги , нрибли-

жился къ мосту; впереди шло человѣкъ пятьсотъ безоружныхъ Французовъ, и не удивительно, что они перепугали народъ. Издали ихъ не льзя было принять за плѣнныхъ, которыхъ обыкновенно водятъ безпорядочной толпою. Напротивъ, эти Французы шли по улицѣ почти церемоніальнымъ маршемъ, повзводно, тихимъ, ровнымъ шагомъ, и даже съ наблюденіемъ должной дистанціи. Конвой, состоящій изъ полуроты пѣхотныхъ солдатъ, шелъ позади, а съ боку ѣхалъ на казацкой лошади начальникъ ихъ, толстый, лѣтъ сорока Офицеръ, въ форменномъ армейскомъ сюртукѣ; рядомъ съ нимъ ѣхали двое Русскихъ Офицеровъ: одинъ раненый въ руку, въ плащѣ и уланской шапкѣ; другой въ гусарскомъ мундирѣ, фуражкѣ и съ обвязанной щекою. Гусарской Офицеръ первой замѣтилъ ошибку народа. « Посмотрите, Зарядьевъ, » сказалъ онъ пѣхотному Офицеру, « вѣдь насъ приняли за Францу-

зовъ; а все ты виноватъ: твои плѣнные маршируютъ какъ на ученьѣ. »

— « А по твоему лучше бы, » возразилъ пѣхотный Офицеръ, « чтобъ они шли, какъ попало. Еслибъ имъ отъ этого было легче, то такъ бы ужъ и быть; а то что толку? Какъ хочешь иди, а переходъ надобно сдѣлать. Посмотришь, у другихъ — терпѣть не могу — разбредутся по сторонамъ: одни убѣгутъ впередъ, другіе оттянутъ за версту; ну то ли дѣло, когда идутъ порядкомъ? Самимъ веселѣе. Эй, Дёминъ! » продолжалъ онъ, обращаясь къ видному Унтеръ-Офицеру: « забѣги впередъ и приостанови первый взводъ. Куда торопятся эти Французы! Да посмотри, правой-то флангъ совсѣмъ завалился. »

Уланской Офицеръ улыбнулся. « Ну что ты смѣешься, Сборской? » сказалъ Гусарской Офицеръ. « Зарядьевъ правъ: онъ любитъ дисциплину и порядокъ, за то, посмотри, какая у него

рота ; я видѣлъ ее въ дѣлѣ — молодцы! подъ ядрами въ ногу идутъ. »

— « Что ты , Зарѣцкой ! Я вовсе не думалъ смѣяться ; да признаюсь , мнѣ и не до того: рука моя больно шалитъ. Послушай , братецъ ! Наше торжественное шествіе можетъ продолжиться долго , а домъ моей тетки на Мясницкой: поѣдемъ скорѣе. »

— « Поѣдемъ. »

Оба Кавалериста кивнули головами Зарядьеву , и пустились рысью къ Смоленскому рынку. « Ты долго проживешь въ Москвѣ ? » спросилъ Зарѣцкой своего товарища.

— « Долго ? Да развѣ это зависитъ отъ меня ? Можетъ быть , дня черезъ три сюда пожалуютъ гости , съ которыми я пировать вовсе не намѣренъ. »

— « Такъ ты полагаешь , что ихъ не встрѣтятъ ?... »

— « Пушечными выстрѣлами ? Врядъ-ли. Да и депутаціи также не будетъ. »

— « Ну, Богъ знаетъ. Я думаю, въ Москвѣ наберется еще десятка два-три Французскихъ учителей; Наполеонъ назоветъ ихъ въ своемъ бюллетенѣ Сенаторами, а добрые Парижане всему повѣрятъ. Однако-же, что ни говори, а свое по неволѣ любишь. Я терпѣть не могу Москвы, а теперь мнѣ ее жаль. Въ прошлую зиму я прожилъ въ ней два мѣсяца и чуть не умеръ съ тоски: театръ предурной, балы прескучные, а сплетней, сплетней!... Ну, право, здѣсь въ одни сутки услышишь больше комеражей, чѣмъ въ круглый годъ въ нашемъ благочестивомъ Петербургѣ, который также не очень забавенъ — надобно отдать ему эту справедливость. »

— « А гдѣ же по твоему весело? »

— « Гдѣ? да тамъ, гдѣ нѣкогда подумать о дѣлѣ; на-примѣръ — въ Парижѣ. »

— « И, милый! Парижъ отъ насъ такъ далеко. »

— « Не дальше и не ближе, какъ

Москва отъ Французовъ. Что если-бы... на свѣтѣ все круговая порука, и ежели Французы побываютъ въ Москвѣ, такъ почему-бы, кажется, и намъ не загулять въ Парижъ? Къ тому-жъ и вѣжливость требуетъ.... »

— А что ты думаешь? Въ самомъ дѣлѣ, не заготовить ли намъ визитныхъ карточекъ? »

— « Ахъ, чортъ возьми! Тото-бы повеселились! А кажется, они въ Москвѣ не очень будутъ веселиться. Посмотрика: по всей Арбатской улицѣ ни одной души. Ну, чего другаго, а Французамъ просторъ будетъ славный! »

Въ самомъ дѣлѣ, отъ Драгомиловскаго моста до самой Мясницкой, они встрѣтили не болѣе трехъ каретъ, запряженныхъ по-дорожнему, и только на Красной площади и около одного дома, на Лубянкѣ, толпился народъ.

— « Что это? » сказалъ Сборской, подъѣзжая къ длинному деревянному дому. « Ставни закрыты, ворота на за-

порѣ! Ну, видно плохо дѣло, и тетушка отправилась въ деревню. Тридцать лѣтъ она не выѣзжала изъ Москвы, лѣтъ десять сряду, акуратно каждый день, дѣлали ея партію два Бригадира и одинъ отставной Каммергеръ. Ахъ, бѣдная, бѣдная! Съ кѣмъ она будетъ теперь играть въ вистъ? »

— « Ну, братецъ, куда-же намъ дѣваться? » спросилъ Зарѣцкой.

— « А вотъ посмотримъ; вѣрно хоть дворникъ остался. »

Офицеры слѣзли съ лошадей, начали стучаться, и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ на улицу старикъ, въ изорванной фризовой шинели. « Ахъ, батюшка! Это вы, Ѳедоръ Васильичъ! » сказалъ онъ, увидя Сборскаго.

— « Здравствуй, Ѳедотъ! Ну что, тетушка въ деревнѣ? »

— « Да, сударь; изволила уѣхать. Думала, думала, да вдругъ поднялась; вчера поутру закрутила такъ, что и Бо-

же упаси! Порядкомъ заложить не успѣли. Охъ, батюшка! Видно злодѣи-то наши недалеко? »

— Нѣтъ, еще не близко. Ну что, есть ли у тебя что нибудь съѣстное? »

— « Какъ-же, сударь, весь годовой запасъ: мука, крупа, овесъ, сушеныя куры, вяленая рыба, гусиные полотки, масло.... »

— « Такъ мы и наши лошади съ голоду не умремъ? Слава Богу! »

— « А есть ли у васъ что нибудь въ подвалѣ? » спросилъ Зарѣцкой.

— « Какъ-же, сударь! однѣхъ виноградныхъ винъ дюжины четыре будетъ. »

— « Славно! » закричалъ Сборской. « Смотри, Зарѣцкой, больше пить, чтобъ Французамъ ни капли не осталось. Ну, Ѳедотъ, отпирай ворота! Пойдемъ, братецъ! Дѣлать нечего, займемъ парадныя комнаты. »

Пройдя через обширную лакейскую, въ которой стѣны, налакированныя спинами лакѣевъ, ничѣмъ не были обиты, они вошли въ столовую, оклеенную зелеными обоями; кругомъ въ холстинныхъ чехлахъ стояли набитые пухомъ стулья; а по стѣнамъ висѣли низанныя изъ стекляруса картины, представляющія попугаевъ, павлиновъ и другихъ пестрыхъ птицъ. « Ну, братецъ! » сказалъ Зарѣцкой, « мы проживемъ здѣсь дни два, три, а потомъ.... »

— « А потомъ, когда нагрянутъ незваные гости, я отправлюсь лѣчиться въ Калугу. А ты? »

— « Если щекѣ моей будетъ легче, пристану опять къ нашему войску; а если нѣтъ, то поѣду отсюда къ пріятелю моему Рославлеву. »

— « Къ Рославлеву? »

— « Да, онъ лечитъ теперь и руку и сердце подлѣ своей невѣсты, верстъ за пятьдесятъ отсюда. Однако-жъ, знаешь

ли что? Если въ гостиной диваны набиты также, какъ здѣсь стулья, то на нихъ славно можно выспаться. Мы почти всю ночь ѣхали, и не знаю, какъ ты, а я очень усталъ. »

— « Ну, хорошо, отдохнемъ! Да не послать ли дворника, отыскать какого нибудь Лѣкаришку? Намъ надобно перевязать наши раны. »

— « Да, не мѣшаетъ. Ахъ, чортъ возьми! Я думалъ, что Французской латникъ только оцарапалъ мнѣ щеку; а онъ, видно, порядкомъ съѣздилъ меня по рожѣ. »

Офицеры послали дворника за Лѣкаремъ, а сами пошли въ гостиную и улеглись преспокойно на мягкихъ шелковыхъ диванахъ. « Ахъ, тетушка, тетушка! Съ какимъ-бы гнѣвомъ возопила ты на это нарушеніе всѣхъ приличій! Какъ ужаснулась-бы, увидѣвъ шинели, сабли, мундиры, разбросанные